

ЮНОСТЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ С ИЮНЯ 1955 г.

№ 2 (673) • 2012

«ЮНОСТЬ» © С. Красавская. 1962 г.

Учредитель — трудовой коллектив редакции журнала «Юность».

«ЮНОСТЬ» — зарегистрированный товарный знак, являющийся собственностью трудового коллектива редакции журнала «Юность».

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

подписной индекс **71120**

ISSN **0132-2036**

E-mail: unost-contact@mail.ru
<http://unost.org>

*Весь 2012 год
на обложках журнала «Юность»
иллюстрации Анны Дудяковой*

© Анна Дудякова, рисунок
на первой стр. обложки, 2012

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Лев АННИНСКИЙ
Зоя БОГУСЛАВСКАЯ
Валерий ЗОЛОТУХИН
Елена ИСАЕВА
Кирилл КОВАЛЬДЖИ
Валерий КОЗЛОВ
Владимир КОСТРОВ
Нина КРАСНОВА
Татьяна КУЗОВЛЕВА
Валентина ЛАНЦЕВА
Евгений ЛЕСИН
Георгий ПРЯХИН
Владимир РАДЧЕНКО
Ольга РЫЧКОВА
Александр СОКОЛОВ
Борис ТАРАСОВ
Елена ТАХО-ГОДИ
Олег ТОЛКАЧЕВ
Игорь ШАЙТАНОВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

главный редактор,
заведующий отделом поэзии
Валерий ДУДАРЕВ

главный художник
Дмитрий ГОРЯЧЕНКОВ

заведующая отделом критики
Анна КОЗЛОВА

ответственный секретарь
Ярослав ЛИТВИНЕНКО

заведующий отделом культуры
Александр МАХОВ

заместитель главного редактора,
заведующий отделом прозы
Игорь МИХАЙЛОВ

главный консультант
Эмилия ПРОСКУРНИНА

заведующая отделом
духовного наследия
Марина РЫБАКИНА

заведующая отделом
публицистики
Екатерина САЖНЕВА

консультант главного редактора
Евгений САФРОНОВ

директор по развитию
Светлана ШИПИЦИНА

ПОЭЗИЯ

// Молодая поэзия Сахалина //

Вступительная статья Николая ТАРАСОВА.....	3
Артемий СЕМИЧАЕВСКИЙ	5
Ася СЕНИНА	6
Ирина ЧАЛЕНКО.....	8
Наталья ЕРШОВА.....	9
Олег БАКЛАКОВ	11
Ольга АСЕЕВА.....	12
Сергей ПЕГОВ	14
Виктор ПРОНИН.....	76

ПРОЗА

Елена САЗАНОВИЧ	
ГАЙДЕБУРОВСКИЙ СТАРИК Роман (продолжение)	25
Владимир СЕМЕНЧИК	
КОНСУЛЬТАНТ ПО ЛЮБЫМ ВОПРОСАМ	
Повесть из жизни офисного планктона (продолжение).....	50
Нина САРАПИАН	
ВСПОЛОХИ	85

ЗАТАИВ ДЫХАНИЕ

ЮРИЙ СОЛОМИН: «СССР — ЭТО БЫЛА ЦИВИЛИЗАЦИЯ!»	
Беседу вела Светлана Воскресенская	15

ЗАМЕТКИ НЕТЕАТРАЛА

Лев АННИНСКИЙ	
ТАРЕЛКА С МАКАРОНАМИ	42

БИБЛИОТЕКА ПЕРЕВОДА

Андрия РАДУЛОВИЧ (Черногория).....	43
------------------------------------	-----------

КАК БЕДЕН НАШ ЯЗЫК!

Марианна ТАРАСЕНКО	
Я — ДОМО... КТО?	74

РАЗНООБРАЗИЕ СЛОГА

Маргарита СОСНИЦКАЯ	
ПРОЕКЦИЯ ДОСТОЕВСКОГО	
В ПОСЛЕДНЕМ РОМАНЕ И. С. ЛУКАША Наблюдение.....	80

ИНОЗЕМНЫЙ СЮЖЕТ

Оливер ОНИОНС	
ПОРТСИГАР Перевод Евгения Никитина.....	89

БЫЛОЕ И ДУМЫ

Дмитрий БОБЫШЕВ	
УВИЖУ САМ Человекотекст, книга 3 (продолжение).....	96

КНИЖНЫЙ РАЗВАЛ

ИСТИННАЯ ГАРМОНИЯ о книге А. Лепина.....	102
НАЙДЕННЫЙ В «КАПУСТЕ» о книге В. Коркунова	103

ТВОРЧЕСКИЙ КОНКУРС

Софья ГЕТЬМАН г. Москва	105
Андрей РАСТВОРЦЕВ г. Чебоксары	110
Евгений КАРАСЕВ г. Омск	111
Евгений АГЕЕНКОВ Московская обл.	112
Олег ЛЕБЕДЕВ г. Москва.....	117

В КОНЦЕ КОНЦОВ

// Детектив на ночь //	
Валерий ИЛЬИЧЕВ	
ПОХОЖДЕНИЯ	
«ПОДМИГИВАЮЩЕГО ПРИЗРАКА» Повесть (окончание)	128
// Зеленый портфель //	
Феликс КИРЕЕВ	
МОЯ ПРЕКРАСНАЯ ВЕДЬМА	140
// «До востребования» //	
Галка ГАЛКИНА	
БУДУЩИЙ ПРЕЗИДЕНТ — ЯВНО КОНТАКТЕР	145
// VERIORA VERIS //	
Шалун ГЕО, человек после оркестра	
АФРОРОССИЯНЕ, ВЫ — НЕ НЕДРЫНЕГРЫ!	146

Заведующая редакцией

Лидия ЗЯБИНА

Заведующий отделом информации

Игорь РУТКОВСКИЙ

Специальный корреспондент

по Белгородской области

Нила ЛЫЧАК

Редактор-корректор

Юлия СЫСОЕВА

Верстка и оформление

Елизавета ГОРЯЧЕНКОВА

Главный бухгалтер

Алла МАТЮХИНА

Финансовая группа

Лариса МЕЛЬНИКОВА

Заведующая отделом рукописей

Ирина УШАКОВА

Интернет-версия

Наталья СЫСОЕВА

Заведующая отделом распространения

Ульяна ТКАЧЕНКО

Художник-иллюстратор

Анна ДУДЯКОВА

Дежурные по редакции

Людмила ЛОГАЧЕВА

Татьяна СЕМЕНОВА

Татьяна ЧЕРЫГОВА

Людмила ГУДКОВА

Администратор

Зинаида ПОТАПОВА

Лиц. Минпечати № 112.

Адрес редакции:

Москва, ул. 1-я Тверская-Ямская,
д. 8, стр. 1.

Для почтовых отправлений:

125047, Москва, а/я 182, «Юность».

Тел.: **+7 (499) 251-31-22,**

+7 (499) 250-83-98,

+7 (499) 250-40-72,

тел./факс: **+7 (499) 250-40-60**

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

Авторы несут ответственность
за достоверность представленных
материалов. Мнения автора
и редакции могут не совпадать.
При перепечатке материалов ссылка
на журнал «Юность» обязательна.

Отпечатано в ГУП Академиздатцентр

«Наука» РАН,
ОП «ПИК «ВИНИТИ»-«Наука»

140014, Люберцы, Московская обл.,
Октябрьский пр., 403

Тел. +7 (495) 974-69-76

Тираж 6 500 экз. Формат: 60x84/8

Заказ №

Молодая поэзия Сахалина: развитие и тенденции

У сахалинской поэзии вообще возраст молодой. С начала сороковых-пятидесятих годов XX века лирическая поэзия на Сахалине всегда являлась ведущим жанром. В прошлом, начиная с послевоенных лет, молодыми поэтами на Сахалине оказывались люди, приехавшие из других краев с уже нажитым запасом знаний, с воспитанием и жизненным опытом. Поэзия для них становилась инструментом освоения новой земли, и на ней оставался отпечаток профессии автора: стихи о рыбаках, лесорубах, шахтерах и строителях поощрялись официальными печатными органами. Так складывалась поэзия краеведческая, познавательная для читателей из других областей. Они узнавали об условиях труда и быта, о героических характерах освоителей новой земли в том числе и из стихотворений сахалинцев, печатавшихся практически во всех журналах страны.

Бухта Рыбная, бухта Крабовая...
Мачты, вымпелы да гудки.
Помнишь нашу братву, бухта Крабовая?
Как мы брали тебя за грудки!

Иван Белоусов

Пускай один из них с Урала,
Другой с Днепра или с Оки,
Их трудовая жизнь связала,
Они отныне — земляки!

Николай Петроченков

И красавцы суда у причала,
Кумачовые флаги подняв,
Отмечают гудками начало
Трудового советского дня.

Александр Мандрик

Евгений Лебков и Валентин Богданов — один из Брянска, другой из Вологды — не боялись быть традиционными и наполняли глубоким личностным содержанием то, что происходило с их героями. Лирическое начало развивали и маринисты Юрий Николаев и Михаил Финнов. Отсюда было еще далеко до философских обобщений, которые носили пока эмоциональный характер. Лирика оказалась одним из самых оперативных жанров, способным выполнять наряду с художественными задачами чисто публицистические. Цели философского осмысления бытия в сахалинской поэзии начали ставиться позднее, в 1970–80-е годы, когда волна восторгов и удивлений, вызванная ощущением первооткрытия, пошла на убыль.

Сегодняшнее поколение стихотворцев вступало в творческую жизнь в новых условиях, в другой стране.

Романтику освоения земли и моря потеснила романтика межчеловеческих отношений, где Она и Он — главные герои, на смену романтике окружающего мира пришла романтика познания самого себя...

Я — маятник.
 Маюсь тобою.
 Хочу — не хочу.
 Люблю — не люблю.
 Ну хоть бы чуть-чуть
 придать голове моей статику!

Ася Сенина

Что же отличает нынешнюю поэзию Сахалина? У нее гораздо чаще, чем прежде, «женское лицо», то есть героев потеснили героини. Но все эти героини и героини очень разные и самодостаточные. К примеру, у Ольги Асеевой — героиня с обостренным чувством справедливости, чуткая к чужому несчастью.

Грубые игры жестоких подростков,
 Похожих на нас, но с пустыми глазами,
 Откликнутся завтра тупиком, перекрестком,
 Компасом с вырванными полюсами.

Героиня Аси Сениной резка и самоиронична:

Так влажно снаружи,
 Что я превращаюсь в рыбу,
 На нерест идущую всясть
 В изначальное русло.
 И мне не сбежать,
 Не выбросить в воду чувство,
 Нести до конца
 И глотать беспомощно воздух.

И в то же время неподдельно лирична:

Сладкий ноябрь.
 Он сладок кленовым сиропом,
 Сахарной пудрой,
 Что с неба летит и — «Апчхи!» —
 Сладкая ночь,
 Добираюсь по ней автостопом
 Через метель
 На КамАЗе твоим — до весны.

Если герой Артемия Семичаевского как бы исподволь всегда наблюдает за тем, как выглядят окружающие:

Женщина в ветровке
 цвета «карамель»,
 Рядом с нею пудель,
 тоже карамелевый.
 И лицо у женщины...
 то ли загорелое,
 то ли заболевшее,
 «севшее на мель»,

то герой Олега Баклакова предельно искренен и говорит о том, что у него «болит».

На свет перепутья, сродни привиденью,
 Бегу, окольцованный черною тенью.
 По воздуху мчусь, по прямой — от фантома —
 Туда, где был дом мой, где не было дома.
 Где грезил грядущим и бредил устало,
 И помнил всю ночь про то, что в начале...
 «Останься со мною», — ты знойно шептала.
 «Мужайся!» — крылатые кони кричали.

Наталья Ершова ощущает себя проникновенным лириком и философом:

И старый, очень старый майский двор
 В развесистых, метущих небо липах
 Со стайкой детства, смеха и улыбок
 Свой вечный продолжает разговор...
 Дни суеты, а вечера — покоя.

А Ирина Чаленко все пытается гармонизировать собственный внутренний мир:

Не могу без мечты.
 Не могу без надежды.
 Не боюсь я плиты,
 Стирки грязной одежды...
 Одиноко мне, друг.
 Ты один это знаешь.
 Я слетала на юг.
 Ты — повсюду летаешь...

Я хотела уйти
От болезни и грусти.
(Отдыхала в пути.)
Только грусть стала... грустью.

Сергей Пегов пока еще только примеряется к серьезному лирическому разговору, и делает это весьма успешно:

Но тут налетела метель-небылица
На пьющий сок талой весны Сахалин...

...Последняя вьюга — голодной волчицей
На север бежит меж торосистых льдин.

Несмотря на всю свою разность, молодые поэты Сахалина включены в контекст поэтической России благодаря общей книжной культуре, соответствующему литературному воспитанию и, конечно, объединяющему всех и вся Интернету. Поэтому «островные» отличия будут и дальше стираться. Нравится нам или не нравится это, но такая тенденция обещает развиваться и в дальнейшем.

Николай Тарасов

Артемий СЕМИЧАЕВСКИЙ

Артемий Семичаевский родился в 1986 году в Южно-Сахалинске. В 2006 году окончил театральный колледж СахГУ и поступил в Институт филологии СахГУ. Работает актером в международном театральном центре имени А. П. Чехова. Участник областного литературного объединения «Лира». Автор книги сказок «Эрна — серебристая планета». Публиковался в сборниках «Сахалин», «Творчество молодых», «На берегах высокоих». Лауреат литературного конкурса Всероссийского фестиваля «Я вхожу в мир искусств». Стипендиат Сахалинского фонда культуры. Участник VI Форума молодых писателей России. Автор сборника стихотворений «Отрывистый такт небес» в поэтической кассете «Время года — весна».

Оптимистическое

Не все так плохо, господа, не все так плохо!
Пусть урки нынче правят бал,
Пусть нынче идеал — амбал,
Недолго ждать, когда наступит время «лохов»!

Не все так гадко, господа,
Совсем не гадко:
Меня терзает чудная догадка,
Что скоро мир изменится украдкой —
От прошлого не будет и следа.

Не все паршиво, господа,
Не все паршиво!
Я знаю, многие уже зашили
Свои сердца, уверовали в Шиву...
Во что-то надо верить иногда!

Все, господа мои, совсем не так трагично:
И войны, и пивной алкоголизм,

СПИД, гепатиты, просто ботулизм —
Все, уверяю вас, придет к концу логично.

Поэтому не будем унывать,
Отбросим все зажимы и проблемы,
Поговорим на солнечные темы
И станем песни на рассвете распевать!

Пастораль

Запах хвои.
Небо большое,
Необъятное, и чиста
В звенящем ручье вода.
Птаха в кудрях
Рощи. Утро.
Просыпаются цветы,
И во сне улыбаешься ты.
Ветер носит, небо бросив,
Средь ветвей рассветный луч,

Треплет локон твой, летуч...
 На ресницах
 Свет зарницы—
 Капля утренней росы
 Распугала твои сны,

Ты проснулась, мое солнце!
 Утро радостно смеется,
 В свой вплетая перезвон
 Звуки наших двух имен.

* * *

Деревья на освеженный дождем асфальт
 Отбрасывают сухие белесые тени:
 Дождь немного печален, слегка косоват —
 Его меланхолическое паденье

Не достигло дороги под сенью дерев,
 И дорога в сухих треугольных проталинах...
 Мой стих так же странен и так же слеп,
 Как город, как дождь, как мой век... и так далее.

* * *

Голубь идет
 и трясет головой,
 как будто слушает рэп.
 Солнце плеснуло в мир ослепительным золотом;
 вата

на голубом кафеле
 над моей одуванчиковой головой;
 я швырну в тебя поцелуями опадающих листьев.
 Зима не пришла,
 Лето отчалило в лодке давно,
 Весна вдали за горизонтом,
 А для осени — слишком веселое солнце;
 Ничего не будет из четырех времен года
 И ничего не повторится —
 Солнечный миг остановился навсегда.

* * *

Мы все умрем когда-нибудь.
 Надеюсь я, не очень скоро...
 Дай бог, чтобы не очень скорбно
 Нам было плыть последний путь.

Успеть бы жизни подмигнуть,
 И взять ее, и насладиться,
 И, осчастливив, с ней проститься,
 Вслед прокричав: «Не позабудь!»

Ася СЕНИНА

Ася Сенина родилась в 1983 году в портовом городе Невельске. Окончила СахГУ по специальности «лингвист, переводчик». Пишет стихи с шестнадцати лет. Член областного литературного объединения «Ли́ра». Публиковалась в местной прессе, в литературно-художественных сборниках «Сахалин», «На берегах высоких», «Творчество молодых». Лауреат литературного конкурса Всероссийского фестиваля «Я вхожу в мир искусств». По итогам фестиваля стихи были опубликованы в сборнике литературного творчества учащихся. Стипендиат Сахалинского фонда культуры. Участница слета молодых литераторов юга Сахалина, V Форума молодых писателей России в подмосковных «Липках». Окончила заочно РГУ нефти и газа имени Губкина. Работает на нефтегазовом предприятии специалистом по контрактам. Автор книги стихотворений «На языке солнца».

Про родину

Сахалин рифмуя со спином,
 Вытворяю стихата про родину,
 Про закаты и про смородину,
 Про погоду и — снова сопливо.

Я живу здесь, и этим все сказано.
 И в том нету особой поэзии,
 На привычки не пишут рецензии,
 Это лень моя медом измазана.

Эта лень отрывает от важного
И таскает меня по улицам
Наблюдать, как солнце целуется
С поездами пятиэтажными.

Наблюдать за живыми бордюрами,
Как они обегают лужицы,
И чего им с водой не дружится?
Все с такими, как я, трубадурами.

Только трубы мои — водосточные,
В них, конечно, ноктюрн Маяковского.
Мой Прованс — побережье Охотского,
Альпы — сопки дальневосточные.

Рыба

Так влажно снаружи,
Что я превращаюсь в рыбу,
На нерест идущую вспять
В изначальное русло.
И мне не сбежать,
Не выбросить в воду чувство,
Нести до конца
И глотать беспомощно воздух.

Твоя неизбежность
Похожа на крупную сетку,
И я проскочу,
Если стану чуточку мельче,
Но полное брюхо чувств
И дождливый вечер,
И зонтик один на двоих,
И твоя беспечность.

* * *

Влюбилась — подстриглась,
Надела очки,
Улыбку, перчатки,
Иной притворилась,
Укуталась в серенький шарф и мечты
И в пятую сторону-точечку скрылась.
И чтоб не спугнуть павлина декабрьского,
Чтоб вьюгу сдержат под крыльями пестрыми,
Глазами шепчу
И в автобусе Фаустом
Ищу Мефистофеля немного взрослого.
Он должен мне что-то,
Он должен многое,
Вчера, и сегодня, и завтра, наверное,
Он должен мне взгляд
И, конечно, Вселенную
За то, что подстриглась,
Улыбку надела.

* * *

Ветер и ночь.
Мы и море.
Мы — это ты и я.
Волна. Песок.
Зыбкая, сокрушительная гармония
Взявших друг друга рук.
Ветер очертит круг.
Прижмет нас ближе
И ближе.
В сердце раздастся стук.
Мы друг к другу пришли.
— Заходи!
— Заходи. Оставайся, слышишь?

* * *

Сладкий ноябрь.
Он сладок кленовым сиропом,
Сахарной пудрой,
Что с неба летит и — «Апчхи!» —
Сладкая ночь,
Добираюсь по ней автостопом
Через метель
На КамАЗе твоём — до весны.

Дома тепло.
Сахар тает, прильнув к лобовому.
Нам по пути —
По дороге без черных полос.
Все замело,
И дорожники вновь не готовы
Солью сбивать
Сладкий запах кленовых волос.

Может, пешком?
Неуклюже пройти по центральной,
Ближе к весне
Замедляя свой пульс и шаги.
Может, ноябрь
Устал быть таким brutальным,
И потому
Нам так сладко ему вопреки.

Ирина ЧАЛЕНКО

Ирина Чаленко родилась в 1984 году в Биробиджане. Работает методистом и преподавателем кафедры русской и зарубежной литературы института филологии СахГУ. Участница областного литературного объединения «Лира», публиковалась в литературно-художественных сборниках «Сахалин», «Творчество молодых». Лауреат литературного конкурса Всероссийского фестиваля «Я вхожу в мир искусств». Участница III Форума молодых писателей России. Автор стихотворного сборника «Снег-оптимист» в поэтической кассете «Время года — весна».

* * *

И даже здесь бывает чудно.
И даже здесь прозрачен снег.
И даже в этом мире скучном
Увидеть может человек,
Что все вокруг не так уж ложно
И что береза под окном
Бросает тень свою тревожно
На белый снег, на чей-то дом...
На нашу улицу... Чуть скрыто
Ее холодное нутро.
Быть может, вскоре будет смыто
И колдовское серебро
В моем окошке. Может, даже
Нет ничего в березе той...
И все ж — под этой серой сажей
Есть то, что станет красотой.

* * *

Улетите. Я знаю — взлетите Вы
(Самолетом. Под утро. Под шум листвы),
Оттолкнувшись легко... Прочь отсюда...
Будет рано еще. Спать я буду.
Улетите. Я знаю: взлетите Вы —
Вздрогнет мышца земной тетивы...
И стрела моя, взмыв к самолету,
Не отступит от Вас ни на йоту.
Вы летите. Вокруг облака.
Это я говорю: «Пока...»
Стюардесса предложит: «Чай? Кофе?»
Это тоже я... Только в профиль.
Встретит город Вас листопадом,
Снегопадом ли встретит Вас,
Злым дождем ли... Я буду рядом
(Невидимкой: без рук, без глаз).
Крик друзей и бутылка водки,
Хлеб, изломанный на куски,
Чемоданы, машины, шмотки...
Это я потираю виски.
Кошка драная (на углу),

Обувь рваная (на полу),
И убогая, злая прохожая...
Это тоже я!

Но живу я на Сахалине.
И сквозь глобуса параллель,
И сквозь меридианные линии
Вы не вспомните обо мне.

* * *

Поцелуй меня тихо
В напряженный висок.
Я — дитя. Я — трусиха.
Я — твой нежный цветок.

Поцелуй меня в темя.
Без истерик, без стен...
Без помятой постели,
Без удушливых сцен...

Твоя нежная кожа
Понежнее моей.
Мы с тобой непохожи:
Ты нежнее, нежней...

Но едва ли прочнее
Отношений велюр?
Я, наверно, болею...
Я, наверно, люблю...

* * *

Бабушка спит.
Дядя мой пьет.
Братик сопит
(Скоро в школу пойдет).
Тяжесть в висках
Молча стерплю.
Злая тоска
Обернулась в петлю.
Все очень плохо:

Здесь нет мужика,
Бесятся блохи,
А может, мошка.
Прыгнуло горе
Прямо на темя.
В мусорном соре
Сгнуло семя.
Нет здесь семьи...
Больше нет здесь семьи.
Дохнет щенок у облезшей скамьи.
Хриплое утро петух проорет.
Бабушка спит.
Дядя мой пьет.

Из «Белой депрессии»

Не могу без мечты. Не могу без надежды.
Не боюсь я плиты, стирки грязной одежды...
Одиноко мне, друг.
Ты один это знаешь.
Я слетала на юг.
Ты — повсюду летаешь...
Я хотела уйти
От болезни и грусти.
(Отдыхала в пути.)
Только грусть стала... грустью.
Стала черной тоской,
Птицей умалишенной...
Ведь один ты такой,
Кто позвал меня в жены.

Наталья ЕРШОВА

Наталья Ершова родилась на Сахалине в 1983 году в поселке Первомайске Смирныховского района. Окончила славянское отделение института филологии СахГУ по специальности «филолог-преподаватель»; одновременно получала дополнительную специальность «журналистика». С 2005 года работает преподавателем кафедры журналистики СахГУ и оканчивает очное отделение аспирантуры СахГУ по специальности «русская литература». Неоднократно участвовала в слетах одаренной молодежи Сахалинской области «Белые крылья». Активная участница областного литературного объединения «Лира». Стихотворения были опубликованы в сборниках «Кораблик» и «Сахалин-2007». Автор поэтического сборника «Калейдоскопы травы» в поэтической кассете «Время года — весна». Стипендиат Сахалинского фонда культуры.

* * *

Ах, как обманчив теплый ветер —
Нахлынет, голову вскружит,
И улетит, и не заметит,
Как тяжело на свете жить.

И средь изменчивых формаций,
И средь загадочных миров
Ходить, дышать, и улыбаться
И вечно ждать своих волхвов.

Давно разгаданы секреты,
И ларчик истины открыт...
...Ах, как обманчив теплый ветер —
Оденешься легко — знобит.

Калейдоскопы зеленой травы

I.

Живем поколеньем без смысла,
Бесплатно плетем паутину...
— Ты здесь? — Я тебя не покину!.. —
Страсти латинского «мыла».

А где-то, быть может, и рядом —
Игры без права вспомнить,
Наивные иллюзии,
Где загостились не мы...

Мальчики в пестрых платьях,
Девочки без одежды,
Ангелы без надежды...
Калейдоскопы зеленой травы.

II.

Пыльные дискотеки,
Сажа на потных лицах.
Солнце пока садится —
Но, говорят, не сядет вовеки...

Кто-то застыл картинкой —
Невидим и нелюдим.
Кто-то не может вспомнить:
Ведь что-то же было с ним!

Темные подворотни —
Кому это незнакомо?
Чувствуй себя, как дома,
От Итурупа и до Москвы.

Милые! Вы не врете?
Может, пора стать проще?
Есть еще где-то леса и рощи,
Калейдоскопы зеленой травы...

III.

Песни про нас не пели,
В гости, увы, не ждали,
Без нас мелькали апрели,
Стекло-синие дали —

Кому это незнакомо?
Тому Одному, наверно...
А если — как мы, без веры?
Зато — с острием облома

В груди у слепца-надежды,
Ведущего поколение —
Не ангелы без сомненья,
Не демоны без одежды,

Не циники без улыбки,
А так — бытия обмылок;
За стеклами мутных бутылок
Аквариумные рыбки.

Ты просто живи, если хочешь —
летом,
И помни, что где-то были и мы —
Те, что шли рядом в леса и рощи —
Калейдоскопы зеленой травы...

Калейдоскопы зеленой травы.

Хокку

Капля упала в траву...
Перевернутым видит
Небо кузнечик в траве.

Тоска по Петербургу

*Серебро Господа моего,
Серебро Господа...
«Аквариум»*

Зато здесь живет душа,
Скользит по промокшим аллеям.
«Здесь холодно!» — мы жалеем.
Зато здесь живет душа.

И, не прикасаясь к ней,
И лорды идут, и леди...
«Здесь холодно! Ну, уедем!..» —
«Куда? Во вчерашний день?»

Печальное серебро
На небе — и отсвет на храмах,
И сполохи в нем — как раны
На тусклом теле Христа.

Печаль, как и вечер, проста...
Нет смысла и нет мученья.
Здесь холодно? Без сомненья!
Зато здесь живет душа.

Как трудно в сомненьях жить —
Как просто не сомневаться...
Ах, бросить бы все, решить —
Ведь где-то сейчас плюс двадцать,

Нет ангелов в небесах,
Нет демонов в плоскости мира...
И лишь теплота сортира —
И нет никакой души!

А здесь — мое серебро...
И пепел спадает с крыши.
С окурком ли кто-то вышел
Иль ангел обжег крыло?..

* * *

С маленькой залысиной профессор
Спрашивал меня, где бродит время,
Очень он спешил к нему навстречу
И смешно размахивал руками.

Это было в переулках Рима,
Где я до сих пор не побывала,
Где светило солнце гениально,
Где смеялись маленькие дети.

Маленький профессор — он не понял,
То, что я в ответ ему сказала...
Плюнул, убежал навстречу солнцу,
Где, ему казалось, бродит время.

Олег БАКЛАКОВ

Олег Баклаков родился в 1967 году в Южно-Сахалинске. Окончив девятый класс, уехал учиться в техническое училище в Москву, но вернулся на Сахалин. После службы в армии работал электриком на мехзаводе, кабельщиком в узле связи. Член областного литературного объединения «Лира». Печатался в сборниках «Остров», «Сахалин», в других изданиях. Автор книг стихотворений «Второй этаж» и «Вожденная птица».

* * *

Я — сын сахалинского юга
Во всей его гамме!
Куда мне стремиться отсюда? —
С какими деньгами?
Я — чучело волка в музее,
С оскалом вампира.
Родился я здесь и глазею
На происки мира!
А мир далеко,
Где-то там —
Подать лишь рукою.
Татарский пролив по кускам —
Дремотной рекою.
А мир далеко — не видать,
Подавшись на север!
Тайга там родная и гать,
Березки да клевер.
А мир где-то здесь — он во мне
Знаменем замер.
И я в сахалинской стране! —
Смотрю на свой таймер.

Детство

Барак пятиквартирный.
Барак на фоне детства,
Как стойкое соседство
Со строгостью надмирной!
С характером сварного
Отец опять с работы.
У матери заботы
Одни и те же снова.
Учебник правоведный.
Я вызубрил страницу.
И с улицей роднится
Мой бег велосипедный!
И руль я отпускаю,
И мчусь напропалую.
Я сам себя балую.
Я сам с собой играю.

Зажглись на небе звезды.
Меня встречают дома.
Родители серьезные,
Чего и ждать другого.
Спросили про уроки,
Немного пожурили.
И смехом оживили
Родные биотоки!
Так мать довольна сыном!
Отец — суровый стражник.
А я — по жизни странник
В молчании невинном.
В зародыше — мой гений,
И спать ложусь я в десять.
Не там я и не здесь я.
И сплю без сновидений.

* * *

Улица Больничная,
Где моя любовь
Шибко неприличная
Круто хмурит бровь...
Улица Больничная,
Где отвергнут был.
Впрочем, это — личное.
Я не позабыл,
Как лакировалася,
Стоя у трюмо.
Ты маскировалася,
А на мне — клеймо
Ножичком да режичком.
Первая любовь!
Был твоим Олежичком.
Но пролилась кровь —
Кровь твоя невинная.
Поцелуйчик твой
Не забуду, видно, я:
Был отвергнут мной.
Потому что множество
Было там парней,
В доме, где убожество

Для тебя родней
 Было, чем та искренность —
 Я которой жил!
 Рад за эту выпренность.
 Рад, что удружил.

* * *

Одержимые ласковым морем,
 На волне замечтавшись о многом,
 Ненадолго, но тяжкий замолим
 Первородный свой грех перед Богом.
 Первородный! — мне лгать не пристало
 Здесь, на чистом листе, потому что
 Мы любовь обретали устало
 Там, где взморьем Анивским — Алушта...
 На волне обретали свободу
 От рутинного гнева и фальши,
 Обживая соленую воду
 Чуть поближе и чуточку дальше.
 Одержимые дном под ногами,
 В детских брызгах друг друга затмили.
 На волне, меж двумя берегами,
 Были словно одни в этом мире.
 — Всей пучины морской не измерить! —
 На улыбку твою оглянулся.

Если б только смогла ты поверить,
 Я любовью в тот миг захлебнулся,
 Где стихия родная и солнце.
 И казалось, навеки продлится
 Наша юность, и боль не вернется
 В просветленные души и лица!
 Мне казалось, с тобою бодрее
 На плаву и в воздушном потоке...
 ...Лотерея, твоя лотерея
 Да мои не попад биотоки.

* * *

Там, где только радуга и ты,
 Проросли нездешние цветы.
 И цвели они, не увядали,
 Обретая краски все и дали.
 Там, где только ты и небосвод,
 Замысел твой сбудется вот-вот,
 Дарственный покой и перемены
 На краю пустынной ойкумены.
 И в непредсказуемой дали
 Фокус длился пылкого Дали,
 Желтизной торжественно и строго
 Бредил цвет влюбленного Ван Гога.

Ольга АСЕЕВА

Ольга Асеева родилась в 1986 году в Южно-Сахалинске. Окончила отделение славянской филологии института филологии СахГУ. Участница областного литературного объединения «Лира» и слета молодых литераторов юга Сахалина. Публиковалась в областной печати, в литературно-художественном сборнике «Сахалин», в коллективных сборниках «Творчество молодых», «На берегах высоких», в «Литературной газете». Лауреат литературного конкурса Всероссийского фестиваля «Я вхожу в мир искусств». Стипендиат Сахалинского фонда культуры. Работает корреспондентом Сахалинского радио. Автор сборника стихотворений «Братство первых костров» в поэтической кассете «Время года — весна».

* * *

Босые ноги чувствуют асфальт,
 Как угли, черный, гладкий и горячий.
 Давай споем, мой ясноглазый скальд,
 Про те края, где жизнь течет иначе.

Ты помнишь, мы бывали в тех мирах!
 Там водопады в вышине звенели,
 Там клятвы древние дрожали на губах
 И пели о победах менестрели.

Там звон клинков сменялся пенем дев,
Там было все, что ныне позабыто.
Два наших сердца, вспыхнув и сгорев,
С землей той дивной воедино слиты.

Мы были там! Давай вернемся вновь!
Нам этот мир, как мачеха, враждебен.
А там есть шанс погибнуть за любовь
Или прийти к невысказанной победе!

В наш мир, святейшую из всех святынь,
Явь ворвалась, как в Рим ворвались гунны!
Идем, у нас осталась неба синь,
Дорога да серебряные струны...

* * *

Свет на ладонях, как солнечный зайчик,
Пляшет в пыли городской атмосферы,
Словно слепой белокурый мальчик,
Ставящий свечку за ничейную веру.

Грубые игры жестоких подростков,
Похожих на нас, но с пустыми глазами,
Откликнутся завтра тупиком, перекрестком,
Компасом с вырванными полюсами.

Маршрут бесконечен, путь не обозначен,
И ветер не знает, куда бы приткнуться.
А ангел мой просто устал, он не плачет:
Уходит, чтоб больше уже не вернуться...

Я знаю, я раньше сама так играла:
Небо в окне струится сквозь пальцы.
Весну мы все ждем в отсыревших подвалах,
В пещерах по-прежнему,
Как неандертальцы.

* * *

Всегда целую плачущих в глаза,
Но я на слезы не имею права.
Молчу. Мне просто нечего сказать.
Но это жесточайшая расправа.

Вчера все было просто и легко,
Как в детской сказке: доброе и злое.
Но вот один единственный укол...
И где теперь враги, а где — герои?!

И где же тот единственный подлец,
Что дал нам жизнь, в которой все не правы?..
Ты видишь все, ты понял, наконец:
Последний парусник давно покинул гавань...

С самим собой воюешь в тишине,
Но этот бой ведь так и не был начат...
И что ж тогда, ответьте, делать мне?!
И страшно мне, когда мужчины плачут...

* * *

Опять бездомная весна
Сыра, как свежая могила,
Как если бы твоя жена
Тебя по-прежнему любила.

Как если бы ждала домой,
В окошко глядя из-за шторы...
Тогда весь мир был, как живой,
А нынче словно из фарфора.

И вечер куревом пропах,
Сырой, как жестяные крыши.
Змеей вползает в горло страх,
Скребутся мысли... Или мыши...

Весна запутала следы,
Дала снотворное обмана.
И крик сорвавшейся звезды —
Как звон разбитого стакана...

* * *

По-детски глупо уходя из дома,
Ты хлопнешь дверью, крикнут что-то вслед...
Промаяшься три ночи по знакомым
Без денег, без еды, без сигарет.

Друзья накормят и поставят пиво,
А завтра скажут: «Извини, дела...»
Почувствовав себя на миг счастливой,
Решишь, что жизнь как-то смешно прошла.

Когда уж больше некуда податься,
Придешь домой, понуро скажешь: «Мам...»
Как оказалось, по миру скитаться
Не всякому «бродяге» по зубам...

Сергей ПЕГОВ

Сергей Пегов родился в городе Горьком в 1990 году. На Сахалин приехал с родителями в 1993 году. Рос и учился в поселке Смирных. Стихи начал писать в шестнадцать лет. Участвовал в II Слете юных литераторов Сахалина. В 2008 году был опубликован в литературном сборнике «Творчество молодых». В том же году поступил в СаХГУ на естественно-научный факультет на специальность «биология», где продолжает учиться. С 2010-го — старший лаборант в СахНИРО. Член литературного объединения «Троеточие» при центральной городской библиотеке имени О. Кузнецова г. Южно-Сахалинска и областного литобъединения «Лира». Участник благотворительного движения «Вольные музыканты».

* * *

Лети оранжевым дождем,
 Воображением поэта,
 Звездой удачи, лунным светом!
 Покинь тоски аэродром!
 Лети над городом ночным,
 Закон нарушив притяжения.
 Будь лучшим мастером скольжения.
 Лети изделием мучным:
 Блином лети!

Лети ватрушкой!
 Не изменяй маршрут в пути,
 Кружись малиновой подушкой!
 Тебя заметят из окон,
 Из парков и автомобилей.
 Легко, без тягостных усилий,
 Над свалкой, ордами ворон,
 Лети, бумажный мой дракон!

Машинист

Вьюгами летели зимы.
 Зеленью цвела весна.
 Лето, лес созревший — мимо.
 Осень паровоз несла.
 Машинист чумел от скуки,
 К клавишам тянулись руки...
 Мчался он под скрежет стали
 На вокзал. А на вокзале
 Люди вслушивались в звуки.
 Виртуозна, словно трюки,
 Пляска пальцев пианиста.
 Он играл безмолвно, чисто...

Ехал я к себе на север.
 На полях нивяник, клевер.
 В поезде жара и вонь...

Но, как свежести порыв,
 Как фламинго взлетный взрыв,
 Так бывало, только тронь
 Ель — и будешь весь в снегу...
 Так и музыка в меня
 Через плач детей, тоску —
 Залетела! И понять
 Среди шума только я
 Мог ее. Кормила мать
 Непоседу малыша,
 Суегой вагон дышал.
 Проводник. Напитки. Запах,
 Пробудивший аппетит.
 За окном в небесных лапах
 Солнца круглый лист горит.
 И подметил я: «Как мило:
 Море — мимо! Тундра — мимо!
 Стук колес и... пианино!»

* * *

Раздавлен февраль новоявленным мартом,
 Хотя отпечатки зимы и заметны,
 Пришел он, искусный и трезвый анатом, —
 Сугроб вскрыл и вывел галантус заветный.
 Март искренне верен теплу, свету-солнцу,
 Позвал райских птиц, голосащих в утробе
 Замерзших когда-то кормушек в особом
 Для этого края настрое. На донце
 Колодца растаял лед в дюйм толщиной, и
 Вдруг стал подплывать на весеннем каное
 Апрель к берегу мартовской каши из света.
 Но тут налетела метель-небылица
 На пьющий сок талой весны Сахалин...
 ...Последняя вьюга — голодной волчицей
 На север бежит меж торосистых льдин.

Фото Д. Бочарова

ЮРИЙ СОЛОМИН: «СССР — ЭТО БЫЛА ЦИВИЛИЗАЦИЯ!»

Всю жизнь я тайно влюблена в красивого, доброго и справедливого человека. Его портретами была украшена моя комната в далеком уральском городке. И разве могла я подумать, что когда-нибудь смогу увидеть его, поговорить... Торопясь на встречу с ним в Малый театр, я боялась, что созданный в моем воображении образ будет разрушен, но после спокойного, глубокого и доверительного разговора я стала восхищаться Юрием Соломиным еще больше!

За день до встречи по приглашению Юрия Мефодьевича я посмотрела спектакль «Последний срок» — работу студентов Высшего театрального училища имени Щепкина при Государственном академическом Малом театре России (курс Юрия Мефодьевича и Ольги Николаевны Соломиных, режиссер-педагог спектакля — Ольга Соломина).

— Юрий Мефодьевич, расскажите, пожалуйста, что происходит сейчас в сфере образования? Почему принимаются законы, касающиеся театра, без учета его специфики?

— Давайте начнем со специфики театральной и образовательной. К сожалению, среди чиновников очень мало людей-профессионалов. Я видел человека, который прошел почти по всем министерствам. Он якобы знает, и как корову доить, и как дороги

«Последний срок» — трагическая история распада крепкой русской семьи. Спектакль производит такое сильное впечатление, что в горле стоит ком, на глаза наворачиваются слезы... Потрясают мастерство молодых актеров, режиссерские находки и доверительная атмосфера спектакля.

На следующий день я, еще обуреваемая чувствами, переступила порог Малого театра. И хочу поделиться с вами, дорогие читатели, тем, что поведал мне его художественный руководитель, народный артист СССР, профессор, член Союза кинематографистов России, президент Ассоциации русских драматических театров, член-корреспондент Российской академии образования Юрий Мефодьевич Соломин.

строить, и как лечить, и как ставить спектакли. Но не может быть такого, чтобы человек разбирался во всем. Возможно, кто-то из крупных писателей, но это уже другая профессия, это уже подход философский...

Я буду говорить и о театральной образовании, и об образовании вообще. Я уже спрашивал несколько раз, спрошу еще: «Почему не слушают родителей? Почему не слушают педагогов?» Вот в глубинке нашей поставят в ДК телевизор. Но телевизор — это

Актер Малого театра Юрий Соломин. 1957 г.
Фото И. Г. Ефимова

не образование, это для общего развития, точно так же, как Интернет. Я очень много езжу, я сам из дальних мест родом. Школу окончил в Чите. Я могу долго вспоминать о своих замечательных педагогах, которые учили меня с первого класса. Моя первая учительница — Наталья Павловна Большакова, вторая — Елизавета Ивановна Гувакова. А Роман Васильевич Мочалов — учитель физики, он учил нас петь! Можете себе представить учителя физики, который спрашивал по двенадцать-пятнадцать учеников каждый урок? Роман Васильевич с неоконченным высшим образованием пришел в нашу школу в 1945 году после войны контуженным и говорил немножко резко, поэтому нас просили: «Не нервуйте его!» Прошло уже более пятидесяти лет, а я не могу его забыть! Потому что это талантливейший человек — Роман Васильевич Мочалов!

Он сам по вечерам учился играть на аккордеоне, разучивал песни. И организовал хор. В мужской школе № 5 города Читы учитель физики организовал хор! Сто человек, все, кто изучал физику, — пели! Хор этот до сих пор помнят. Роман Васильевич творил чудеса. Наш хор затягивал: «Как у Волги у реки...», а в это время оживал макет настоящей электростанции, созданный нашими же руками, — мини-Днепрогэс: крутилась турбина, лилась вода, лампочки сияли! Сейчас этим никого не удивить,

но представьте 1945–1946 годы, тогда было потрясение! Вот какие учителя в глубинках! Прислушиваться к ним — это первое, что должно делать Министерство образования и науки.

Надо послать чиновников от образования на год из Москвы до Владивостока и обратно, потом до Астрахани, и так далее, чтобы поняли, чтобы прочувствовали, как живет учитель. Потому что знать, как преподает учитель — мало, нужно еще знать, как он живет.

Хочу сказать и о медицине. И учителя, и медицинские работники — великие труженики. И вам, и нам, и деятелям культуры — тяжело. А им — в сто раз тяжелее!

Не зная реальной жизни, министерские чиновники штампуют новые законы и постановления. Тришкин кафтан делать не надо, родные академики и министерские чиновники! Нужно один раз в жизни сказать: «Да, ошиблись, простите!» И народ простит, народ у нас добрый.

— *Ошибки у нас признаются с трудом...*

— С трудом чиновники соединяют русский язык с литературой! Добавили еще геометрию, вместо истории — никому не известный предмет «Россия в мире». Они-то сами знают, что такое «Россия в мире»? Наверное, у них есть квартиры или виллы за рубежом, но это не значит, что они знают, какое обучение там!

Когда я уходил из Министерства культуры (а я ушел сам!), то разговаривал с одним вышестоящим лицом, не хочется его вспоминать. Мы часа полтора с ним беседовали, потому что уже тогда предлагалось все музыкальные школы сделать платными. Мой собеседник как думал: «Ну, девочка “Чижик-пыжик” будет играть, и хорошо!» Я ему ответил, что если музыкальные школы встанут на коммерческую основу, то через пять лет у нас не будет лауреатов международных конкурсов. И что? Количество лауреатов у нас действительно сократилось. Профессура вынуждена уезжать за рубеж. А я говорил двадцать лет назад: «Учтите, разбегутся, и тогда лауреатами будут китайцы, корейцы, японцы!»

Слава богу, у нас есть еще профессора, прекрасные музыканты! Но лауреатов становится меньше, скоро это коснется и балета. Приезжают зарубежные импресарио, продюсеры и начинают набирать в свои труппы наших выпускников сразу же после окончания балетной школы.

Чиновники из Министерства образования считают, что принимать в хореографические школы нужно начиная с шестнадцати лет, но в шестнадцать лет нельзя научиться хорошо танцевать даже вальс. Наше поколение в школах вальс танцевать учили!

— *А на студентов Щепкинского тоже влияют современные условия?*

Первая роль в театре. Безайс. 1957 г. Фото И. Г. Ефимова

— Четыре года назад мы набирали группу студентов. Я рассказывал им о создании Малого театра и актерах, у которых учился: Пашенной, Ильинском, Жарове, Цареве, Гоголевой и других известнейших наших мастерах. В глазах абитуриентов стоял немой вопрос: «А кто это?» И я воскликнул: «Стоп! Кто знает Игоря Ильинского?» Из тридцати семи человек трое или четверо подняли руки...

Один из туров для наших абитуриентов — ритмика. Обычно на это зрелище приходит смотреть все училище. Зрители просто умирают от хохота! Я предлагаю несколько вариантов. Это русский танец с выходом, цыганский, матросский (хотя бы «Яблочко» примитивное) и современный. Если бы вы видели, что конкурсанты показывают! Что бы им ни играли, они двигаются одинаково! Я прошу: «С выходом!» Звучит «Калинка, калинка...».

Помните, как раньше все трибуны скандировали нашим фигуристам? Потому что эта мелодия не может оставить равнодушным! Но то, что показывают под знаменитую музыку сегодняшние горе-абитуриенты... это (если бы я встал и показал вам, вы бы умерли)... психбольница! Никто даже не улавливает ритма. Кроме провинциалов! И чем дальше они живут, тем лучше! В далекой глубинке еще вальс танцуют!

Но вернемся на экзамен. Выходит, например, здоровый парень в военной форме. Это, конечно, специально: я, мол, служил! Мне же скидка должна быть! Я обнадеживаю: «Ну, давай!» Что он стал делать в своих сапогах... Я ему подсказываю: «Ты вприсядку можешь?» Он смотрит и не понимает, о чем речь! Я срываюсь: «Вприсядку — это знаешь как? Это вот так!» И стал показывать! А у меня ме-

Кольцов. Кадр из фильма «Адъютант его превосходительства». 1971 г. Из фонда Музея кино

ниск порван на левой ноге. Так я потом месяца два ходил в специальной повязке.

Почему здоровый детина после армии не умеет вприсядку? Такое у нас образование! Это уже разговор не о таланте, а именно об образовании!

Уроки пения сократили в школе. Денег не хватает! На что, на урок пения?! Да в школе всегда был урок пения! И песни мы все знали! И мелодии! И слова! Один урок пения в неделю! Объясняют: дети сильно загружены. Так дайте им отдохнуть. Вместо шести уроков поставьте один урок пения, вот вам и отдых!

Хорошо еще, что физкультуру в школе не сократили. Хотя спорт нынешний свели к купле-продаже. Считается, для того, чтобы команда играла хорошо, в ней обязательно должен присутствовать бразилец какой-нибудь или мексиканец. А мы все равно плохо играем! Раньше ведь играли за Родину, за маму с папой! Можно продавать земельные участки, но перепродавать спортсменов — безнравственно! Начнут скоро перепродавать артистов балета, музыкантов...

Я с первого курса говорю педагогам: «Никого не выделять! Никого не ласкать!» Я со всеми как зверь, хотя по натуре незлой человек, но все же чувствуют! Тут не могу не вспомнить о «братьях наших меньших»: у меня четыре собаки, я к ним замечательно отношусь. Кого-то больше люблю, но им не показываю этого. Если я им покажу свои чувства, то буду ходить в лохмотьях, оборванный весь! Они же кидаются! А я им: «Так! Стоп! Тихо!» У меня дворняжки самые обыкновенные, но они и самые умные: понимают с одного раза. Человек по структуре своей намного сложнее, чем животное, и выделять никого нельзя. Хочешь помочь — помоги как-нибудь так, чтобы никого не обидеть.

Вот такой у нас разговор получается об образовании. До сих пор наше образование ценится за рубежом. И не надо изобретать новые научные образовательные системы, строить новые научные города! Они есть, и их поддерживать надо, развивать! Я сорок с лишним лет был связан с городом Королевым. Научный был город! Был! А теперь — нет. Там, где находился центр полетов, теперь строят какие-то здания. Я спрашиваю: «А что здесь будет?!» Я не могу понять, что там такое. А ведь там завод моторов. Вкладывать деньги туда надо, а теперь вкладывают в бизнес.

Люди ушли с заводов королевских, и теперь работать там некому. В этом году на проходной висит объявление, что приглашаются на работу специалисты, окончившие МАИ, МЭИ, МВТУ и т. д. Сейчас говорят: «Товарищи, давайте перепрофилируем институты в ПТУ!» Это заставляет задуматься... На любом заводе или фабрике остались люди, способные научить профессии. Надо просто их найти, пригласить. Они поделятся своим бесценным опытом, научат, как закручивать гайку, наконец! И не надо будет вкладывать огромные деньги во что-то новое, нам неведомое.

— Так ведь свобода! Каждый творит, что хочет.

— Хорошо! Дали всем свободу — так дайте ее до конца! Но ведь это как бы свобода. В каждой конторе существуют свои законы, свои бумажки... То, что расскажу вам сейчас, никому нигде не рассказывал.

Я второй год не живу в своей квартире, потому что у меня течет крыша. Нарушение было еще в 2001 году, когда делали новую кровлю. Летом было жарко, а в сентябре два дня подряд шли дожди, но этого было достаточно, чтобы в следующие десять лет ее так и не сделали. Крышу прикрыли, оставив все на соплях. Мне сказали: «Нужно ждать!» Год сохнет потолок. Он весь в трещинах. Жена переселила из этой комнаты внучку. Я сказал: «Я буду там спать! Пускай на меня упадет! Вот тогда они сделают...» Но нельзя же этим пользоваться! Я пришел

в управляющую компанию, компания врет. Я говорю: «Вы врете мне!» Они переспрашивают: «Как вы сказали?!» Я еще раз: «Врете!» — «Мы вам послали бумажки! Потому что хотели успеть к вашему юбилею». Я добавляю: «Значит, знаете? Значит, помните? Но бумажек-то я не получал! Все платежи за квартиру, за свет, за газ я произвожу, иначе бы у меня все отключили к чертовой матери, а беру-то я их в одном и том же почтовом ящике!»

Если ко мне такое отношение, что делать другим? Мне друзья советуют: «Ты часто бываешь на телевидении, вот там и расскажи о своей текущей крыше!» Да надо мной все смеяться будут, со мной здороваться перестанут люди, они меня уважать перестанут! Полквартиры на свой страх и риск я все-таки отремонтировал, а две главные комнаты еще нет, а там пианино стоит, внучке негде заниматься. Она бегаёт в консерваторию заниматься или вот сюда, в театр. Потому что дома пройти к инструменту невозможно! Крыша постоянно течет! Жду, что будет дальше. Об этом я говорю к тому, что везде сплошные бумажки! Почему-то бумажки, по которым платить надо, были, а этой не было!

Поэтому, мне кажется, какую-то ответственность надо придумать. И в театре тоже. Если вы доверяете руководителю, если вы поставили его на этот пост, так вы с него и спрашивайте. Так как мы сейчас спрашиваем, допустим, с министра образования. Я как родитель и как дедушка, как профессор, как член-корреспондент Академии образования хочу спросить: «А вы почему с нами не поговорили, родненький? У меня масса вопросов есть!» Я говорю эти слова, потому что за моей спиной сотни, а может быть, и миллионы родителей, которые согласны со мной. И я говорю от их лица: «По-ду-май-те! И никаких тришкиных кафтанов нам в образовании не нужно! И вообще в любых сферах... и в театральной!»

Слава богу, в нашем театре все нормально! Это стоит крови, стоит здоровья, но у нас есть какое-то спокойствие. Хорошо, что в нашем Министерстве культуры есть люди, с которыми можно советоваться, которые помогают и понимают.

— У Вас уникальные родители, которые дали вам с братом музыкальное образование. Как они вас воспитывали? Как Вы воспитывали дочку, внучку? Опыт родителей Вам пригодился?

— Наверное, что-то повторяется. Но тогда жизнь была другая. Сейчас родители звонят по телефону и говорят: «Ты чего домой не идешь? Ты что, телевизор не смотришь? Не знаешь, что нельзя так поздно ходить? В машину не садись! Убьют, ограбят!» И правильно говорят родители. Потому что в машину сядешь и не знаешь, доедешь ли ты до дома, причем именно ночью, после двенадцати. Есть такая

категория ездовых, которые покупают машину за пятьсот долларов, отрабатывают ее за лето и выбрасывают. И тут можно ожидать всего. Раньше такой проблемы не было.

— То есть Вам позволялось все?

— Когда жена говорит, что меня родители по-другому воспитывали, я говорю, что я вообще все время на улице был. Она прибавляет: «Это тебе кажется, что за тобой не следили!» Все равно — была бабушка! Она, как сова, сидела на терраске... В нашем маленьком городе текла совершенно другая жизнь. Не было замков на дверях — был такой смешной крючок, который можно открыть пальцем!

— А вот дочери и внучке, я так понимаю, Вы считали важным дать музыкальное образование. Поэтому они пошли в консерваторию?

— Я не знаю, почему они пошли в консерваторию... Может, склонность передалась? И дочка окончила нашу консерваторию, и внучка оканчивает.

— То есть как таковой системы воспитания у Вас не было?

— Наверное, воспитание было тогда другое, как и вся жизнь, и поэтому его нельзя придумать, оно передается из поколения в поколение. Может быть, нас лучше воспитывали, потому что была бабушка. У нас, когда мы воспитывали дочку свою, бабушки не было, не было и квартиры. Это много позже мы получили квартиру в Бескудникове. У меня один товарищ тогда спросил: «А где ты живешь?» Я отвечаю: «В Бескудникове», он: «А это где?» — «А между Москвой и Ленинградом!» Туда доехать трудно было. По полтора-два часа уходило на дорогу, по колено в грязи. Пять лет мы там жили. Но тогда мы были молодые, а в это время все совершенно по-другому воспринимается. Потом жизнь стабилизировалась, но до тридцати пяти оставалась довольно-таки непростой. Все думают: «Вот закончил, снялся, сыграл — ему легко!» Ничего подобного! Когда я снялся в «Адъютанте...», а это был 70-й год, я еще жил в Бескудникове, и мне стыдно было ездить в автобусе, зажатым со всех сторон людьми.

— Вас все узнавали?

— Не то слово! И сейчас узнают! Недавно был на каком-то мероприятии, вокруг уважаемые люди, генералы. Тихо сижу, и вдруг один гражданский, но со звездой, военному говорит: «Вот наш адъютант его превосходительства!» А рядом со мной сидел такой тихий, скромный человек, он добавил: «А я вас помню, когда вы говорили: “Моя жена Эмма...”» Это из оперетты...

— ...«Летучая мышь».

— Из «Летучей мыши», да! Конечно, узнают... Нельзя гневить Бога — это, конечно, хорошо, это примыкает к профессии, но в жизни... Как говорится,

Коллеги (Ю. М. Соломин с супругой О. Н. Соломиной). Фото Л. С. Нелиновой

почему собака все время под стол лезет? Она хочет укрыться, ей все время лаять надоедает, она хочет уединения! Так и человек. Каждый хочет немножко отдохнуть. Уж казалось бы: за рубежом, в Финляндии или Германии, например, отдохну. Нет! Все равно узнают. В гости приглашают! Не так, как у нас, конечно, но все-таки... В свое время в ГДР эти фильмы шли, немцы их знают, а у кого-то целая фильмотека есть, в которой несколько фильмов с моим участием...

Но это такая профессия. Может быть, мне повезло. Я все время в работе, поэтому наслаждаться своей известностью у меня нет времени. Я обязательно что-то делаю. Что-то у меня течет, что-то надо купить, что-то надо заработать, в конце концов! И мне тоже чего-то не хватает. Меня иногда жена спрашивает: «Ну ты когда-нибудь остановишься?» Я думаю: «А для чего? Вот тогда можно умереть».

— Вы сейчас говорите точно так же, как Ваш брат!

— Так он же мой брат!

— Кстати, у Вас с братом было в детстве соперничество?

— Нет, какое соперничество, мне было уже шестнадцать лет, я ухаживал за девушками, а ему было девять с половиной. Какое может быть соперничество? И по характеру мы совершенно разные. Одинаковы мы лишь в одном — не можем терпеть несправедливость.

— Юрий Мефодьевич, ваш театр часто ездит выступать в Донецк, город, в котором Малый театр на гастролях застала Великая Отечественная война. Вы сохраняете в своем театре такой жанр, как песни военных лет? Это тоже часть патриотического воспитания?

— Да, у нас замечательный оркестр! Наш оркестр был создан в 1808 году, и два года назад, когда мы отмечали двести лет, нашли реестр, в котором записано, кто сколько получал, какие инструменты были... Поэтому, когда встал вопрос о роспуске, мы стали думать, как его сохранить, и придумали концертную программу с участием нашего малого симфонического оркестра и поющих артистов. У нас оркестр — тридцать человек. Они и отдельно выступают. Ни за одного исполнителя мне не стыдно, как бывает стыдно за исполнителей некоторых шоу, потому что наши актеры поют, как говорил Бернес, «сердцем». Наш оркестр исполняет и песни военных лет. Они так поют, потому что у них поет душа! Элина Быстрицкая, Ирина Муравьева, Борис Невзоров — это актеры в возрасте, но они звезды программы! А как совсем молодые ребята поют! Они все поют под оркестр, а это очень сложно. Никакой фанеры. Мы проехали от Ярославля до Волгограда, двадцать две тысячи зрителей посмотрели эти концерты. Сейчас сняли фильм об истории создания Малого театра, там говорят зрители, поют наши артисты... Мы вам обязательно дадим этот диск. Вы посмотрите — и вам все станет ясно!

— Спасибо большое! Можно я, в свою очередь, подарю Вам номер нашего журнала?

— О, кошка на обложке! У меня их пять штук!

— Как уживаются Ваши кошки с Вашими собаками?

— Старшая моя собака — Лушка, потом идет Валет, он был подобран, затем — Толик. Толян я его зову. И Джульба! Самая маленькая. Кошки: старшая — Дуся, затем Сильва, Машка, Алик и Лелик! Два кота. Внучка подобрала трех котят: Машку, Алика и кого-то еще, жена на рынке Сильву нашла, потом подобрала Дусю. Внучка принесла кота. Он такой здоровый вырос! Красавец! Мой самый любимый кот. Алик! Он за мной ходит, как собака. Он гуляющий кот, его не было месяца четыре. Он исчез, мы уже распростились с ним, и вдруг я подъезжаю, а он шмыг ко мне под машину. Я не могу понять, это что за кот там. А Сильва спрыгнула с забора — и к нему под машину: мол, иди, чего там сидишь? Он потом всю зиму прожил в доме. Я его выносил на улицу, а он убежал обратно — так ему свобода надоела. И теперь уходит на пару дней, но обязательно возвращается.

Меня как-то на даче схватил радикулит. А кот всегда спит со мной. Ляжет и начинает лапами перебирать. Сначала был маленький, а теперь уже весит пять килограммов! Я с кровати встать не мог, а он все время лежал на моей больной спине! Два дня меня лечил. И мне стало лучше.

— Как вы считаете, Юрий Мефодьевич, возможно ли в наше время, чтобы молодой человек, приехавший

из глубинки, прошел такой путь, который прошли Вы? Возможно ли это в наше время без поддержки извне?

— В спектакле «Последний срок» мать играет Алена Колесникова, она из глубинки.

— У нее говор уральский!

— Да, она оттуда. А как она говорит, вы слышите? Ее хочется слушать и слушать, потому что это музыка! Этот спектакль, когда мы его выпустили, первым посмотрел наш министр культуры Авдеев. Он от нее отойти не мог, все переспрашивал: «Где вы этому научились?» Я ему объяснил: «Не беспокойтесь, Александр Алексеевич, она в жизни разговаривает нормально!» Как-то мы встретились, и он первым делом спросил: «Как та девочка? Она устроилась где-нибудь?» Я говорю: «Не волнуйтесь, я за этим слежу». Она оставляет впечатление — потому что есть душа! Вот вам, пожалуйста, что зреет за Уральским хребтом.

Другой артист из провинции, Алексей Коновалов, который играет ее сына, тоже талантливый! В другом спектакле он исполняет роль Сальери. Они в прошлом году были в Италии, играли «Моцарта и Сальери» — там обалдели все! Как он играет!

— Большое Вам спасибо за приглашение на спектакль, за такую замечательную постановку. Я сходила с сыном, нам очень понравилось. А кто был ее инициатором — Вы или Ольга Николаевна?

— Ольга Николаевна! Но натолкнула ее Алена, о которой я вам только что рассказал.

— Мы размышляли о становлении человека, о поиске смысла жизни, а любовь помогает в этом? Можете ли Вы рассказать о своей первой любви?

— Первая любовь? Это, скорее всего, в доме пионеров случилось. Мы там проводили все свободное время. После школы схватишь портфель, прибежишь домой, чай с сахаром попьешь — и в дом пионеров. Я там и в кукольном кружке занимался, и в драматическом, и в танцевальном — целыми днями. Поэтому трудно сказать — конечно, кто-то нравился, но я не считал себя донжуаном.

— Вы были влюбчивым?

— Нет, нет, нет. Это разочарование для молодежного журнала!

— Как раз наоборот!

— Очевидно, я уже тогда был влюблен в свою профессию. Я в то время смотрел много раз «Чапаева» и другие наши любимые фильмы. Гораздо позже Бабочкин, который играл Чапаева, рассказал такую историю...

Это произошло в каком-то небольшом городе сразу после выхода «Чапаева». Раньше, когда в глубинку приезжали с новым фильмом, его крутили по пять-семь сеансов, а перед каждым сеансом

Сцена из спектакля А. П. Чехова «Чайка» (Тригорин — Ю. М. Соломин, Аркадина — И. В. Муравьева).
Фото Л. С. Нелиновой

устроивалось выступление. Потом кормили, снова показывали фильм... Бабочкин заметил: «Я выступаю, что-то говорю, и меня поражает один человек». Он обратил внимание на мужичка, который сидел в первом ряду уже три сеанса подряд в телогрейке, ушанке (а там холодно), народу битком... Бабочкин спросил: «А кто это?» Ему ответили: «Мы не знаем». Он попросил позвать его. Мужичок зашел и так на Бабочкина смотрит внимательно. А знаменитый исполнитель роли Чапаева пытается узнать: «Вот я выступаю уже три раза, и вы три раза приходите смотреть, почему? Вы же мудрый, взрослый человек!» Мужичок вздохнул и вымолвил: «А я все думаю, может, выплывет?»

— Это звучит как анекдот!

— Это не анекдот, это правда! Только звучит как анекдот... Мы однажды с режиссером Евгением Ивановичем Ташковым выступали в Кирове после «Адъютанта» в 1971 году. Знали, что будет много выступлений, и взяли с собой чемодан еды. Приехали в шесть часов утра. Нас встречают представители Бюро пропаганды и предупреждают: «Сейчас чайку попьем — и на сцену! У нас запланировано на станции перед работниками выступление». Какое выступление в шесть утра? В общем, в этот день мы выступили двенадцать раз! Нас кормили, и наш чемодан нам не понадобился. Мы так его и не открыли! Зима, холодно, опаздывает машина, а мы в двенадцать часов ночи должны выступать на другой станции в доме культуры... Приехали туда уже в час ночи. Думаем, сейчас отдохнем, а нас просят: нужно выступить, люди ждут! А у нас уже языки не ворочаются — но не будешь же отказываться... Когда я вышел на сцену, пар валил, холодно, зима же! В первом ряду — и я тут вспомнил Бабочкина — сидели взрослые люди, а у кого-то на руках спал мальчишка лет восьми. Но самое

интересное, что он спал в военной фуражке, и у него были аксельбанты из веревки! Адъютант! Вот это нельзя забыть! Он ждал, но так и не дождался, проспал!

— Юрий Мефодьевич, а в чем секрет Вашего семейного союза? В чем мудрость?

— Загадка... Не знаю!

— Расскажите, пожалуйста, о репертуаре Малого театра.

— В нашем театре в основном классика. Иногда спрашивают: «Почему у вас не идут современные спектакли?» Я отвечаю: «Мы наелись советской современности до такой степени!»

Когда-то нас заставляли играть. Я сам играл в брежневской «Целине». Дело не в том, что автор Брежнев, а просто это не та литература. Хотя Брежнев в театр ходил. Последний раз, когда он был в Малом театре на «Царе Федоре», он сидел в правительственной ложе, а она расположена почти рядом со сценой. И поскольку это «ракovina», то все, что там говорят, мы слышим... А у него была астма, он не мог говорить шепотом. Идет последний акт, царь Федор стоит на коленях, за ним — царица Ирина (ее играла Галя Кирюшина). Виктор Иванович Коршунов играл Годунова. Мои последние слова: «О Боже, Боже! За что меня поставил ты царем?» Звучит музыка Свиридова, я читаю молитву: «Отче наш, иже еси на небеси, да святится имя твое...» Голос из ложи: «Довели человека!» Можете себе представить наше состояние? Я пытался не улыбаться. Кирюшина мне так плечи сдавила, что у меня синяки были. Вот такое бывает...

На основной сцене мы ставим и нашу, и зарубежную классику. Все, что классики написали, есть в сегодняшней жизни. Например, в «Ревизоре» Гоголя: «...дорогих лекарств мы не употребляем, простой человек если выживет, то и так выживет, а если умрет, то и так умрет!» И зритель реагирует! Это только одна вырванная фраза. Многие считают, будто в «Горе от ума» народный юмор. Нет, это дипломат Грибоедов написал, потом это стало народным...

— Да, что сейчас делают с классикой, как ее осовременивают! Вспомним, как Вишневская демонстративно ушла с «Евгения Онегина»!

— Мы нарушаем экологию в природе, в архитектуре. Я говорю о том, что экологию нужно сохранять и в литературе, и в драматургии, и в театре. Это должен быть экологически чистый продукт. Экологически чистые отношения к тому произведению, допустим, Льва Николаевича Толстого, перед которым все преклоняются во всем мире. Или Николай Васильевич Гоголь — его переделывать нельзя! Островского, Пушкина, Лермонтова, Чехова. Что сейчас с Чеховым сделали!..

Я не против современности, но что значит «современно»? Я не хочу что-то доказывать, могу сказать только о наших гастролях за рубежом, а мы гастролируем каждый год по всему миру — в Японии, Корее, Италии, Франции, Германии Греции, Югославии... У нас в зрительном зале свободных мест не бывает! Почему? Потому что людей интересует русская культура! Их интересует тот автор, которого они знают в переводе. Как-то мы выступали в очередной раз в Японии, и в это же время гастролировал еще один наш современный театр. И вот они пришли на наш спектакль специально посмотреть, действительно ли нас с восторгом принимают. Мы играли в очень большом зале на тысячу мест, а они — в маленьком...

Во Франции, в Версале, мы играли Чехова. Зал был битком набит! Приезжали из Парижа все Шереметевы семьями, с детьми, приходили за кулисы и говорили спасибо. Как нас интересует экзотика французская или шотландская, так и их интересует настоящее русское, да и сами они русские. Когда мы играли в Израиле (а мы впервые выехали на гастроли туда по их приглашению), нас потряс переполненный зрительный зал, и, конечно, все понимали по-русски, кричали не «браво», а «спасибо!».

Мы сейчас забыли хор Пятницкого, ансамбль Александрова. Ну, слава богу, недавно хор Пятницкого показывали, но только в связи со столетием. Это надо дожить до такого юбилея! Или ансамбль «Березка», ансамбль Моисеева... Ведь это же все классика мирового качества. Когда они приезжают за границу — это всякий раз аншлаг. Покажите мне хоть одного современного артиста, которого так встречают за границей? Нету таких!

— Но прежде чем играть классику, ее нужно внимательно прочесть. Вам приходится сталкиваться с абитуриентами, которые мало читают?

— Все идет из школы. И если реформа вступит в силу, то те, кто учится сейчас в четвертом классе, не будут знать, кто такой Пушкин. О Пушкине будут знать те дети, которые выросли за рубежом в русских семьях. Они и говорят красиво, у них русский язык очень чистый. Там будут знать, потому что у них в семьях нет реформы по отношению к русской литературе.

Расскажу о случае из своего опыта. Идет собеседование. Входят десять человек. Спрашиваю: «Кто написал “Каштанку”?» Пауза! Второй заход: «Кто написал “Каштанку”?» Третий заход, спрашиваю: «Кто написал “Каштанку”?» Один проронил: «Тургенев!» Я похвалил: «Гений!»

Следующие вошли и улыбаются... Я с удивлением: «Знаете?» Они: «Ага!» Я: «Кто?» Они хором: «Чехов!» Я: «Где узнали?» Они: «В библиотеку пош-

ли!» Побежали в библиотеку и узнали! А двадцать человек до этого не знали, кто такая Каштанка! А я до сих пор знаю: молодая рыжая собака, помесь таксы с дворняжкой, бегала взад-вперед по тротуару, обнюхивала ноги... Но самое главное — она села и подумала: нет, так жить невозможно, надо застрелиться... Только Чехов мог написать это! Когда-то бабушка вслух прочитала мне это, и я запомнил.

— Как Вы отдыхаете от работы? Что для Вас лучший отдых?

— Еду на дачу, мне дают с собой еду. Меня встречают разве что без транспарантов, но: «У-у-у, старик при-е-хал!» Собаки лают, кошки на заборах сидят. Я им говорю: «Друзья! Свобода!» Перед этим я заезжаю в Королеве в магазин, «Три ступенечки» я его называю, для меня там всегда, уже лет десять, оставляют ливерную колбасу. Я вхожу, они говорят: «Есть, есть!» Я же должен каждой кошке, каждой собаке дать этой колбасы, это такая радость и для них, и для меня! Потом они меня все провожают. Вот это отдых! Деревья, солнце! Если нет солнца — дождь. Тоже хорошо! Он тоже навеивает мысли. Снег — прекрасно! Он скрипит! Очень люблю ходить по снегу. Туда-сюда! Хожу так метров пятьдесят туда, метров пятьдесят сюда...

— И думаете про работу!

— Да! И думаю про работу. Никогда не выхожу за калитку, только рано утром с собаками, чтобы они знали, где они живут, и поздно вечером, когда никого нет. Вот мой выход в свет! Вот так два дня! Я возвращаюсь в Москву, мне говорят: «О, как вы хорошо выглядите!» Вот мой отдых! Переключение внимания.

У нас вся семья любит животных. Жена больше кошек любит, но и к собакам неплохо относится. А я к собакам хорошо и к кошкам неплохо. А вообще, я считаю, когда в семье есть ребенок, ему нужно подсовывать кошек, собак, даже если он не любит животных. Чтобы полюбил, чтобы стал ухаживать...

У меня жила овчарка Маклай, как раз внучка маленькая была. Однажды вхожу с комнату, внучка сидит на полу, Маклай перед ней. У нее чашка, и она говорит: «Тебе! Мене! Тебе! Мене!» Я сейчас забыл, что они ели, но я не стал ругать ни ее, ни Маклая. Собаки — это хорошо! И кошки, и птички, зверьки всякие. Почему? У ребенка вырабатывается обязанность. Покармливать, погулять. Некоторые родители покупают собаку по просьбе ребенка, он обещает гулять, кормить, а через неделю уже не хочет ей заниматься, но нужно направить так, чтобы он по своему желанию заботился о животном. Дети открывают самые главные свои тайны, доверяя их этим любимым существам.

— Что Вы чувствуете сейчас, когда мастера со званиями народных артистов СССР уходят?

Художественный руководитель Малого театра Ю. М. Соломин во время репетиции. Фото Д. Бочарова

— Да, нас мало осталось. Взять последнее интервью с Софико Чиаурели. Она водила журналистов по своему дому, как чувствовала, что в последний раз. У нее все умерли — муж, мать, отец... А дом у нее был — музей! Когда у нее спросили: «А как вас объ-являть? Ведь вы народная артистка Грузии, народная артистка СССР!», она ответила: «Я — артистка исчезнувшей цивилизации...» Здорово, правда?

Я не хочу сказать, что я скоро умру. Но я с ней согласен! СССР — это была цивилизация! Все мои ровесники, кто-то и моложе меня, оканчивали те школы (опять возвращаюсь к образованию), которые реформировали, но не очень сильно, после революции. Но реформировали люди, получившие образование до революции, они и преподавали. Это великие ученые, которых знают во всем мире. Это замечательные люди, достигшие высот и в космосе, и в медицине, и в искусстве, и в литературе, и в музыке! Они не просто достигли, они сохранили связь времен и эпох. А мы сегодня пытаемся это нарушить. Когда нарушают ход цивилизации, она гибнет.

На даче со своими питомцами. Фото из семейного архива

— Да, просто классика: «Распалась связь времен. / Зачем же я связать ее рожден!»

— Если начинают исправлять цивилизацию, но не очень точно и не очень честно, то она погибает в конечном итоге.

Мы снова о воспитании молодежи! Мне хочется сказать читателям журнала «Юность», что все-таки воспитание — это школа, куда входят и спорт, и искусство. Знаете, что сказал Александр Островский на одном выступлении? «Без театра нет нации!» Он имел в виду театр как собрание музыки, литературы, драматургии, сценографии, как теперь говорят, живописи и так далее...

Почему императрица Елизавета Петровна в 1756 году создала русский национальный театр на русской драматургии, будучи не очень русской? И этот театр существует двести пятьдесят пять лет. Все это нужно сохранять!

Поэтому, безусловно, культура воспитывает душу, а через нее — патриотизм. Это безумная любовь к тому месту, где ты родился и вырос. Его чувствуют все, но не все хотят признаться. Признаются уже тогда, когда наступает конец... А где ты был двадцать лет назад? Хотелось, чтобы запомнили люди: просто лозунгами, просто организационным

моментом патриотизм воспитать нельзя, его нужно воспитывать с детского садика! А самое главное, конечно, школа! Патриотизм — это школа в маленькой деревне, где учится всего шесть человек. Но там есть учитель младших классов. Вот это — патриотизм. Я не знаю, что бы я отдал этому учителю за то, что он делает! Как поднимается рука убрать эти школы? Я свою пятую школу никогда не забуду — это же моя родина!

Я всегда удивлялся, когда за границей (по молодости редко приходилось выезжать) подсказывали: надо рассказать о родине! Я начинал вспоминать, что родился в Забайкалье, и на вопрос: «А где это?» — я отвечал: «Это такая красивая страна, что Чехов, проезжая Забайкалье, заметил: “Это даже лучше, чем Швейцария!”»

Будучи школьником, я прочитал в учебнике географии, что Забайкалье превосходит по прозрачности воздуха и количеству солнечных лучей южный берег Крыма. Представьте мой восторг! Мы превосходим! Даже Крым! Мое мальчишеское восхищение сохранилось и сейчас.

Я помню, как идешь в лопухах, продираешься, причем это город был, не деревня. Я никак не мог понять отца. Он очень любил природу, жили мы в центре города, но двадцать минут ходу — и ты в лесу. Я часто его вспоминаю. Мой отец вставал часов в семь, шел в лес, и к девяти он приходил с грибами. Он меня все время брал с собой, а я не хотел и всегда убежал. Мне не нравилось, что лес шумит! А он сядет под деревом, закурит и слушает... Теперь для меня самый большой отдых — это лес, благо на участке шестьдесят пять сосен, берез и елей в обхват толщиной. Но не думайте, что у меня гектар земли! Нет.

Даже в спектакле «Три сестры» природа мне подсказала финал. Он немного не получался... Надо было что-то такое придумать. Однажды, это было в санатории, я смотрел передачу «Товстоногов и его работа над спектаклем “Три сестры”». Ярко светило солнце. Передача закончилась, и я слышу непонятный стук. Он заставил меня выйти на балкон, и я увидел крупный дождь, который стучал о железо. И что я сделал? Я убрал текст у трех сестер, взял другой текст у Чехова, где он говорит, что такое Россия, и дал дождь! И он действует! Чисто эмоционально! Вот что такое родина...

Беседу вела Светлана Воскресенская

Продолжение. Начало в № 1 за 2012 г.

Рисунок Юлии Спасовской

ГАЙДЕБУРОВСКИЙ СТАРИК

РОМАН

Я смотрел на старушку с большим интересом. Права она или нет? Скорее, она тараторила словами старика антиквара, которого боготворила, который долго не старел, потому что не мучился. Но философия которого оказалась весьма зыбкой. Он оградил себя стенами. В друзьях лишь вещи. И, казалось, никто не мог причинить вреда этому безобидному на первый взгляд старику. И что же? Его не спасли ни стены, ни история, ни исключительное одиночество. Впрочем... Вполне вероятно, ему уже было за сто. И просто пришел его час. Более того. В глубине души я полностью соглашался с его философией. Какой бы зыбкой она ни была. Разве я втайне не мечтал о подобной жизни? И по мере своих сил ее даже сделал. Сведя до минимума свои потребности и возможности. Что это было? Страх перед жизнью? Или, напротив, вызов ей? И это не она захлопнула передо мной двери. Это я хлопнул перед ее носом дверь. Чтобы не видеть, не знать, не желая видеть и знать, насколько она дурна. Но осуществить свои намерения у меня не было возможностей. Я был слишком беден. И я должен был периодически открывать двери перед жизнью, слегка приоткрывать, пролезая в щелочку двери. Чтобы идти на работу. Чтобы возвращаться домой, чтобы закрутить роман с Тасей, чтобы выжить. Теперь у меня есть все шансы выжить другим способом. Я имею все возможности закрыть перед жизнью двери навсегда и выбросить ключи. Я имею все возможности не жить. Чтобы жить и выжить. Я готов навеки заключить себя в темницу под названием «антикварная лавка». Я готов дышать перебродившим воздухом старины. Выбросить календарь, не зная счета дням и годам. Я согласен быть мертвецом, но не затем, чтобы подольше прожить. А чтобы не видеть самой жизни, несправедливых страданий в ней, уродливых

страхов, мучений, патологического несовершенства. Это не борьба. Но это хоть какой-то протест. Протест, на какой я мог быть способен. И который, наверное, был мне удобен. Единственное, о чем я искренне сожалел, так это о том, что невольно отнял жизнь у другого. Даже если он был сумасшедший. И даже если ему было за сто лет. Бывает, и за сто лет жаждут жизни. А в двадцать по доброй воле обрывают ее.

— Ну да ладно. — Издалека я услышал голос Элеоноры Викентьевны. — Не слушаете меня, дорогой, и ладненько. Чего меня, старую дуру, слушать. Да и не моя это философия — ваша. Ее я у вас когда-то украли и теперь возвращаю. Ведь вы, дорогой Аристарх Модестович, даже не знали, что вместе с философией вашей я и кусок вашей жизни умыкнула. Права была или нет? Кто знает? Но, как и вы, всю жизнь так одна и прожила. Вот видите, сколько мне годов, а чувствую себя великолепно. Даже насморком не страдаю. А были бы дети, внуки, мужья, давно бы коньки отбросила, это я вам со всей ответственностью заявляю! Наши ровесники все торопились жить-то, скольких нет уже на земле? Даже могилы их никто не посещает, слишком уж древние, не актуально уже по ним плакать даже сородичам. А мы с вами, как две черепахи, так, не торопясь, к финишу и приползем. И уже не важно, кто первый. Это уже не от нас будет зависеть. Скорость-то у нас все равно одна, я правильно рассуждаю?

Я утвердительно кивнул головой.

— А вы-то здоровьице поберегите. Сенечка, душаю, преувеличил. Он, похоже, никак не может взять в толк, как это можно в нашем возрасте — и не болеть? Вот и сочиняет всякого. Тоже такой шепутой! В любой миг его могут сбить! Такая скорость! Но, поди, любит он ее. И я за него ох как опасуюсь.

Ведь, дорогой Аристарх Модестович, жальче-то всегда таких, как Сенечка. Парень больно хороший и бесребреник. Такие тоже первыми к финишу прибегают. Просто так. От жажды жизни. Они просто так эту жизнь обожают, бесплатно. Она ничегошеньки им взамен не дает. Скорее, больше пинков, чем подарков. Но они знай размахивают своей палочкой, словно с ветряными мельницами борются. Да, и такие, слишком живые, слишком совестливые, тоже первыми в очереди на тот свет. Жаль, очень жаль. Я ему от всего сердца желаю оказаться в самом хвосте этой чертовой очереди. Нужны такие парни, очень нужны, если и их не останется, я уж не знаю...

— Чего вы его раньше времени хороните? — наконец выдавил хриплым голосом я. Мне тоже нравился этот парень. И меня даже слегка кольнула совесть, что он выбрал опасную дорогу, кишашую акулами, а я — безопасный склеп.

— Нет, Аристарх Модестович, я надеюсь, что хоронить его не буду. Во всяком случае, этого не увижу.

Старушка быстренько натянула пальто, повязала косынку, чмокнула меня в приклеенную бороду. И весело крикнув: «До завтра!», так же легко выскочила за дверь, как и вошла. Впустив струи осеннего ветра и прохладного вечера. И мне на миг показалось, что на метле она бы выглядела более гармонично. Я ошибся с первого взгляда, принимая ее за Шапокляк или за нэпманшу из богемы. Скорее она походила на ведьмочку, но очень добрую. Претендующую на чужую философию, живущую по чужой философии, но в глубине души ей не доверяющую. Потому что философия Сенечки ей была куда ближе. Хотя он никогда не был философом и, возможно, даже не знал, что на свете может существовать такая бессмысленная наука.

Вот и все. Все оказалось проще, чем я думал. От Викентьевны я узнал все, что мне было нужно. Да и узнавать было особенно нечего. Старик и впрямь оказался абсолютно одиноким. Похоже, самыми близкими людьми для него были старушка и Сенечка. Остальные — всего лишь случайные покупатели, а если и бывали постоянные, то вряд ли старик шел с ними на близкий контакт. Моя жизнь мало чем отличалась от жизни старика. Я тоже в ней был одиночкой. Разве что Тася... Впрочем, в последнее время у нас были более чем прохладные отношения. И каждый был готов к неминуемому разрыву. Тася прекрасно поймет, что я ее бросил. Впрочем, возможно, стоило позвонить? Нет, не стоило. Это было в моем характере. Просто исчезнуть. И не потому, что я был труслив. Просто мне лишний раз не хотелось обижать девушку. И Тася про эту черту характера знала. Сенечка представлял минимальную опасность, поскольку из совершенно разных были поколений

старик и регулировщик, из разных социальных слоев и разного воспитания. Судя по всему, Сенечка забегал всегда на минутку — узнать, все ли в порядке. Он был ответственный парень. А возможно, его и впрямь сжигало любопытство, почему старик так ни разу не заболел. Вот Викентьевна... Она, конечно, больше говорила, чем смотрела и слушала. Но все же... Столько лет вместе... Изю дня в день... Только бы здесь не допустить промах. Старушка на первый взгляд довольно простодушная. Но все же мне казалось, она не так уж проста. И я грешным делом подумывал, как бы избавиться от ее услуг. Но ничего путного, что не вызвало бы подозрений, сочинить не мог.

За меня сочинила жизнь. И с какой стати последнее время она играет на моей стороне? Нет ли здесь подвоха? Я настолько привык к поражениям, что удачи для меня становились аномалией и доверять им я разучился.

Следующим же утром я напряженно ждал старушку. Я понимал, что нужно расслабиться, чтобы не вызвать подозрений. Но напряжение, скованность нарастали. Я проверил, на месте ли берет. На месте. Вместе с головой. Но он сжимал до боли голову. Возможно, потому, что она распухла от мыслей.

Вместо старушки неожиданно появился Сенечка, и я облегченно вздохнул. Сенечку я не боялся. Он долго на пороге лавки растирал замерзшие уши и бормотал:

— Ну и холодрыга. Им-то хорошо, они в машинах. Там и тепло, и музыка. И чай в термосе. — Сенечка не смотрел на меня. Он как-то съежился, втянул голову в плечи и все отчаяннее и отчаяннее растирал оттопыренные уши. Они уже просто пылали. Я заволновался. Что-то было не так. И хотя я плохо знал этого парня, все же подозревал, что сегодня он совсем другой.

— Выпьешь чаю, Сеня? — Я рискнул все же быть с ним на «ты». Он был настолько молод! Даже если антиквар отличался чрезмерными интеллигентскими замашками, с лопухим мальчишкой Сенечкой и то бы не посмел на «вы». Я угадал.

Сенечка еще больше пригнулся к полу, растирая уши. Казалось, он не может мне ответить.

— Выпей чаю, ты согреешься. У меня хороший чай.

Я уже успел изучить запасы старика. Плохой чай он не пил.

— И зеленый есть, и красный, и белый, и черный. С листиком мяты. С веточкой облепихи. С ягодами земляники. Ты какой хочешь, Сеня?

Я приблизился к парню. Того всего колотило. И мне показалось, что холод тут ни при чем. К тому же не так уж было холодно на улице. Даже не завывал ветер.

Я осторожно встряхнул его за плечи и приподнял подбородок. И встретился с ним взглядом. Глаза Сенечки были полны слез.

Неожиданно он вздрогнул, словно увидел меня впервые. Неужели узнал? Нет, этого не может быть. Седые длинные волосы, седая борода и черный берет. Как можно узнать человека?

— Что с тобой, Сеня?

— Я не знаю... Я не знаю, как вам... сказать... сообщить... — Сенечка еще более отчаянно стал тереть уши. И я силой отодрал его ладони от ушей.

— Прекрати! — резко сказал я. — Что случилось!

Мой резкий властный голос заставил Сенечку подпрыгнуть на месте и вытянуться в прямую стойку. Он имел опыт общения с начальством. И действительно походил на оловянного солдатика.

— Аристарх Модестович! Имею неприятность вам сообщить, что гражданка... гражданка... — и Сенечка не выдержал. Оловянный солдатик растаял и промычал сквозь слезы: — Викентьевна ночью умерла, умерла, как пить дать.

Я машинально перекрестился. Так наверняка бы сделал антиквар.

— Царство ей небесное, — сказал я первое, что пришло на ум. Но, безусловно, этого было мало. С этой женщиной антиквар был знаком долгие годы, возможно, целый век. И отделаться дежурным «царством небесным» вряд ли получится. Мне нужно было воображать неутешное горе. А это было не просто. Мне искренне было жаль эту старушку, словоохотливую, полную жизни. И так... Вдруг... У нее даже не было насморка. Впрочем, чтобы остановилось сердце, насморк необязателен, иногда он даже мешает.

Я резко повернулся спиной к Сенечке. И правильно сделал. Теперь Сенечка поверил в искренность моего горя. И положил руку на мое плечо.

— Держитесь, дорогой Аристарх Модестович. Прошу вас, держитесь. Я знаю, что кроме нее у вас никого не было.

— Никого, — эхом повторил я.

— Она всегда говорила, что вы старики крепкие, даже не болеете. И к финишу придете вместе. Ой, извините, я не про то, извините. Я не то хотел сказать, не так выразился, ей-богу. Дай вам бог еще долгих предолгих лет.

— Не извиняйся, Сеня. Мне она тоже это не раз говорила, — глухо ответила моя спина. — Как будет, так будет. Не так уж я боюсь смерти. Я живу в таком мире, где смерть давно поселилась. Но это не просто смерть. Это вечность. И кто скажет, что эти мои вещи не есть настоящая вечность? А я один среди них. Я сам давно мертв и я сам давно уже вечность. Вот так, Сеня.

Странно, мне только вчера старушка сама заявила, что к финишу они с антикваром придут вместе. Пережила она его всего на один день, даже не зная о его смерти. Но она и не должна была знать. Это за нее знало сердце. Вот оно и остановилось.

— Так жаль Викентьевну. — Сенечка шмыгнул носом. — Она меня любила. Я сам это чувствовал. За меня никто в жизни так не переживал, как она. Никто, представляете? А она как бежит через дорогу, как видит меня — и давай размахивать руками и со всей силы бить машины сумкой по капоту, или багажнику, или лобовому стеклу. Помните, у нее еще такая цветастая сумка была, в розочки, что ли, или...

— Не нужно, Сеня. Мне тоже тяжело. — Не поворачиваясь, я крепко пожал его ладонь.

— Я все понимаю. Но ничего уже не попишешь. Меня ждет дорога. Куда они все прутся? Неужели трудно хоть иногда пешком пройтись? Я вот этого не понимаю! Я даже себе клятву дал, что никогда не куплю машину! Ни в жизнь!

— Не клянись, Сеня. Жизнь идет, а клятва остается. Зачем быть повязанным?

— Ну вот вы, к примеру, дорогой. Вы... Вы вообще редко выходите. А если и выходите — только пешком. Так и живете пешком. Разве это плохо?

Я пожал плечами. Я еще не знал, плохо это или хорошо.

— И в магазин не ходите, редко гуляете, и то только когда стемнеет. Да уж, у каждого свой ритм, у каждого. Тут ничего не попишешь. Я так медленно не люблю. Мне бежать надо. Но только не машины. Это уже полный идиотизм.

— Странно это слышать от госавтоинспекции.

— Госавтоинспекция — звучит слишком солидно. А я всего лишь регулировщик. Мне стоять нужно. И смотреть в оба на этих монстров. Эх, знали бы вы, как я их ненавижу! Ну просто не переносу! И Викентьевна их ненавидела. Даже мне электронную игру подарила, где всех их на дороге можно отстреливать за нарушение правил. Получается восемьдесят процентов отстреленных, представляете! Что бы было в жизни! Представляете, восемьдесят процентов преступников! И все среди нас! И каждый убить нас может! Нас двадцать, а их восемьдесят! Какова гарантия жизни!

— Я не играю в электронные игры.

— И то верно. Другой ритм. Другие нервы. Я не знаю, чем вас успокоить, потому что не знаю, как успокоиться самому. Но одно, что я для вас успел сделать. Я знаю, для вас это важно. Я уже дал объявление о приходившей домработнице.

И я тут впервые резко повернулся к Сенечке.

Пожалуй, у меня был настолько свирепый взгляд, что Сенечка попятился, покачнулся и чуть не упал.

— Зачем? — прохрипел я.

— К-ка-как зачем? — испугался Сенечка. — Что с вами, дорогой? Я никогда вас таким не видел. Боже! — Сенечка стукнул себя по лбу. — Ну конечно! Как я смею задавать такие вопросы. Может быть, вам купить что-нибудь успокоительное? Хотя какое уж там спокойствие. Только время все успокоит. Положитесь на время, дорогой Аристарх Модестович.

— Зачем ты, Сеня, дал объявление?

— Это вы сейчас в шоке говорите «зачем». А потом мне спасибо скажете. Как же вы — и без домработницы? Это же невероятно! Это же так всю вашу жизнь перевернет! Да это и убить вас может! Да! Да! Убить! А я этого никак не допущу! Чтобы вы сами в магазин ходили, в аптеку, в прачечную... Как же такое вообще возможно! Сами полы мыли и готовили! И посетителей принимали, вернее, отшвыривали, извините, все же принимали! И на звонки отвечали! Нет, это определенно самоубийство! И я определенно этого никак не допущу!

Я признал свое поражение и устало опустился в бархатное кресло. Интересно, кому оно принадлежало? Да, пожалуй, пора проверить все учеты и записи Аристарха и выучить все вещи, всю их историю и их цену наизусть. Сенечка тысячу раз прав. Мне светиться не следует. Меня вообще никто не должен видеть. Во всяком случае, много и часто. Поэтому домработница необходима. Какая-нибудь проворная допотопная старушка, которая слыхом не слыхивала об антикваре. С ней, пожалуй, я буду в большей безопасности. И я посмотрел на Сенечку. Уже ласковым, почти трогательным взглядом.

— Прости меня, Сенечка. Я действительно не в себе. Смириться со смертью никто не может. Во всяком случае, пока. Даже если и готов к ней. Ведь мы с Викентьевной и впрямь немолоды. И смерть нам уже не казалась пришельцем с другой планеты. Она уже была рядом, почти жила с нами. И с нами делила и неудачи, и радости. Мы давно ее не боялись. Ну, знаешь, как соседа. Который чего-то дожидается. И который что-то хочет от нас. И мы не очень любим друг друга. Но и друг без друга как-то пусто. Как говорится, сосуществование. И неизбежность. И все же...

— Дорогой Аристарх Модестович. — Сенечка присел на корточки возле бархатного кресла и даже попытался взять мою руку. Но я вовремя спрятал ее. До меня вдруг дошло, что мои руки наверняка моложе рук старика. И руки гримировать я не умею. — Дорогой... Мне ужасно жаль Викентьевну. — У Сенечки на глазах вновь выступили слезы. — Она мне как мать была... Или бабушка... Которых у меня в помине не было. Но... Я всегда чувствовал, что вы крепче ее. Гораздо крепче. Потому как на улице ред-

ко бываете. Мне вообще иногда кажется, что всех убивает улица. Может, потому что я на ней работаю, кто знает. И не обязательно машины убивают. Это просто. Сколько на улицах магазинов, контор, учреждений всяческих, офисов. И со всем этим нужно вступать в контакт. А контакт не самый приятный. Я бы сказал, убийственный контакт. Вы себя от него избавили. Вот почему вам просто необходима домработница. Как воздух, может, как продолжение жизни. Вы согласны, дорогой?

— Еще как согласен, Сенечка, еще как. — Я улыбнулся. И подумал, что подобного контакта с улицей не допущу. И понял, что я всегда именно так хотел прожить свою жизнь. Только не мог сообразить, за что, за что фортуна так легко вступила в контакт со мной. Но мысленно поблагодарил ее за это.

Сенечка направился к выходу.

— Я оставляю вас одного, хоть вам, может, одному теперь и не сладко. Но, наверное, нужно.

Я утвердительно кивнул.

— Проводить-то Викентьевну в последний путь сможете?

Я кивнул отрицательно.

— Не смогу, Сенечка, не смогу. И не суди меня за это.

— Кто я такой, чтобы судить. И Викентьевна тоже бы не осудила. Людей, я так думаю, вообще нужно запоминать живыми. А мертвые пусть останутся для истории.

— Или не останутся.

— Ну, в вашей истории Викентьевна точно останется. Вам чего-нибудь принести от нее... Для памяти?

У меня не было памяти о Викентьевне и быть не могло. А вот у Аристарха... И я вспомнил о сумке.

— Ну, ту сумочку... В розочки. Которой она так от-важно била машины по стальным мордам.

— Хорошая память. — Сенечка улыбнулся. — А ее вы помяните здесь.

— Помяну здесь. И похороню здесь. И сохранию здесь навсегда в своей истории. И поэтому здесь побуду один.

— Я понял. Только для меня открывайте двери. И для домработницы. Может, мы пока единственные живые для вас.

Сенечка закрыл за собой двери. И аккуратно повесил табличку «Закрето». Он был умный парень.

Я облегченно вздохнул. Во всяком случае, на какое-то время я был полностью закрыт от жизни. И она не сможет вломиться мне в двери.

Эти несколько дней, на которых была табличка «Закрето», пролетели для меня мгновенно. Я лихорадочно изучал дело старика. Его записи, в которых с методичной четкостью были указаны не только

цены на вещи, но и их биография. И эта биография неодоушевленных предметов оказалась чрезвычайно увлекательной, и мне чудилось, что не просто мертвые вещи окружают меня. У каждой из них была душа. Я словно читал приключенческий роман со множеством глав, где были и погони, и выстрелы, и смерть, и победа, и слезы, и страх, и радость. И меня уже не удивляло, что старик отказался от людей и от самой жизни. Он заменил и семью, и детей, и друзей и саму жизнь чужими биографиями, которые наверняка были гораздо увлекательней его собственной, если бы она состоялась. Может быть, поэтому он так долго прожил? И, по словам Викентьевны, совсем не менялся, не старел, потому что заменил собственную жизнь сотнями чужих жизней. И прожил сотни чужих жизней, так и не познав настоящую жизнь. В которой не так много удач и так много потерь.

Пару раз забегал Сенечка. Первый раз — чтобы рассказать о похоронах Элеоноры Викентьевны. Я слушал вполуха, поскольку меня не очень интересовали чужие похороны, хотя старушку было искренне жаль. И я даже пару раз промокнул глаза платком. Не играя в печаль, а печалась. А во второй раз он мне принес хозяйственную сумочку в розочки. Все, что осталось от Викентьевны для ее друга-антиквара. И я демонстративно при Сенечке ее аккуратно положил в шкаф. Для будущей истории. Которая вряд ли кого заинтересует когда-нибудь. И состоится.

Сенечка на прощание посетовал, что никто не отозвался на его объявление по поводу домработницы.

— И как вы тут, дорогой, один-одинешенек справляетесь? — вздохнул он на прощание.

Я вздохнул вслед за ним. Справлялся я неплохо. Пока. Но что будет завтра? Все мои припасы закончились, вещи покрылись пылью. Выходить я опасался. Я боялся соприкосновения с миром, в котором играл чужую роль и который уже мне не принадлежал. А вдруг этот мир меня разоблачит? Но, похоже, когда я сегодня доел последнюю консерву, завтра придется табличку «Закрото» снять. Как бы мне этого не хотелось.

Но «завтра» распорядилось иначе. Фортуна вновь легко пошла на контакт со мной, что меня еще больше встревожило.

Ранним утром я проснулся от громкого стука в дверь. Машинально нахлобучив беретку, набросив халат на пижаму, сгорбившись, шаркая тапочками, я медленно пошел открывать. При этом я что-то хрипло ворчал себе под нос. Я выучил за эти дни свою роль на отлично.

На улице едва светало. Пронзительно завывал ветер. И мокрая листва прилипла к витрине. Свет

я так и не включил, мне нужно было узнать, кто поднял меня в такую рань. Безусловно, я сегодня не ждал милиции, но на страх перед ней я, похоже, обречен на всю жизнь. Я осторожно приоткрыл занавеску и заметил маленькую женскую фигурку, которая прыгала от холода на месте и демонстративно хлопала ладошками по своим плечам. На милицию она не была похожа.

Поэтому я смело распахнул двери. Ветер едва не сбил меня с ног. И едва не сбита с ног меня девушка, которая буквально влетела в комнату, стуча так же демонстративно от холода зубами.

— До вас не достучаться! — вызывающе заявила она вместо «здрате».

Я вздрогнул при ее вызывающем голосе. И включил свет. И мы встретились с ней взглядом.

Мы встретились взглядом. Это была Тася. Моя Тася. К бумбончику вязаной шапочки прилип желтый лист. И я его осторожно снял. Не знаю, почему я это сделал первым делом. И только потом удивился. Впрочем, возможно, я это сделал от удивления. Нет, удивление — еще мягко сказано. Мои ноги похолодели, и я не мог сдвинуться с места. Возможно, последствие шока — оцепенение — и спасло меня. На лице не проступило ни грамма изумления. Лицо оставалось каменным и суровым. Каким, должно быть, и было бы лицо антиквара при виде неожиданной незнакомки осенним ранним утром. Когда еще еле-еле светает. И когда особенно хочется спать. Впрочем, возможно, Аристарху спать не хотелось. Он был настоящий старик. Старики зачастую страдают бессонницей.

Передо мной стояла моя Тася. В вязаной шапочке с бумбончиком. К которой совсем недавно прилип желтый лист. Но я стариком не был. И она об этом не знала, не могла знать. Но тогда, черт побери, что она делает на пороге антикварной лавки?!

Тася тут же ответила на мой мысленный эмоциональный вопрос. Тоже вполне эмоционально, в ее духе.

— Черт побери! Я вам тут тарабаню в дверь с полчаса! А вы спите как убитый! Воистину лгут, что старики страдают бессонницей, особенно поутру! Прекрасно они дрыхнут, за милую душу! Мне бы так!

— Вы пришли обсуждать особенности моего ночного сна?

— Но не дневного же! — Тася хихикнула в ладошку. — Или вы и днем не прочь вздремнуть часок-другой? Да, при таком занятом образе жизни вам непременно нужна управительница! Точнее, мо... мож... могу... рдом! Да, може... могу... он мне больше нравится. Солиднее. Да, но так плохо выговаривается! Дурацкое слово! Во! Менеджер! Точно. Как пить дать! Мои подружки лопнут от зависти! Представляете!

Тася важно прошагала взад-вперед по комнате, подняв голову вверх и уперев руки в бока:

— Кем ты, Таська, работаешь?

Тася понизила голос:

— Во-первых, не Таська, а Таисия Кирилловна. А работаю я... Вернее, не работаю, а служу менеджером в антикварном магазине, нет, магазин вообще как сельмаг звучит. Ага! Менеджером в антикварном супермаркете! Так точнее.

— А еще точнее — уборщицей в антикварной лавке, — не выдержал я и одернул Тасю довольно грубо, как всегда. Когда мне надоедала ее пустая болтовня, окрашенная легким снобизмом. — А еще точнее — вы никем не работаете. Во всяком случае, у меня!

Но Тасю нужно было знать. Впрочем, я ее знал хорошо. Она никогда не сдавалась. И умела доставать, до полной победы. Но на сей раз о ее победе не могло быть и речи. Она запросто может меня разоблачить, и как я ей все объясню? При этой картине легкая дрожь пробежала по моему телу. Хотя... Вполне возможно, она бы поддержала меня. По натуре Таська была авантюристкой. Но авантюра и убийство, во-первых, разные вещи. А во-вторых, я не хотел категорически к ней возвращаться. Только я обрел настоящий покой — и на тебе. К тому же я не мог ни под каким предлогом впутывать в криминал девушку, хотя, возможно, при ней и было бы безопаснее. Нет и еще раз нет.

Пожалуй, последнюю фразу я пробормотал вслух. Потому что Таська тут же в ответ закричала:

— Дедушка! И на каком основании вы меня не берете?! Что за шуточки такие! Интересно, почему это я вам не подхожу! Я все умею делать, к тому же я молода!

— Слишком молода, — резко ответил я. — Мне нужна старушка, еще с нэповских времен. А на счет «все умею»... — Я резко затормозил. Да, нужно контролировать себя. Я знал, на что способна Тася. Куча разбросанных вещей по всей комнате. Пыль на мебели. И редкое махание метлой в разные стороны, после чего еще больше пыли. Да, старательной и умелой ее вряд ли бы я осмелился назвать. И это чуть было не ляпнул. Но вовремя остановился.

— Да! Именно! Всё умею!

— Ну, женщины все умеют. Это не большая заслуга. А вот найти интеллигентную старушку, умеющую вести интеллектуальную беседу с покупателями... Замечу, что мой магазин посещает определенный тип людей. Этакое эрудиты, этакое романтики, для которых история не просто абстрактное понятие, а осязаемая реальность, в которой они хотят принять непосредственное участие, оставить в ней свой след либо хотя бы посметь ступить по чужому следу.

Тася слушала меня с открытым ртом, наморщив свой узенький лобик. Как всегда, ее шокировали словесные непонятности, на которые я был мастер. И чем больше она не понимала собеседника, тем больше уважала его, даже если он нес полную чушь, состоящую из стилистических ошибок. Как я теперь. Мне нужно было отпугнуть Тасю. Чтобы она сама отказалась от мысли об этой работе.

— Да-а-а... И вы это... Всерьез думаете, что я не обучусь разговаривать с вашими сомнительными романтиками?

— Увы! — я развел руками. — Этому не учатся. И этому не учат. Интеллигентный разговор — это дар врожденный.

Здесь я определенно слукавил. Интеллигентности можно научиться, просто сегодня зачастую учат наоборот. Таковы правила игры сегодняшних реалий, когда хамство, грубость и высокомерие являются некой визитной карточкой, открывающей многие двери, за которыми восседают те же хамство, грубость и высокомерие. Но Тася этого не понимала. К тому же привыкла верить умным людям на слово. А зря.

Но Тася еще не сдавалась. Она упрямо помотала головой. И бумбончик на ее вязаной шапочке качнулся из стороны в сторону.

— А между прочим, один мой друг был бухгалтером, — уже не так уверенно сказала она, видимо, вспомнив о пьяных загулах бывшего друга.

Я только развел руками.

— А второй — настоящим философом, — еще менее уверенно упомянула она мою персону, видимо, вспомнив о моих сомнительных выходках.

Я вновь развел руками.

И Тася сдалась. На ее глазах выступили слезы, она повернулась и медленно направилась к выходу. Я ликовал, хотя в душе жалел девушку.

Тася сделала последнюю попытку надавить на мою жалость. И у двери обернулась. И сквозь слезы пробормотала:

— Мне так нужна была эта работа. С прежней меня уволили. К тому же мой второй друг... ну, который философ, он пропал. Представляете, бесследно исчез.

Я приложил все усилия, чтобы не выдать волнения. Благо я был в гриме. В седой бороде волнение незаметно.

— Бесследно исчез? Как же так? Так невозможно, — прохрипел я.

— В том-то и дело, что невозможно. А оказалось, возможно. Ушел и не вернулся. Мне теперь просто не на что жить.

Я облегченно вздохнул. Тася подумала, что ее бросили.

— Не переживайте так. Может быть, он еще вернется. Но если нет... Всех бросают. И все бросают. Хоть раз в жизни.

— Бросают?! Ну вы скажете! Какое там бросают! Если бы! Если бы он меня бросил, то я бы нашла способ его вернуть! От меня так просто не отделаешься! К тому же он наверняка бы меня предупредил! Не переживайте!

— Я и не переживаю. Мне вообще нет дела ни до вас, ни до вашего философа и тем паче — бухгалтера. Просто я пытаюсь вам объяснить, что он, возможно, не предупредил вас только потому, что знал — вы найдете способ его вернуть. Это ваши слова.

— Вот видите, вы меня уже цитируете. А говорили, я глупая. Глупых не цитируют.

— Ну, это спорное заявление. Не хочу показаться невежливым, но у меня куча работы. Так что... — Я легонько подтолкнул Тасю к выходу.

— Я бы мигом разгребла вашу кучу. — Тася так жалобно смотрела на меня полными слез глазами, что, будь я собой, непременно бы сдался. Она права, вернуть меня она бы нашла способ. Но, к счастью, я собой не был вот уже несколько дней. И даже потихоньку стал привыкать к этой мысли. И потихоньку стал себя забывать. Тася же могла разрушить все мои планы. А к себе я не хотел возвращаться ни под каким предлогом. Впрочем, как и к ней. И я вновь ненавязчиво подтолкнул ее к выходу. Бумбончик на вязаной шапочке с укором кивнул мне.

Я услужливо, как швейцар, распахнул перед Тасей двери. И она переступила порог.

— До свидания, Таисия Кирилловна.

Слава богу, этот навязчивый визит завершился. Поражением моей бывшей девушки, что на моей памяти случалось впервые. Но я поторопился заявить о своей победе.

— Извините. — Последнее слово Тася оставила за собой, как всегда. И это слово оказалось решающим. — А вы не подскажите, где находится отделение милиции?

— Отделение милиции? — машинально переспросил я, по-прежнему желая избавиться от девушки. — Понятия не имею.

— Ну, тогда...

И тут до меня дошел смысл ее слов. И я буквально силой втащил девушку в дом.

— погоди ты, погоди. — Я слишком суетился. Но Тася была не самой умной девушкой на свете. И вряд ли что-нибудь могла заподозрить. — Ты погоди, погоди. Милиция? Отделение милиции? У меня есть справочник, если хочешь, я поищу.

Я сделал вид, что бросился на поиски справочника, хотя не подозревал, имеется ли он в наличии.

По идее, у антикваров должны быть координаты всех учреждений.

— Вы так любезны.

— А зачем тебе милиция? — как можно неприличнее выкрикнул я из дальнего угла комнаты, перебирая книги Аристарха.

— Зачем? — крикнула мне в ответ девушка. — Как зачем? Чтобы сообщить о пропаже друга! Уже более трех дней прошло! Такие заявления они принимают!

— Что, что, что?! Я ничего не слышу! — еще громче заорал я, хотя все прекрасно услышал.

Тася мигом очутилась возле меня. Я сидел, окруженный многочисленными книгами, которые сгрудил на пол и делал вид, что старательно ищу справочник. Тася повторила свой ответ.

— О пропаже дружка? — Я округлил от изумления глаза. — Какие глупости! Бросил он тебя, девушка! Так тысячи парней сбегают от своих девушек! И тысячи мужей от своих жен! Тебя даже не будут слушать в милиции! Больше у них дел нету! А еще хуже — вообще затаскают. Ты же с ним жила! Значит, если тут есть хоть доля криминала, ты первая и будешь в ответе!

— Ой, напугали! А что мне прикажете делать! — Тася приняла боевую стойку, подперев руки в бока. — Жить мне не на что! И мы вместе за квартиру должны расплатиться! И за холодильник! Гришка, может, и негодяй, но честный парень! Не оставил бы меня умирать в одиночку среди кредиторов! Только если не наложил на себя руки. А если наложил — нужна милиция! Кстати, вот справочник! — Тася схватила телефонную книжку, лежащую прямо перед моим носом. — Других поучаете, а сами ни черта не замечаете, что творится у вас под носом.

Я осторожно забрал у нее справочник и усадил девушку в бархатное кресло.

— Ну хорошо, милая. Мне действительно тебя жалко. Ну, как человек человека жалеет.

— Точнее, дедушка — внучку.

— Пусть будет так.

Ну, вот я уже стал дедушкой для девушки, которую совсем недавно еще любил. Время для меня воистину пробежало быстро.

— Мне не хочется, чтобы такая миленькая девушка связывалась с милицией. И не хочется, чтобы она погибала от голода. К тому же я убедился, какая ты проворная и находчивая. Так ловко отыскать справочник в чужом доме, под грудой книг!

— Который лежал перед вашим носом, на самом видном месте.

— Большое видится на расстоянии. А что под носом происходит — незаметно.

Тася почесала свой курносый носик.

— Я все вижу, что у меня под носом происходит.

— Вот поэтому я и принимаю тебя на работу! В ан-тикварном деле — главное внимание! Главное — все подмечать и уметь находить!

Тася от радости подпрыгнула на месте и закружила по комнате. Она никогда не умела скрывать своих эмоций.

— Вот это здорово! — Она резко притормозила возле меня. — Неужели это правда? Не шутите?!

— С моей седой бородой какие уж шутки. — Я потерял бороду.

— И то верно. И что, я и впрямь буду менеджером?

— Менеджер, Тася, это чуть-чуть другое. Ты будешь... Ну, скажем, секретаршей. Так точнее.

Тася вздохнула.

— Менеджером было бы лучше.

— Хочу заметить, что пять минут назад ты была без работы. Прошу и впредь это помнить.

— Ладно, ладно, уговорили. Секретарша — тоже неплохо звучит.

Тася скромностью никогда не отличалась.

— Более того. Абстрактно звучит. А на самом деле, но об этом, конечно, будем знать лишь мы с тобой, ты будешь и домработницей, и продавцом, и швейцаром, и поварихой, и официанткой...

Чем больше я произносил профессий, тем больше хмурилось Тасино личико.

— Ну и счетоводом, конечно.

— Счетоводом? — Тасино лицо наконец-то просветлело. У нее явно была тайная страсть к математике, в которой она ни черта не смыслила.

— Справишься?

— Не знаю, как насчет домработницы и кухарки. Но счетоводом я точно смогу быть! Я же говорила, у меня бывший дружок... Ну, который еще до философа, был бухгалтером!

Слово «бухгалтер» она по-прежнему произносила, как молитву.

— Так что не волнуйтесь! Уж я справлюсь!

Безосновательная самоуверенность — один из основных коньков моей бывшей девушки, которая сегодня годилась мне во внучки. А поводов для волнений у меня было предостаточно.

— И когда приступать к работе, то есть к службе... счетоводом, то есть... бухгалтером? Я могу хоть сегодня! — по-деловому спросила Тася. Ей деловитость шла так же, как ее бухгалтеру подснежник в петлице.

Мне вообще хотелось, чтобы ни к какой работе она не приступала. Или как можно дольше не приступала. Она была опасной работницей, у нее всегда все валялось из рук. Но оставлять ее без присмотра было куда опаснее.

— Завтра, завтра приступишь. А сегодня... Я тебе дам аванс, чтобы ты рассчиталась со всеми. И вооб-

ще, тебе, наверное, нужно подготовиться, собраться с мыслями, морально, так сказать, настроить себя на служение новому делу...

Тася от удивления приоткрыла рот.

— Ну да... Конечно, морально собраться с мыслями, — пробормотала она.

— Да, и еще, — я от волнения закашлялся. И повернулся к окну. Так было легче не выдать волнения. — Ты понимаешь, у меня здесь серьезное дело, а не какая-нибудь шарашкина контора. И работа с историческими ценностями, и ценными бумагами, и важными людьми... Так что... В общем, о милиции я не хочу и слышать. Иначе окажешься в одну секунду на улице. Сама понимаешь.

— Сама понимаю, — как эхо, повторила она за мной. — Конечно, это будто на секретном предприятии, да?

— Ну, в общем, да. — Я вновь повернулся к Тасе и облегченно вздохнул. Вопрос с милицией был, похоже, решен. — Секретность — это точно сказано. Конкуренты никогда не дремлют.

— Только вы любитель вздремнуть. — Тася хихикнула в ладошку.

Я сурово сдвинул седые приклеенные брови.

— Да, и запомни хорошенько, очень хорошенько! Я тебе не дедушка, а твой начальник! И ты мне тем паче не внучка, а моя подчиненная! Так что никакой фамильярности!

— Никакой, дедушка! — Тася приложила ладошку к виску и шаркнула ножкой. Как верный солдат. Хотя в ее верности я всегда сомневался.

Тася выскочила за дверь. И я, приподняв занавеску, наблюдал, как она весело перепрыгивает через лужи и мурлычет под нос какую-то песенку. И ее бумбон на вязаной шапочке шатается из стороны в сторону, как колокольчик. И, казалось, подыгрывает ей. И я словил себя на мысли, что не зря был в нее когда-то влюблен. Что-то в ней безудержно притягивало, как осенью притягивает солнце, а знойным летом — дождь, как притягивает абсолютная тишина в непрерывном звоне колоколов. И одинокий звон колокольчика в абсолютную тишину. Но любовь моя была в прошлом. Это для меня облегчало ситуацию и усложняло одновременно. С кем-кем, а с Тасей нужно всегда быть готовым к неожиданностям. Кто-кто, а она была полна неожиданностей. И что-то эти неожиданности частенько сбывались. Да-да, как теперь.

Мои мысли материализовались мгновенно. У меня на глазах Тася, перебегая не по правилам дороги и виртуозно лавируя между бешеными автомобилями, вдруг резко остановилась напротив Сенечки, который, в свою очередь, виртуозно лавировал палочкой. Он от неожиданности подпрыгнул

на месте. От неожиданности на месте подпрыгнул и я. А Тася, приблизив личико прямо к оттопыренному, красному от холода уху Сенечки, стала что-то возбужденно лепетать. Наконец Сеня вытянул руку с палочкой, указывая, куда держать путь. И Тася пошла по пути, указанному регулировщиком.

Я взволнованно шагал по комнате взад-вперед. И мои мысли уже рисовали отчетливую картину «Тася в отделении милиции», где девушка взахлеб рассказывает о пропаже своего дружка. Дело принимало для меня плохой оборот. Я, безусловно, совершил ошибку. Мне нужно было в эти дни позвонить Тасе и сказать, что я ее бросил. Раз и навсегда. И вообще уехал из города, если не из страны или с планеты. А рассчитаюсь с долгами позднее. Впрочем, это еще не поздно сделать. Стоит только дождаться, когда она вернется домой.

Горло по-прежнему болело. И душил кашель. Но у старика в лавке было тепло. И я, напившись горячего липового чая с малиновым вареньем, забрался на диван и, укутавшись шиншилловым пледом, читал исторические детективы, любителем которых оказался антиквар. Как антиквару и положено. Табличка «Закрото» по-прежнему наглухо закрывала мою дверь и мой день для непрошенных гостей и покупателей. А барабанная дробь дождя по подоконнику и заунывный вой ветра звучали как печальный аккомпанемент к моему покою. И я этим покоем от души наслаждался. И от души понимал, насколько мне не хватало его эти годы. Для души.

Вечером у меня вновь поднялась температура, но я нашел силы позвонить Тасе.

— Тась, это я, — сипло проорчал я в трубку.

— Кто — я? — нежно промурлыкала она в ответ.

— Ты что, совсем меня забыла? — хрюкнул я от кашля и досады, что любимая девушка не узнает родной голос.

— А кого я должна была забыть? Забывают тех, кого знали когда-то. Представьте, пожалуйста. — Мурлыканье перешло в раздраженное кудахтанье.

— Ты что, разыгрываешь меня? — не менее раздраженно крикнул я.

После перепалки на скотном дворе мы уже человечески рычали друг на друга.

— Это вы меня разыгрываете! Или представьте, или у вас больше не будет такого шанса!

— О господи! Если это шутка... То глупая, как все твои шутки! Ну хорошо, я сдаюсь, это Гриша. Твой Гриша.

В трубке повисло молчание. Потом трубка испуганно вздохнула, всхлинула, ойкнула и, наконец, разразилась потоком и слез, и слов.

— Зачем, зачем вы разыгрываете меня?! Это что, жестокая шутка? Да? Да я Гришкин голос наизусть

выучила. Мне он теперь ночами снится. А вы... Кто вы... Что-нибудь с ним случилось, да? Я чувствую. Ну ответьте, пожалуйста, я умоляю! Где он? Что с ним? Он попал в беду? Что бы ни было, я все выдержу, только честно-честно скажите...

— Да я тебе честно и говорю! Дурочка! Но до твоей тупой башки не доходит! Это я, Гриша! Меня сейчас в городе нет! Понимаешь, мне срочно нужно было уехать! Так что пока меня не жди, ты слышишь? Не жди!

— Я вас и не жду! — уже истерично закричала трубка. — Я Гришку жду! А вы... вы... я понятия не имею!

Ох, как мне хотелось заорать в ответ. Но простуженный голос не позволял. Но я сделал попытку.

— Да ты выслушай меня, идиотка. — Мой голос сорвался. И в ответ раздались истеричные гудки.

Похоже, я допустил промах. Тася определенно меня не узнала. Я при ней не болел ни разу. И мой простуженный голос она не представляет. Как не так уж хорошо помнит мой обычный голос по телефону, поскольку на моей памяти мы с ней почти не созванивались. Мы вместе уходили на работу и вместе возвращались. А если нам и случалось по воле обстоятельств в одиночку плавать в кишасем городе, то эта передышка была недолгой. К тому же сегодня на линии были ужасные помехи. Видимо, от разбушевавшейся к вечеру погоды. Деревья от сильного ветра клонились наземь и провода на столбах разрывались от боли.

Я со злостью бросил трубку на рычаг, и раздался условный стук в дверь. Я, кряхтя и пыхтя, сгорбившись и скукожившись, ползлелся открывать. Играть в старика мне было несложно. Болезнь на время превратила меня в немощного человека. Как всякая болезнь превращает людей разного возраста в стариков.

Сенечка, мокрый с головы до пят, долго вытирал ботинки на пороге, отряхивал плащ-накидку. Наконец, придвинул кресло к камину и вытянул замерзшие руки и ноги. Пока он грелся, я готовил крепкий чай, желая поскорее вытянуть из него утренний разговор с Тасей.

— Да уж, погодка так погодка. Не угадаешь. Утром такое солнце, аж сердце радуется! И никак не можешь поверить, что вечером такой ужас. — Сенечка отхлебнул горячий чай и закатил глаза от удовольствия. — А вы совсем плохо выглядите, дорогой. Говорил вам, куплю лекарства, новейшие средства, так нет — упрямитесь не по своему положению.

— Ну, старый добрый аспирин у меня еще есть. А все остальное завтра мне моя секретарша купит. Да, кстати, забыл вас поблагодарить за нее. Мне кажется, замечательная девушка. Сразу вид-

но — смышленная и аккуратная. Так что я теперь буду в безопасности. И мое положение улучшится. — Я сразу решил брать быка за рога. Бык не сопротивлялся. И мне подыграл. Похоже, он хотел разузнать про Тасю не меньше моего.

— Да уж, и симпатичная какая. — Сенечка покраснел, от неловкости подавился чаем, громко закашлял.

Я услужливо похлопал по его спине. При этом сделал вид, что нахожусь в полном недоумении.

— Что вы говорите! Симпатичная? Так вы с ней знакомы? Уж не вы ли мне ее подбросили, так сказать, от чистого сердца? Помочь умирающему старику.

— Ну, это вы зря, Аристарх Модестович. Вам еще много годков отпущено, уж мне-то поверьте. А что касается девушки... — Сенечка вновь покраснел и хотел было от неловкости прихлебнуть чаю, но передумал, видимо, опасаясь снова подавиться. — Коли был бы я с нею знаком, уже точно бы ее к вам приставил. От чистого сердца, как вы говорите. Но, увы, даже имени ее не знаю.

— Тогда как же, я не понимаю...

— На улице она ко мне подбежала. Прямо на дороге. Эти сумасшедшие носятся взад-вперед. А она не менее сумасшедшая! Между ними — как между акулами, сюда-туда... Раздавить могли запросто, как букашку. И фарой бы не моргнули, и сигналом не пискнули, и не притормозили бы. Я уже было хотел штраф ей выписать. Но сами знаете, на штраф у нас и времени нет. К тому же как только она сказала, что является вашей новой секретаршей, я тут же и скумекал. Ну какой можно брать штраф у работницы высокоуважаемого Аристарха Модестовича. Это словно я бы взял штраф у вас или у Элеоноры Викентьевны. Нехорошо это. Я у друзей штраф не беру. Хотя... Я и так редко штрафую. Мне, честно вам доложу, пешеходов гораздо жальче, чем этих железных монстров. Вот с них я сдираю по полной программе. И чем железка дороже, тем она больше платит. Я правильно рассуждаю? Вроде налогов. Ведь должны они у них быть поболее, чем у пешеходов. Ан нет, всех уравнили. Неправильно это. Как жить, так одинаково не должны. Не приветствуется одинаковость. А как платить — тут уж все равны. Кто с копеечкой в дырявом кармане, кто с мешком золота за спиной. Вы присоединяетесь к моему мнению, дорогой?

— Еще как, Сенечка, еще как. А что секретарша? Тоже жаловалась на машины?

— Не-а, чего ей жаловаться. Похоже, она не из жалобщиков. Она как Викентьевна. Проще поступает. Сумочкой их по железной спине.

— Фу. — Я помахал журналом. Температура поднималась. Я весь горел. — А я уж думал, что она жалобу хотела в милицию написать.

— Да нет, зачем ей милиция? Она дорогу у меня просто спросила.

Я напрягся.

— Дорогу? И куда, если не секрет?

— Какой тут секрет. Девушка симпатичная, молодая. Как вы говорите — смышленная. Сразу скумекала, что почетная должность, какую вы ей предоставили, требует особого оформления. Вот она и хотела свой вид, так сказать, усовершенствовать. Придать ему другой, соответствующий вашей антикварной лавке окрас. А то, знаете ли, джинсы и кеды — как-то не совсем солидно. Вот и спросила, не знаю ли я, где тут расположен магазин для деловых женщин. А я свой район как пять пальцев знаю. Вот и указал нужное направление.

Я перевел дух и налил еще чаю. Безусловно, я совершил глупость, позвонив Тасе. Она бы не посмела послушаться того, кто ей предоставил работу. Да, я определенно поторопился. Только вспугнул девушку. Впрочем, возможно, она уже одумалась, вспомнила и поняла, что звонил ей именно я. А если нет? Может быть, не брать ее на работу и держаться подальше? Нет, не годится. Я должен за ней следить. За каждым ее шагом. Чтобы она не натворила глупостей. И как можно быстрее отвлечь ее от мыслей обо мне. Чтобы она поскорее вообще забыла о моем жалком существовании. Я внимательно посмотрел на Сенечку. Вот он, этот обаятельный парень с торчащими ушами и курносый носом, мне и поможет. Определенно, он влюбился в Тасю с первого взгляда. А она? Впрочем, его профессия — регулировщик — должна ее сразить наповал. Хотя... Тася любила интеллектуалов. А чем Сенечка не интеллектуал? Говорит он витиевато, вычурно, видимо, подражая речи старика. А как влюбить в себя Тасю — это дело нехитрое, и я ему смогу подсказать.

Утром я встал пораньше, чтобы встретить Тасю во всеоружии. Мне нужно было ненавязчиво заставить ее рассказать о телефонном разговоре с ее дружкой, то есть со мной. Не знаю зачем, но я тщательно причесался, надел новый пиджак Аристарха. Белый, в черную клетку. И даже почистил беретку, к которой стал потихоньку привыкать, как к собственной голове. Не знаю почему, но сегодня меня роль старика раздражала, как никогда. Я с раздражением посмотрел на себя в зеркало. И выпрямил плечи. Спина болела. За эти дни я уже привык сутулиться.

Тася постучалась в дверь лавки вовремя. Я распахнул двери. В комнату медленно и торжественно вошла девушка. Ее волосы были подобраны в какую-то невероятную высокую прическу. Лицо ярко накрашено. Если бы я не ждал Тасю, я бы в жизни не догадался, что это она. Передо мной она так никогда не выглядела. Тася сбросила синий

плащ и предстала передо мной в строгом дорогом костюме. Длинный твидовый пиджак и юбка до колена. Ансамбль завершали высокие лаковые сапоги на высоченных каблуках. Я вздохнул. Похоже, Тася еще не скоро расплатится за холодильник и квартиру. Весь аванс, который я вчера ей щедро выплатил из запасов старика, она с удовольствием оставила в магазине для деловых женщин. Вот чертовка! Мне она гораздо больше нравилась в шапочке с бумбонном, джинсах и кедах. И я решил незамедлительно ей отомстить.

— А где твоя шапочка?

Тася округлила глаза.

— Вы что! Издеваетесь?! Какая еще шапка! Я секретарша, а не какая-нибудь... торговка!

Я подумал, что она разговаривает, как торговка. В полном несоответствии с костюмом деловой женщины.

— Я тебе объяснил, что секретарша — это условное название. Посмотри, что у меня делается. И первым делом ты должна привести в порядок дом. — Я провел пальцем по поверхности буфета. — Видишь, сколько пыли! А на полу! Сколько грязи! Сейчас сезон дождей. И ты должна привыкать к мысли, что мыть пол придется тебе по нескольку раз в день. А в твоём костюмчике и этих сапожках вряд ли удобно заниматься уборкой. Ты хорошо меня поняла?

Моя месть удалась. Тасино хорошенькое личико скривилось. Казалось, она вот-вот расплатится, как ребенок. У которого вот-вот отберут нарядное платьице.

— А сами вон как вырядились. Словно фронт какой-то.

— Я — хозяйин магазина, девушка. А вы — подчиненная. И будете впредь следовать моим указаниям. И повторяюсь — никаких фамильярностей на мой счет.

Тася что-то пробурчала в ответ, гневно сверкнув своими большими глазенками, и, бурча под нос, ушла в соседнюю комнату переодеваться. Это не заняло у нее слишком много времени. Все же она от природы не была леди, и это мне больше всего в ней нравилось. Ей бы и в голову не пришло, что женщине не нужно определенное время (очень долгое время) для смены своего образа. Поэтому через несколько минут она предстала передо мной в тех же джинсах, полосатой рубашке навывпуск и кедах.

— Молодец, — похвалил я ее. — Действуешь быстро, как в армии. Эти качества я ценю больше всего в работниках.

— И в женщинах тоже? — съязвила Тася, наплевав на мой запретный закон о фамильярности. — Или в вашем возрасте уже не делят человека на мужчин и женщин?

— Во-первых, людей, а не человека, — резко поправил я ее, хотя знал по собственному опыту, что это бесполезно. — А во-вторых, я не делил человека и в твоём возрасте. — Я почему-то был уверен, что старик их действительно не делил.

— Вот поэтому вы и один. И поэтому мне даже вас чуть-чуть жаль.

— Жалость я тоже ценю в людях, но только не по отношению к себе.

— Ну, тогда пожалели бы бедную девушку и не заставляли ее драить полы и сдувать пыль с мебели.

— Сдувать не получится. Бери тряпку и хорошенько все вымой.

— А посетителей будете вы принимать? И дверь открывать? И кланяться перед ними, а кто купить чего хочет — тому чай подносить, а кто не хочет — сделать так, чтобы захотел. Сомневаюсь, чтобы вы справились.

Я задумался. Если честно, я сомневался тоже. И вообще не желал видеть посетителей и тем более вести с ними беседу. Я подумывал, не проще бы вообще смыться с капиталом антиквара. Но это было невозможно. Наверняка бы меня объявили в розыск... А если бы еще нашли труп старика... Хотя это маловероятно, он покоился в надежном сыром склепе.

— Конечно, не справлюсь, — я признал свое поражение. — Для этого тебя и пригласил. И даже обозначил твою должность. Не домработница, а секретарша.

— А на деле?

— А на деле по утрам и вечерам ты будешь уборщицей, а днем, при приеме посетителей, моей помощницей. Все очень просто. И очень по-честному.

— Проще и не бывает. — Тася гневно стрельнула в меня своими большими глазками. — Только не очень по-честному получается. Две должности и одна зарплата.

— А не хочешь — ни одной должности и ни одной зарплат.

— Не хочу. — Она схватилась за швабру и с каким-то яростным отчаянием стала протирать пол. В ее руках все... нет, слава богу, не горело. Но летело в разные стороны, переворачивались с грохотом стулья, скрипели столы, раскачивались, как на ветру, занавески. В общем, ураган молниеносно пробежал по антикварной лавке и резко затихнул непосредственно перед прилавком, где и происходила продажа ценных предметов. Где в шкафу и на витрине лежал антиквариат. Затихнул на минуту, чтобы, как я подозревал, с удвоенной, а то и с утроенной силой наброситься на него. В минуту затишья я вовремя сориентировался, встал стеной перед Тасей. И поднял руки вверх.

— Все, все, все. Эта территория неприкосновенна, она находится под моей эгидой. И следить за ее чистотой буду я сам.

Тася пожала плечами и поправила косынку на затылке.

— Как хотите. Хотя зря мне не доверяете. Ничего я не переколючу. Можете сами убедиться. Все в ценности и сохранности.

В этом я и убедился. И хотя ураган был действительно разрушающий по своим звукам, никакого разрушения не произошло. И стулья, и столы, и диваны, и занавески — все были целы и невредимы. Более того, Тася прибрала идеально. Комнаты и кухня, без преувеличения, сияли чистотой. Мне даже стало обидно. Я вспомнил, как мы жили. В бардаке, хаосе, честнее сказать — в свинарнике. Впрочем, обижаться, наверное, я не имел права. Я ей зарплату за домашнюю уборку не выплачивал. А зарабатывала она наравне со мной. И столько, что теперь при воспоминании об этих деньгах у меня пробегал легкий озноб по телу. Я хотел побыстрее забыть свое прошлое. Свое прошлое, похоже, побыстрее хотела забыть и Тася, судя по тому, в какую цену ей обошелся костюм. Но я сомневался, хотела ли она забыть меня. И тут же получил ответ на эти сомнения. Она меня забывать не собиралась.

— Видите, как все чисто. — Тася гордо встряхнула головой. И ее косынка упала на пол.

— Чисто, Тася, чисто. Сдаюсь. И каюсь, что в тебе сомневался.

— А вот когда мы жили с Гришкой, — Тася громко всхлипнула, — я никогда так не убирала. И теперь, знаете, как меня мучит совесть. Где он теперь? Хотя... Он тоже порядочной свиньей был. Я не меньше его пахала, а дома он палец об палец не ударил, чтобы мне помочь, вы понимаете?

— Понимаю, — кивнул я и тут же решил на осторожный вопрос, который мне не терпелось задать еще с утра. — Тася... А что твой парень... ну, этот... Гриша, да? Он не появлялся?

Тася всхлипнула еще громче и тут же в подробностях, даже передразнивая и свои, и мои интонации, пересказала наш вчерашний телефонный разговор.

— Ну вот видишь! — Я старался не смотреть на девушку. — Это он и звонил, я уверен. А ты, глупенькая, не поверила.

— Да я скорее поверю, что это звонили вы! — выпалила Тася. — Это вы сипите, как и положено старикам. Особенно простуженным. А Гришка никогда не сипел!

— Что за ерунду ты несешь! — не выдержав, вспылал я. — Как будто твой Гришка не мог простыть!

— Да он в жизни не простывал! Он здоровый, как конь! Просто любил отлынивать от работы! И часто

притворялся больным. Философ он, видите ли! А я кто ему? Ну вот скажите, кто? Простая продавщица? Да если хотите знать, у меня первый парень был бухгалтером! Я не раз это Гришке в лицо бросала, чтобы он утерся! Так прямо в лицо и заявляла: а мой парень был бухгалтером! Он наверняка втайне завидовал. Вот скажите, ну что такое философия? Никто ответить не может. Эта философия не в состоянии даже подсчитать нашу жизнь. И цену ей дать. Все словечки одни. Неподсчитанные. А бухгалтерия все может! Оценить и нас, и все, что вокруг нас, и высчитать и слова наши, и наши мечты, и даже будущее. И смысл жизни в цифрах указать! Все может! Вот Гришка и бесился, что мой парень был выше его по рангу! И умнее наверняка.

— Чего же он, такой умный, спился? Если сам смысл жизни мог высчитать?

— А вы откуда знаете? А, ну да, я говорила. Вот от того и спился. Как высчитал и понял, что его жизнь, как и многих, на копейку потянет, так сразу и спился. И другие тоже спились бы, да считать не умеют. А вы говорите — философия!

— Да уж. — Я вытер пот со лба. Как ни странно, но при всей Тасиной простоте я часто соглашался с ней. Как и теперь. Впрочем, все чаще я стал доверять людям попроще. — Да... Но все же, Тася, послушай меня, старика. Я много пожил и понимаю психологию людей. Поверь мне на слово. Ушел твой парень, как ни больно тебе в этом признаться, но он ушел от тебя. Уехал. Возможно, он одумается и вернется. Возможно, он одумается скорее, чем ты думаешь. Просто ему тоже время нужно подумать. Ты меня понимаешь? Он звонил, он. И поступил, смею утверждать, порядочно. Все же сказал тебе. Просто ты не дала ему высказаться и объясниться до конца.

— Может, вы и старый и много годов прожили, но ничегошеньки в наших с Гришкой отношениях не кумекаете. К тому же кому? Кому, как не мне, знать его голос? А? А ваша психология... это как философия — пустой звук в этой комнате, захламленной вещами. Какая может быть психология, если всю жизнь прожили среди неодушевленных предметов? А для психологии нужна душа.

— Может, у этих предметов тоже душа есть, откуда нам знать.

— Может, и есть. А у некоторых людей нет. Но я говорю о живой душе. Поэтому... Нет, я уверена, не Гришка это звонил. На все сто — не Гришка. У Гришки тоже душа есть. Уж я это знаю.

Я знал, что если что-то Тасе втемяшится в голову — никакие слова не помогут. И даже порка. Бог с ним, убеждения по поводу, кто звонил, придется приберечь до лучших времен. Теперь главное — не допустить ее с заявлением в милицию.

— Ну ладно, Тася, — вздохнул я, — тебе, может, и лучше знать, хоть я уверен в обратном. Только... В таком случае, что ты решила делать?

— В таком случае — не мне решать. Это решать милиции.

Я чуть не подпрыгнул на месте. И чтобы не наговорить глупостей в ответ, закурил дрожащими руками сигарету и, приоткрыв форточку и повернувшись к Тасе спиной, глухо выдавил:

— Ты опять о милиции...

— Опять? — Тасин голос сорвался на последней ноте. — При чем тут опять?! Вчера одно было, а сегодня — совсем другое! Звонил-то кто-то неизвестный! А, спрашивается, зачем звонил? Головоломка? Напугать меня хотел? А может, за Гришку выкуп хотел потребовать? Вот пусть милиция и решает.

— Так ты уже там была?

— Не успела. Звонил он поздно. А я рано к вам побежала. Но ничего — еще успеется.

— Я что-то не понимаю тебя, Тася. — Я открыто нервничал и, резко развернувшись, дышал ей сигаретным дымом прямо в лицо. Она закашлялась. И мне показалось, что на минуту я обезвредил противника газовым баллончиком. — Не понимаю я тебя, девушка! Этот Гришка... Ну, кто он такой? Кто? Ты сама говорила. Жалкий неудачник! Никчемный философ с претензией на философию. Никчемный муж, да и не муж вовсе, потому что жениться и под угрозой смерти не захотел! И никчемный любовник, потому что и любить-то по-настоящему не умеет. Все одна философия! Кто он, ну скажи, кто?

Тася смотрела на меня с ужасом, открыв рот.

— Человеку уже за, за и еще раз за тридцать! Ни профессии, ни семьи, ни квартиры! Даже за холодильник расплатиться нечем! А уж свиньей какой был! Ты сама говорила! Тарелки за собой не помоешь! Зато притворяться умел! Что сделать попросишь — он, видите ли, болеет. Здоровый кабан! Его никакая болезнь не возьмет! А если чуть и подкрадется — так он ее алкогелем вмиг вышибет! — Я разгорячился не на шутку. Мне казалось, что говорю не о себе, о ком-то постороннем. Которого искренне уже ненавижу. — А куда он с тобой выходил? Куда приглашал? Ага, молчишь! Я не говорю о ресторанах, бог с ними. Это не по карману не только Гришке. А любому, сохраняющему здравый смысл. И хотя бы из гордости не желающему покоряться миру абсурдных цен. Но хоть в парк он хоть раз вышел с тобой прогуляться? Опять молчишь. И правильно делаешь. Это достойно минуты молчания. Как и то, что он ничего тебе не дарил. А ты, между прочим, его девушка. А девушкам положено делать подарки. А он даже сапоги тебе приличные не купил! Уже такая холодина — а ты в летних кроссовках.

Тася сделала протестующий жест. Но я тут же его перебил.

— А-а-а, понятно! На каждый Новый год в подарок флакончик туалетной воды! Самой дешевой, со скидкой, со своего супермаркета! А на 8 Марта — букетик мимоз? И в бесплатное приложение — уборка квартиры? Раз в год!

— На это 8 Марта он мне подарил еще коробку конфет, — робко пролепетала Тася, с таким же ужасом глядя в мое раскрасневшееся, разгорячившееся лицо.

— Коробку конфет? — Я почесал затылок. Про коробку я забыл начисто. — Ну да, коробку! Так ее бесплатно раздавали сотрудникам, потому что просроченная! Но это не помешало твоему Гришке ее слопать за милую душу. Ты съела две конфетки.

— Одну. Я на диете.

— Нет, две! — решил я все-таки уточнить, потому что вспомнил — именно две тогда съела Тася. Так зачем прибежаться? — А ты всегда на диете! А твой Гришка наверняка нет! Он еще к тому же уплетал в три раза больше тебя! И за милую душу! Несмотря на общий бюджет!

Тася, словно утратив все силы и аргументы, опустила в кресло.

— Неужели он такой подлец? — Она с жалостью посмотрела на меня, словно просила, чтобы я поставил хоть один балл в его пользу. Но я был неумолим. Я уже искренне возненавидел этого парня.

— Да, Тасенька, образ более чем непривлекательный!

— Но ведь что-то, хоть что-то в нем хорошее было? Иначе я бы с ним не жила? Да?

Я развел руками. И важно прошелся взад-вперед по комнате.

— Какая ты еще молоденькая, Тася. Живут и не с такими. Живут даже с преступниками. Вообще, девушки закрывают глаза на многое. И слишком многое прощают. Чего не скажешь о парнях. Вот ты с ним и жила. Потому что рядом никого не было. А вот он... Он бы ни один промах твой не простил. Более того — искал любой повод, чтобы смыться. А поскольку промахов и поводов у тебя не было, он ушел, так ничего и не объяснив. Украдкой. Среди бела дня. Как вор. Как последний трус. А ты еще хочешь заявлять в милицию о его пропаже. Поставить себя в наиглупейшее положение! Это то же самое, что повесить объявление на каждом углу: от меня сбежал муж, верните мне его, пожалуйста! Представляешь, сколько это вызовет смеха.

Тасины плечи затряслись. Но не от смеха. А от слез. И мне стало ее искренне жаль. Эх, попадись мне этот Гришка, намылит бы я ему шею! Этому трусу и проходимцу!

— Ну ладно, ладно, девочка. — Я слегка надавил ладонью на Тасино плечо. — Не плачь, только не плачь. Этот парень не стоит твоих слез. Знаешь, сколько парней на свете! Ты только подумай! Твой бухгалтер бы вмиг подсчитал! И ты бы поняла, как глупо плакать по одному, когда их миллионы. То же самое, что жалеть одну раздавленную вишенку в вишневом саду. Одно было преимущество у твоего дружка, что он был философом. Заметь, был, но не стал.

— А вот вы стали! — Тася подняла на меня зареванное личико. — Так все подметить! Вы действительно

психолог. Жить с вещами и все-все-все угадывать про людей.

— За каждой вещью — отдельная биография, Тасенька, — поучительно заметил я. — А вещи здесь необыкновенные. Принадлежавшие необыкновенным людям, понимаешь. Значит и биографии необыкновенные, в некотором роде утрированные. А если я все знаю про уникальных людей, то что мне биография какого-то парня с улицы? Это даже не ребус. Это какая-то детская считалочка.

— Ну, раз вы все-все можете угадать. Тогда... Тогда скажите, зачем был этот звонок? Если это не Гришка...

— Ну вот... У попа была собака... Хорошо, если это не Гришка, тогда ответ еще более прост. Учитывая, что твой Гришка и трус, и негодяй, он вполне мог от страха попросить позвонить какого-нибудь друга. Простуженного друга. Или старичка-соседа, понимаешь? Чтобы самому не объясняться. И чтобы ты его никогда не разыскивала и навсегда отцепилась, понимаешь? Грубо, но правдоподобно и достоверно.

Тася открыла рот, чтобы вновь зареветь, но я вовремя зажал его ладонью.

— И плакать не надо. Будем думать о вишневом саде. А не об одной раздавленной вишенке. И навсегда забудем про милицию.

Тася передумала реветь. Благодарно кивнула мне. И даже улыбнулась. Я всегда подозревал, что Тася не из тех девушек, кто печали принимает близко к сердцу. И тем более — надолго. Тася слишком любила жизнь, чтобы долго печалиться в ней. И вишневый сад ей уже казался гораздо реальнее какого-то вчерашнего парня. Что ж. Дело пропавшего Гришки пора закрывать. И я это дельце провернул на славу. Как настоящий делец. Коим и был, и должен был быть антиквар. По всей логике, мои дела теперь должны пойти в гору.

Мои дела пошли в гору. Вместе со мной в гору уверенно и весело шла Тася. Я не знаю, какой помощницей была Элеонора Викентьевна, насколько она была приветливой с покупателями и насколько способствовала процветанию, а не загниванию антиквариата. Хотя в отсутствии интеллектуализма ее точно нельзя было упрекнуть. Но Тася, как ни странно, оказалась способной к торговле на все сто. Хотя упрекнуть ее в интеллектуальности тоже было невозможно. По сути своей этот магазинчик требовал именно эрудированных работников. Поскольку старинные вещи не терпят невежд. Нужно знать и кому эта вещь принадлежит, и сколько она стоила когда-то, и сколько может стоять сегодня. И главное — сколько в истории стоил ее хозяин. Сколько стоит теперь. И угадать... даже не угадать, а интуитивно высчитать, сколько будет стоять завтра. И я, поскольку невеждой никогда не был, в суть дела вошел быстро. Но поначалу очень опасался, насколько Тася сможет принять правила торговли антиквариатом. И правила игры в эту торговлю. Опасения мои оказались напрасными. Как ни парадоксально, именно отсутствие эрудиции и глубокого интеллекта помогло Тасе в освоении дела. Она, что ли, была не зашорена ни цифрами, ни датами, ни именами, ни самой историей. К которой была равнодушна. Тасю интересовало исключительно настоящее. И с этим настоящим она ловко справлялась. И это настоящее в ней подкупало покупателей, которые приходили в нашу лавку исключительно купить про-

шрое. И это настоящее помогало дать настоящую цену будущему.

Конечно, старик был профи в своем деле. Но я подозревал, что его мудрость, его философия, его нахмуренные седые брови и непревзойденное умение жонглировать фактами и событиями прошлых веков только отпугивали клиентов. Равно как и отпугивала древность Элеоноры Викентьевны, способной лишь на красочный монолог, окрашенный допотопными иероглифами (или гиероглифами). Что, по сути, одно и то же. И что, по ее мнению, должно способствовать выгодной сделке.

Безусловно, у них были выгодные сделки. Иначе бы Аристарх не сколотил такое состояние. Но эти сделки были редки. А значит, чаще всего случайны. Мы с Тасей построили свою торговлю на ином принципе. На некотором снижении цен, а значит, на повышении частоты сделок. Эти сделки уже были не случайны, как и не были случайными покупатели, которые постепенно становились потенциальными постоянными клиентами. А это неминуемо вело к регулярной прибыли.

Без сомнений, подобный метод работы старика с покупателями мне был на руку. У него не было постоянных. Это означало, что опасность моего разоблачения сводилась к минимуму. Более того, как оказалось, чаще всего у него приобретали антиквариат приезжие. Я, конечно, понимал старика. Он высоко ценил свои вещи. Они были для него не просто вещами. Они были для него всей жизнью. Его друзьями, его семьей, его домом, его родиной. Несмотря на то, что биография у каждой вещи была чужая, постепенно она становилась и биографией старика. Кроме вещей, у него, по сути, ничего и никого не было. И если он изредка расставался с ними, то расставался по баснословной цене. И снижать ее не собирался. И не торговался ни с кем. Он продавал свою родину, семью, свою биографию очень дорого. За такую цену, когда уже отказать было невозможно. И он эту цену знал. И по продаже частицы себя, словно в искупление, тут же приобретал другие антикварные вещи. Умело приобретал, недорого. Чтобы, ужившись, сроднившись с ними, искренне полюбив их, позднее поднять им цену. Можно было про него сказать проще — спекулянт. А можно — романтик. Это — как и кто понимает. Ведь все имеет цену. Даже то, что бесценно. И то, что ничего не стоит вообще. Я мало знал старика. Всего несколько часов. И все же... К тому же, по его подробным дневникам, где он скрупулезно и выразительно описывал каждую вещь, словно рисовал с натуры, я понял — он являлся и спекулянтом, и романтиком в одном лице. Он был равнодушен, порой жесток к людям, как прирожденный ростовщик. Которого

убить не жалко. Подобных ему не раз безжалостно убивали классики в своих романах. В то же время он был искренне равнодушен к вещам, нежен к ним и сентиментален. Как возвышенная натура, подвигнутая ими на философию и поэзию. И классики, убив подобных ему, потом часто оплакивали их в своих романах. Я не был классиком и не писал романы. Я просто убил старика по-настоящему. Как спекулянта. И потом не раз плакал о нем. Как об одиноком и по-своему трогательном человеке.

Тася же, в отличие от меня и старика, не имела дурной привычки вдаваться в глубинную суть вещей. Вещи для нее были всего лишь вещами. Ни больше и ни меньше. И вряд ли она находила различия между музыкальной шкатулкой, которую можно купить за сотню в китайских сувенирах, и шкатулкой деспотши Салтычихи, убившей ею своего ямщика.

Тася недоуменно вертела шкатулку в руках и старательно морщила узкий лобик. Помню, это был день, когда мы провернули первую сделку.

— Да, да, Тасенька, это именно та шкатулка, представляешь, невероятно! — Я возбужденно ходил взад-вперед по комнате, размахивая руками. Для меня словно открывался учебник истории, иллюстрированный памятными раритетами. — Это просто невероятно. Ты только подумай! Только себе вообрази! Ты держишь в руках настоящий осколок истории! Сколько-то, господи, лет прошло! И все эти годы словно укрылись в этой шкатулке! Сколько рук прикасалось к ней! Здесь укрылись человеческие страсти, пороки, трагедии, неоправданная жестокость... И... И, возможно, любовь. Нам знать не дано.

Тася еще старательней морщила узенький лобик. И открывала шкатулку. И совала в нее свой остренький носик.

— Почему, все нам прекрасно дано знать. Никаких трагедий и страстей я здесь не вижу. Даже никаких украшений. Вот так история! Пусто!

— Это у тебя в голове пусто! — Я раздраженно стучал по лбу Таси кулаком. — Никакого воображения! Просто с ума сойти!

— А что, ну что тут я могу вообразить! — Тася горячилась не меньше моего, да еще с таким видом, словно тоже поражалась моей беспросветной тупости. — Шкатулка как шкатулка! К тому же совсем старая. Конечно, она еще ничего, крепкая. Даже краска почти не облезла. И обита добротной тканью. И вышивка довольно искусная. Может, вас вышивка так поразила? Но могу вам сказать, моя бабушка лучше вышивала. Сюжетней. А тут куры да утки. Деревня какая-то. А моя бабушка в эту деревню наверняка бы еще каких влюбленных поставила в центре. Пусть себе целуются. Уже хоть какая мысль вырисовывает-

ся. К примеру, тоска на душе, друг бросил, ушел и не вернулся. А смотришь на шкатулку, а там влюбленные целуются. Уже радость. Вдруг скоро и у меня так будет? Вдруг явится принц и подарит сережки, которые можно положить сюда. Так нет! Одни куры да утки!

— О боже! — Я схватился за голову. — Ты все о своем. И при чем тут твоя бабушка! Она что, артистка была, или офицерша, или из знатного рода происходила?!

— Нет! Но, хочу заметить, и убийцей она не была. А насколько я знаю, этой шкатулкой прибили кого-то! И я должна при этом разевать рот от счастья и махать крыльями! Что какая-то придурковатая старуха убила бедного парня! И при чем тут исторические страсти! Вы что-то путаете! Это даже не шкатулка, а орудие преступления. Может, ей бы нашлось местечко в музее милиции. Это ведь не история, это просто жестокость! И эту жестокость не нужно возводить до небес! И петь ей дифирамбы! Ее нужно либо клеймить, либо забыть! А можно вообще сжечь!

Тася решительно направилась к камину. В своих руках она торжественно несла шкатулку Салтычихи. В камине, как назло, полыхал огонь. Раскаленные языки пламени, словно в пасти дракона, готовы были все поглотить.

— Эге-гей! — закричал я. И, в секунду очутившись возле девушки, выхватил из ее рук редкий предмет. — Тоже мне, вершитель истории!

— Вы что, Аристарх Модестович! — Тася pokrutila пальцем у виска. — Я же не чокнутая, как ваша Салтычиха. Я человек рассудительный, как вы заметили. И если что можно продать, с выгодой к тому же, в огонь в жизнь не полетит. А вы, наверное, забыли, что шкатулка стояла на камине?

Я вздохнул и поставил шкатулку на место.

— Вот так. И смотреть на нее нужно как на товар.

— Товар, Тася, продается в соседнем супермаркете, где ты работала. Можно положить товар в пакет, выбить чек и отправить покупателя восвояси. Можно, Тася, даже продать просроченный товар. Частенько подобное выгорает. Здесь, девушка, просроченных товаров не бывает. Напротив, чем дольше их срок, тем выше цена. И в пакет их просто так не уложишь. К нашим вещам требуется особое уважение, почтение и осторожность. Поскольку если что разобьешь, то не только разобьешь дорогую вещь, разобьешь то, что уже никогда, представляешь, никогда в жизни не восстановить. И, если хочешь, разобьешь мое сердце. — Мне уже казалось, что это не я говорю. Я только открываю рот. А меня озвучивает настоящий антиквар. Из своей могилы. Мне стало не по себе. И я зябко повел плечами. И протянул руки к огню. Мне нужно

было почувствовать боль. Чтобы знать, что я еще существую. И я еще живой.

— И еще, уясни себе, девушка. Здесь ценится не внешняя оболочка, не картинка и даже не качество. Каждая вещь ценна своей историей, как ты говоришь, сюжетом. Ну, хорошо, ты не понимаешь про страсти, трагедии и любовь. Это все абстрактно. Это нужно представлять. Но... Но, к примеру... К примеру... Ты представляешь, что на этой шкатулке, возможно, еще есть улики. Улики преступления.

— Как так? — Тася всплеснула руками. — Через столько-то лет!

— Вот именно! И этим можно поразить покупателя! Сразить его наповал! Обезоружить!

— А потом, обезоруженного, облапошить, — хихикнула Тася в ладошку.

Замечание было колким и, в общем-то, довольно уместным. Но я не обратил на него внимания. Я становился профессиональным торговцем.

— Представляешь, Тасенька! В те годы, столько веков назад, улики можно было и не найти. И не доказать причастность к убийству того или иного лица. А сегодня! И отпечатки пальцев, и генетический код, и даже пылинки, и даже кровь! Через столько времени! Все можно определить! И все сохранилось! Бог с ними, страстями и трагедиями. Люди! Здесь можно физически почувствовать прикосновение людей, которые умерли сотни лет назад! И кровь жертвы, и кончики пальцев убийцы! Они здесь!

Тася содрогнулась. И в ужасе посмотрела на меня.

— И вы такое хотите продать! Продать убийство! И убийцу, и жертву! Да кто такой страх купит!

— Люди разные бывают, иногда они очень хотят купить смех, иногда страх, — машинально ответил я.

— В таком случае пусть лучше валят в ларек с компакт-дисками. И покупают комедии и трагедии себе на здоровье. Это как-то нормальнее, чем кровь жертвы и пылинки от волос, — буркнула себе под нос Тася.

Я задумался. Кровь жертвы, пылинки от волос, отпечатки пальцев. Что-то я забыл, что-то упустил. Что? Когда? И что мне это напоминает? И о чем это напоминание предупреждает?

Мои глубокие воспоминания перебил звон колокольчика. Что означало — пришли посетители. Может быть, они захотят купить страх? Он сегодня в цене.

Тася со знанием дела вмиг очутилась у двери. Поправила юбку и пиджак. Она нисколько не волновалась, в отличие от меня. И на ее миловидном румяном личике заиграла приветливая улыбка. Она уверенно встряхнула пышной белокурой головой. И прорепетировала:

— Проходите, пожалуйста. В мир исторических вещей. Нет, в мир вещей с историей. О, нет, в историю для вещей. Тьфу, так можно запутаться. В общем, безмерно рады вас видеть в антикварном супермаркете.

Я угрожающе постучал ладонью по столу.

— Ну, супермаркет — это слишком, вы правы, — вздохнула Тася, видимо, вспомнив торговый муравейник, где мы с ней вместе работали. Похоже, она по нему сучала.

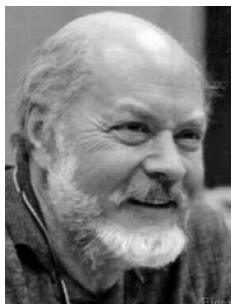
— Ну ладно, ваша взяла. В антикварный бутик. — Тася почесала за ухом, видимо, тоскуя, что в бутике ей торговать не пришлось.

Еще раз угрожающе постучать по столу я не успел.

Продолжение следует.

Лев АННИНСКИЙ

ТАРЕЛКА С МАКАРОНАМИ

«Цилиндр» — шедевр знаменитого итальянца Эдуардо де Филиппо — за полвека существования столько раз прокатился по сценам мира (последние постановки — в Тольятти, в Рязани, в Ташкенте; в последнем случае билеты продавались только зрителям старше шестнадцати лет), что можно не пересказывать сюжета... хотя его рискованность так и просится на язык.

Предприимчивая особа промышляет сексом; деньги берет вперед; муж ее прячется в соседней комнате, изображая покойника; клиент, увидев труп, в страхе убегает; выручка остается за бюстгальтером предприимчивой особы.

То ли черный юмор, то ли белый... то ли пестрый.

Спектакль, поставленный в «Сфере» Александром Коршуновым, — зрелище пестрое. Веселое, легкое, захватывающее. Взлетает в фарс под пленительные неаполитанские мелодии, западает во мрак бытовых расчетов. Искрится актерской иронией. Провоцирует простодушного зрителя...

И поскольку происходит действие, как и полагается, не только на сцене, но и в зрительном зале, — зал рвется от эмоций. Будет ли постельная сцена? Сто тысяч лир за сеанс секса — много или мало? Правда ли, что достать денег на ежедневную тарелку с макаронами в Италии — проблема?

А в соседней Греции — не проблема? — мучаюсь я аналогиями. — А в Северной Африке, где молодые поколения переворачивают все, требуя полных тарелок, а их все не хватает?

Молчи, дурак! — останавливаю я себя. — Скажи спасибо, что в родном отечестве проблема с ежедневными макаронами наконец решена. И потому можно наслаждаться тем, как в блестящей «Сфере» черный юмор превращается в белый. Как поворачивает в этом зрелище праздник. И как маячит тарелка с макаронами — уже как опознавательный объект любви и счастья. Даже если в соседней комнате лежит труп. Слава богу, мнимый.

Андрия РАДУЛОВИЧ (Черногория)

Андрия Радулович родился в 1970 году в Подгорице, где окончил и восьмилетнюю, и среднюю школу. Историю изучал в университете Черногории, а учительский факультет окончил в университете г. Нови-Сад.

Стихи Андрии Радуловича переводились на русский, английский, болгарский, итальянский, румынский, испанский, греческий, венгерский, арабский, датский, словенский, македонский, польский, шведский, украинский и французский языки.

А. Радулович — учредитель литературного общества «Негош», член редколлегии журнала переводной литературы «Сквер», редактор журнала «Литературные записки» — рупора Объединения писателей Черногории.

Андрия Радулович живет в Подгорице и на берегу реки Зеты в городке Спуж. Помимо стихов пишет эссе, тексты культурологической тематики, переводит поэтов России. Активно сотрудничает более чем с шестидесятью журналами и газетами во всем мире.

Поэт уже более десяти лет работает над сближением двух братских народов и расширением и укреплением культурных связей Черногории и России.

ОТРАЖЕНИЕ В СТИХАХ

Описать в стихах — значит либо предать забвению, либо навсегда оживить, разумеется, при условии, что этим волшебством занимается истинный поэт, следовательно, тот, который делает все возможное для того, чтобы поэзия не потеряла свой особый аристократический корень и флер. Так, я верю, что и мои стихи представляют собой свидетельство уединенности, прекрасного или проклинающего, но обязательно в блеске слова. Иначе, поэзия — это отражение в слезах! Такова поэзия Есенина, Ахматовой, Мандельштама, Цветаевой, именно отражение в слезах!

Здесь идет речь о подлинных поэтах! Я не говорю о тех, которые мечтают стать поэтами и которые «проповедуют» во имя идеологий и пишут «чужие» стихотворения, ссылаясь на библиотеку, как на Бога, не имея своего отпечатка души на бумаге, а мы хорошо знаем, что каждая душа оригинальна, своеобразна и неуничтожима.

Частенько мне приходит в голову образ Пастернака: «Жизнь прожить — не поле перейти». И в са-

мом деле, поэт должен отражать свое время, жить своей поэзией.

Юрий Кузнецов мне как-то сказал, что великий поэт помимо прочего должен быть пророком, и поэтому сам Кузнецов перевел «Горный венок» нашего величайшего поэта Петра II Петровича Негоша (1813–1851), истинно любящего Россию, рукоположенного во владыки в Александро-Невской лавре в Петрограде в присутствии русского царя.

Я все-таки не такой. Я хочу стихом что-нибудь уладить, освободить, предупредить, опровергнуть, осветить, затронуть, вызвать, примирить, расслабить, шепнуть какое-нибудь волшебное слово, затеять игру и установить свои правила. Мои стихи носят отпечаток времени, но они и фантастические, воображаемые изображения, иногда таящие в себе музыку и поддерживающие связь с исконным началом, Святым письмом...

Критика считает, что мои стихотворения передают вечный огонь европейского духа, освещают даже

и в темных контурах извечные картины неуничтожаемой действительности, придавая им новую жизнь в новых условиях... Но мои стихи и страдание, и надежда, и что-нибудь связанное с наследственностью, иногда они мне снились...

Время от времени пишу стихи с юмором... А все это делается потому, что мне трудно расстлать плотно, налаживать камеру, месить глину, брать в руки долото, писать ноты, учиться играть на скрипке, слушать Моцарта, смотреть Феллини...

В одном стихотворении имеется всего понемножку. В поэзии невидимое дышит, ходит, говорит, носит мой оттиск в страшном круге, ограниченном голубым светом.

Может быть, для меня самое важное при встрече с поэтами за огромным голубым столом («когда стихи покинут навсегда кровь») в лихорадке ответить своей поэзией, а поэзия — это самая глубокая истина...

Андрия Радулович

Когда не может Паваротти

Нам никогда
не удастся быть семьей

Мы эмоциональные
а это не пройдет

И кого еще волнует
это

Не читаю больше я Гельдерлина
А моя дорогая трубит о Шимборской
Пикассо

Отец старая история
опять о Суворове
Жукове
русской тройке
Москвиче
Курске и Берлине

Брат занят работой с беженцами
что-то бубнит
о новом фильме Кустурицы

Мать наконец
о картофельном жуке и картофеле

А я жду
чтобы что-то прорвало эту ночь
хотя бы падение кометы
когда не может Паваротти

СОБАКА

Была у нас черная собака

Была она нам
самой родной

А потом сосед
пришел с теорией
что собаки и дети
не могут жить вместе

Привязали ей камень на шею
бросили ее в реку

Долго не ели рыбу
мы с братом

ДЕТСТВО

Какая-то невидимая сила
поедает меня понемногу

И я больше не я

Странная эта чаша
эта корона обглоданная

А я прекрасно знаю
всегда знал
что поэзия самая главная
на свете

Как детство

КУЗНЕЦ

В фундаменте города
хранит он огонь
и букву кует
за буквой

Стихотворение которое он тклет
это горлица на крыше
и снежинка на ладони

Звезды

Больше их в Поэзии
чем на небе

Одна из них покраснела
и спустилась на лоб

Тогда у нас убили царя

Часы

Старые часы давно не бьют
как и сердце того
кто их попер
через Атлантический океан

Он и не мечтал
что однажды
эти часы
напечатают книгу

И словно какие-то чудесные песочные часы
навсегда перельют время в буквы

Зонтик

Это не зонтик с которого
поэт потопленных душ
снял перстень и помолвился со своей дорогой
тот лазурный с грустной улыбкой на нитке
под которым Маяковский
соблазнял на Красной площади
И это не зонтик из тысячи и одной ночи
из великого русского цирка
никак не из фильмов голливудских
а меньше всего зонтик
английской королевы и принца Уэльского

Речь не о зонтике
под которым стирали города
звучали важные беседы тосты и отпевания
выносили приговоры вступали в браки
благословляли массы на площади Св. Петра
сеяли пепел индийских мудрецов
выгуливали собак китайского царя
или закладывали основы

для дома всех народов
Из всех прославленных
это обычный родственник дальний
на свалке из которого
некие новые люди
делают клетку
для птицы
которая нам будет петь
по важным датам

ДРЕВНИЕ ГРЕКИ СЕГОДНЯ

Что бы было сейчас
со всей этой философией и поэзией
Гомер слепой и Сократ устный
Что бы делали трагики без своих агоров
Если бы не было фильмов об Александре Македонском
никто бы не знал об Аристотеле

Леонида сейчас
компьютерный герой которого любой подросток
использует за свою монетку
в любом месте и в любое время

Как бы презирал этот мир
Гераклит
который еще недавно отправился на Берег
строить с детьми башни из песка

Только марафонцы
метатели копья и диска
как-нибудь бы выжили сегодня

А волны
конечно делают свое дело

Перевод М. Кишова, Ю. Ненезич-Кишова

P. S.

ПОЭТ С ОТТОЧЕННОЙ КУЛЬТУРОЙ СТИХА

По-настоящему яркого и остросовременного поэта Андрию Радуловича из Черногории я знаю больше десяти лет, а по сотрудничеству в сфере культуры и по творчеству еще дольше и намного больше. Андрия Радулович несколько раз бывал в Москве, Петербурге и Твери, участвовал в различных культурных мероприятиях по приглашению Союза писателей России в рамках проведения Дней Негоша, в фестивале «Поющие письма» в Твери. Недавно в Москве и Твери мы провели презентацию черногорского литературного журнала «Сквер», вышедшего на русском языке и представляющего собой актуальное литературное направление в Черногории.

Стихи А. Радуловича я читал в журналах «Русский писатель», «Вестник Санкт-Петербургского университета» и в других, а также читал и на сербском языке в оригинале до того, как мы впервые издали его в билингвальной поэтической антологии «Из века в век» в 2003 году как одного из лучших представителей молодого поколения поэтов. Сразу

ясно, что речь идет о славянском поэте с отточенной культурой стиха, по-современному понимающем многие вопросы, уходящие вглубь времен. Стихи А. Радуловича одновременно глубинные и простые, живописные и элегантные, наполненные черным юмором и пронизанные особой поэтической фантазией и воображением. Поэзия А. Радуловича изобилует мифической и мифологической памятью и является лирическим синтезом между поэтическими и культурными формами и направлениями.

Следует подчеркнуть, что наш друг Андрия Радулович не просто необыкновенный поэт, но и переводчик русской поэзии и настоящий ценитель русской культуры. А. Радулович переводил Николая Рубцова, Юрия Кузнецова, Станислава Куняева, Валентина Сорокина, Вячеслава Куприянова и многих других русских поэтов, публиковал свои переводы в различных изданиях, максимально приблизив их к черногорским и сербским читателям.

*Сергей Гловюк, поэт, переводчик,
издатель и составитель многотомной «Антологии славянской поэзии»,
генеральный директор международного фестиваля
славянских литератур «Поющие письма»*

СЛАВЯНСКАЯ ТРАГИКА

Есть некоторая прекрасная славянская трагика в стихотворениях Андрии Радуловича, есть волшебство и снежное творчество в чудесном мире азбуки,

соблазняющей неповторимой красотой и высоким искусством слова...

Владимир Секулич, профессор, доктор наук

ДЕТСКИЕ ГЛАЗА ПАМЯТИ

*Все, что было не со мной, —
помню.*

Роберт Рождественский

Андрия Радулович является ведущим поэтом нового поколения в Черногории и одним из самых переводимых современных поэтов нашей литературной сцены. Он уже первой книгой обратил на себя внимание читателей и литературной критики в Черногории, Сербии и Республике Сербской.

Современный в выражении, тематически разнообразный и духовно любознательный, а одновременно по-особенному связанный с природой, традицией и историей своего народа, Андрия Радулович в своих стихах воскрешает давно минувшие события, явления и людей. Для этой поэтической реконструкции в собственной литературной лабо-

ратории поэт Радулович использует разнообразные инструменты. Кроме того, что он опирается на письменные исторические источники, он обширно привлекает собственный опыт и воспоминания жизни. Картина мира, оставшаяся в детских глазах и памяти, в этих стихах приобретает оформленность, строгий материал которой создан из внимательно подобранных слов, из глубокого кладезя сербского языка и славянской культуры.

Особенный лейтмотив в поэзии Андрии Радуловича представляют собой русские темы. Эту обсессию профессор, доктор наук Владимир Секулич формулирует синтагмой «славянская трагика».

*Будимир Дубак, поэт,
драматург, критик и бывший министр культуры Черногории*

КНИГИ СТИХОТВОРЕНИЙ АНДРИИ РАДУЛОВИЧА:

«Вид с моста», Подгорица, «Унирекс», 1994

«Знак в песке», Герцег-Нови, «Город писателей», 1995

«Полночь на Доне», Риека Црноевича, «Ободское слово», 1997

«Огненное ребро», Андриевица, «Ступови», 1998

«Слово с юга» (выбор коротких стихотворений на русском языке), Подгорица, «Октоих», 2000

*«Ангел в пшенице», Белград, «Апостроф», Подгорица,
«Объединение писателей Черногории», 2002*

«Снежная азбука», Подгорица, «Октоих», 2007

«Колокол» (поэма), Подгорица, «Унирекс», 2008

«Огненное ребро» (на болгарском языке), София, 2003

«Огненное ребро» (на румынском языке), Трговиште, 2006

«Бывшее королевство», Подгорица, «Объединение писателей Черногории», 2010

Рисунки Анны Дудяковой

КОНСУЛЬТАНТ ПО ЛЮБЫМ ВОПРОСАМ

Повесть из жизни офисного планктона

Глава 12. Мы еще не пили на брудершафт

— Сергей Игоревич, здравствуйте! — вскакивает с диванчика в вестибюле — кто бы вы думали? — ну конечно же, он, будущий герой-любовник, потенциальный разбиватель женских сердец, счастливый наследник миллионного состояния... Что-то изменилось сегодня в его облике — только не пойму, что именно? Ага, вот оно: улыбка у него вроде как искренняя, а не приклеенная, как обычно. И поэтому кажется она неестественной в сочетании с прежним подхалимским выражением глаз. — А я вас жду, — сообщает он игриво, словно девушка, свидания с которой я безуспешно добивался целый год, и вот она, наконец, согласилась.

— Что-то случилось? — равнодушно интересуюсь я, даже не притормаживая.

— Нет, ничего. — Улыбка на его лице гаснет. — Просто я думал, мы сегодня уже начнем.

— Это вы о чем, Евгений... э-э-э... не помню, как вас по отчеству?

— Викторovich... А почему вы вдруг со мной на «вы»?

— Да так, просто вспомнил, что мы еще не пили на брудершафт.

— Так мне мама не разрешала. А сегодня сказала, что можно будет немного сухого вина! — ликующим голосом произносит этот великовозрастный паинька. — Я знаю, о чем вы с ней договорились, — продолжает он, двигаясь на полшага позади меня, — я у нее сразу же все выспросил.

— Да ну! — притворно удивляюсь я. — И что она сказала?

— Что вы возьмете меня в ресторан и проконсультируете, как нужно вести себя с девушками. Правда же, возьмете, Сергей Игоревич?

— Ну... — я делаю театральную паузу. — Если уж самой Ирме Витальевне пообещал, значит, придется. Но только одно условие: ты угощаешь. Я на мели, а зарплата еще не скоро.

Женька растерянно замолкает; такого поворота он явно не ожидал. Невооруженным взглядом видно, как в его душе борются природная прижимистость и желание поскорее превратиться в настоящего мачо. Наконец, мечта берет верх над жадностью.

— Хорошо, только вы маме не говорите, ладно? У меня есть немного сэкономленных денег, она про них не знает.

Эге, да ты не так прост, думаю я. Значит, есть еще надежда, если заначку научился прятать от своего домашнего тирана. Черт возьми, а ведь этот «юноша бледный со взором горящим» начинает мне нравиться, вдруг удивленно понимаю я. Дружба с ним, конечно, вряд ли завяжется, не в тех я уже годах, чтобы заводить друзей среди таких сопляков, но приятельские отношения вполне возможны. Если, конечно, я смогу ему помочь сдать экстерном кое-какие обязательные для мужчины экзамены, от которых его в юном возрасте оградила неукротимая мамаша.

Мы выходим на улицу, там хорошо: радуется солнышко, теплый ветерок гонит бумажки по тротуару, запах свежей листвы перешибает бензиновые выхлопы. Я закуриваю, напряженно размышляя

при этом, как сделать, чтобы передвинуть первый урок с ним хотя бы на завтра.

— Да, чуть не забыл! — поворачиваюсь я к семьянину за мной Женьке. — Еще Василия Ивановича надо с собой взять. Обязательно! — добавляю я тоном, не предполагающим возражений. — Он очень опытный в этих вопросах человек, без него ничего не получится.

Женька чуть не плачет. Кажется, мой расчет верен: с Чапаем он никуда не решится пойти. По крайней мере, сегодня.

— Мама мне только с вами разрешила, — потерянно произносит он. — Я у нее спрошу, только, боюсь, она будет очень недовольна...

— Ну, спроси, если хочешь. А можно ей и не говорить ничего.

— Как это — не говорить?

— Да очень просто: не говорить — и все.

— Ну да... — Он печально смотрит куда-то вбок. — Она все равно узнает как-нибудь. И потом...

Он не договаривает. Стоит, тяжело молчит, и мне кажется, что если я продолжу в таком же духе еще минуту, он просто расплчется — неудержимо, как потерявшийся ребенок.

— Ладно, — бодрым тоном говорю я. — Сегодня подумай, приготовься, а завтра на обеде все обсудим. Пока!

— До свиданья, Сергей Игоревич!

Глава 13. О чем я беседовал с «японским реваншистом»

Уф, слава богу, наконец-то он отвалил! Теперь скорее перейти улицу, обогнуть высокую кирпичную ограду, за которой в тени деревьев прячется какой-то таинственный домик — не то гостиничка для VIP-персон, не то офис полукриминальной фирмы, затем миновать стройку, огороженную щербатым забором, — и оттуда сразу откроется привокзальная площадь. Как же давно я сюда не приходил в качестве пассажира! Лет сто, пожалуй, с тех пор, как купил первую машину и перестал зависеть в своих передвижениях от расписания поездов и автобусов. Конечно, поначалу казалось, что приобрел самое главное — свободу, но ведь и потерял немало. Чувство дороги в собственном авто оказалось какое-то куцее, совсем не такое радостное, как в купе или салоне автобуса, в окружении незнакомых людей, с которыми можно откровенничать о чем угодно, раскупорить весь запас алкоголя, сразиться в карты, выслушать сотню-другую анекдотов... да мало ли что еще.

Однажды, помню, направляясь в командировку в далекий северный городок, я оказался в одном купе

с настоящим японским профессором. Он приехал к нам в надежде записать легенды «последних могилок» — вымирающего племени аборигенов, то ли ороков, то ли орочононов. Точное название, я, к стыду своему, не запомнил, и до сих пор, кстати, не уверен, есть ли между этими народами разница. Профессор был седой, кряжистый, с выдубленным солнцем морщинистым лицом самурая. Его сопровождал тонкий, как жердь, кореец-переводчик, из которого лишнее слово клещами было не вытянуть. И что же вы думаете? Мы с профессором прекрасно обошлись и без него. Для плодотворного общения вполне хватило моего школьного английского в сочетании с международным языком жестов. Когда опустела литровая бутылка виски, щедро выставленная профессором, я сбежал в буфет — естественно, за русской водкой. К этому времени мы уже отлично понимали друг друга, успели поговорить о печальных судьбах малых народов, обсудить достоинства российских и японских женщин, поругать правительства наших стран за идиотский спор по поводу Южных Курил... И пришли к выводу, что самый разумный выход — отдать эти острова их исконным обитателям, айнам, чтобы они организовали там свое независимое государство.

Правда, закончилось все не очень весело, во всяком случае для меня. Встреча эта случилась на закате советской власти, когда свободные контакты с иностранцами еще вызывали интерес известных органов; так что меня на перроне северного городка встретили двое неприметных мужчин в серых плащах, взяли под белые руки и отвезли к себе в контору. И потом почти до вечера «раскалывали», требуя рассказать подробнейшим образом, о чем я всю ночь беседовал с «японским реваншистом». Когда им успел настучать переводчик, я так и не понял: из купе он вроде не выходил, все время дремал на верхней полке. Спас меня, наверное, мой жалкий юношеский вид — было мне тогда года двадцать три, а выглядел я максимум на восемнадцать. То есть был дважды зеленый — и по возрасту, и по причине жуткого похмелья.

Глава 14. Мистическая чепуха

Пока я все это вспоминаю, пышногрудая официантка с очаровательной небрежностью смахивает со столика остатки предыдущего пиршества, раскладывает вилки и ножи, расстилает бежевые салфетки с жиденькой бахромой. Мой заказ скромн: шашлык, кружка светлого пива и порция оливок с анчоусами.

— Вы не будете возражать против моей компании?

Я поднимаю глаза: с другой стороны столика, слегка наклонив голову, стоит лоценый брюнет

©Дудякова Анна, 2012 г.

среднего возраста в безукоризненном черном костюме и — надо же! — с белой розой в петлице... В правой руке он сжимает белые шелковые перчатки, на среднем пальце поблескивает массивный золотой перстень с какой-то хитрой анаграммой. А на левой руке у него висит самая настоящая тросточка, точь-в-точь как в немых фильмах про красивую буржуйскую жизнь. Для полного счастья не хватает разве только черного котелка и монокля!

Черт, и откуда такой хлыщ взялся на нашем провинциальном вокзале? А главное — смотрит на меня как-то странно, словно я ему тысячу баксов должен и целый год не отдаю...

— Садитесь, пожалуйста, — сквозь зубы бормочу я и, схватив меню, начинаю внимательно его изучать. Ни смотреть на этого субъекта, ни тем более разговаривать с ним мне почему-то совершенно неохота. И чего он ко мне подсел? Тут же полно свободных столиков... Уж не голубых ли он кровей, опасно думаю я, исподтишка бросая взгляд на его лицо. Очень похоже: холеные усики, абсолютно ровный пробор, тонкий римский нос, ямочка на тщательно выбритом подбородке, а главное — припухлые, красные, какие-то слишком чувственные губы и глубоко посаженные глаза, цвет которых неразличим из-за густых длинных ресниц.

Вдруг меня словно током бьет — это он цепко перехватывает мой взгляд, хитровато улыбаясь, и я уже не могу отвернуться, только моргаю, чувствуя, что краснею, как девчонка, пойманная на уроке за чтением записки от влюбленного одноклассника. Черт, и чего это я, а? Наваждение какое-то, давно со мной такой ерунды не было: пот на спине, дрожь по всему телу и тоскливый холод под сердцем. Неужели только из-за того, что глаза у этого субъекта сначала сверкнули зеленью, а потом какой-то пещерной чернотой?

— Вот пиво и оливки, а шашлык будет через десять минут, — слышу я ангельский голос официантки. Вынырываю, словно из черной ямы на божий свет. Как хорошо: пиво, оливки, солнечные искры на ребристой кружке, и шашлык будет через десять минут!

«Я очень рад, что сразу по прибытии в ваш дивный город встретил коллегу», — доносится до меня вкрадчивый голос. Боже, да этот хлыщ, похоже, просто сумасшедший! Какого он тут встретил коллегу? Или это он не мне говорит?

— Вам я говорю, не сомневайтесь. Вы ведь работаете консультантом, верно?

Вздвигнув от изумления, я поворачиваюсь к нему и пристально вглядываюсь в кривящееся улыбкой лицо... Может, мы знакомы, а я просто его не узнал? Да нет, хоть убейте, этого гражданина я раньше не видел, зрительная память меня никогда не подво-

дит: могу забыть, как зовут человека, когда и где с ним доводилось встречаться, но лицо запоминаю намертво.

— Допустим, угадали. А вы что, тоже консультант? — непроизвольно вырывается у меня.

— Да, — кивает он с достоинством. — Именно. Консультант. Причем по любым вопросам. Если угодно, могу и вам, Сергей Игоревич, дать дружеский совет. Например, как извлечь выгоду из вашей аферы с женьшеньбой Евгения Грошина...

Пиво, которое я в этот момент машинально глотнул, конечно же, потекло напрямик в легкие. Пока я натужно откашливался, выпучив глаза и жадно хватая воздух, он преспокойно листал меню, слегка позевывая, словно зритель в театре, скучающий во время затянувшегося антракта.

— У вас вполне стандартная реакция, — объявил он, когда я восстановил дыхание и обрел способность слушать. — Как только даешь новому клиенту понять, что знаешь о нем несколько больше, чем он предполагает, почти все тут же впадают в панику. Вот и вы сейчас, конечно же, думаете: «Откуда этот тип знает про меня и мои проблемы? И что ему надо, ч-черт его побери?»

Слово «черт» он произнес с каким-то особенным чувственным причмокиванием, словно посмаковал на языке.

— Знаете, я спешу и не буду ждать шашлык. — Я вскочил, нашаривая в кармане деньги. — Передайте официантке, ладно? — Я положил купюры на стол и уже совсем было повернулся уходить, как вдруг услышал:

— Да что ж ты так испугался, а? Душу я продать не прошу, охотников и без тебя предостаточно, только свистни! Но если ты сейчас уйдешь, твоя Галочка бросит тебя через неделю, а мэр вытурит со службы еще быстрее.

А теперь вообразите, что с вами происходит такая вот мистическая чепуха: среди бела дня в людном месте подсаживается незнакомый, на редкость отвратный тип и вываливает на вас всю эту цыганско-гипнотическую тарабарщину! И ведь откуда-то знает, сволочь, самые главные, во всяком случае, самые явные ваши страхи! Что бы вы стали делать на моем месте, а?

Я поступил, как мне тогда показалось, самым разумным образом. Надо первым делом успокоиться, приказал я себе, вернуться за столик, допить пиво, закурить, сделать вид, что поддерживаю разговор по его сценарию, а потом поймать этого гада на какой-нибудь мелкой оплошности. Ну должно же быть какое-то рациональное объяснение его осведомленности! Или это чей-то непонятный розыгрыш, или...

— Или ваш собеседник действительно тот, о ком вы не решаетесь подумать, — с издевкой закончил он мою мысль, вновь почему-то переходя на «вы». — Хорошо, давайте я представляюсь, а то как-то неловко получается: я знаю ваши Ф. И. О., а вы мои — нет. Будем знакомы: Моргулис Борис Маркович. Как видите, ничего мистического, никаких зашифрованных созвучий. А о моем роде занятий я уже вас известил: консультант по любым вопросам.

— Так уж и по любым?

— Абсолютно.

Тут как раз очень кстати появился шашлык, я впился зубами в горячее, слегка пересушенное мясо и вдруг с изумлением заметил, что у моего визави в руке — бокал с бордовым вином, а на тарелочке перед ним — сырная нарезка. Черт, но ведь он ничего даже не заказывал... Или это у меня помутнение рассудка на почве длительного безделья?

Спокойствие, только спокойствие, как говорил мудрый Карлсон, который живет на крыше. Буду последователен: раз уж решил ничему не удивляться, надо и дальше играть в эту игру, глядишь — и проклюнется какая-никакая разгадка.

— Значит, Борис Маркович, да? Борис Маркович, Борис Маркович... Извините, мне, чтобы запомнить, надо пару раз повторить имя-отчество — так уж странно мозги устроены. Интересно, кто же вам рассказал про нашего Женьку Грошина? Его мама?

— Нет, Ирма Витальевна тут ни при чем. И больше не старайтесь из меня ничего вытянуть, все равно не выйдет. Давайте лучше обсудим, как вам быть. Вы же понимаете, что рано или поздно ваша «хохма», как любит выражаться Василий Иванович, или, если вам так привычнее, Чапай, дойдет до ушей Владлена Степановича. И она вряд ли ему понравится.

— Шутка еще та, не спорю. Но, если разобраться, идея-то правильная, а? Парня ведь тоже жалко, так ведь и помрет девственником.

— Ну так сводите его к проституткам.

— Слушайте, отличная мысль, Борис Маркович! Сколько я должен за консультацию?

Так-так, перестал улыбаться консультант, дернул щекой, поставил бокал... Неплохо, одно очко я, кажется, отыграл. Хотя бы размочил ворота.

Я аккуратно подцепил вилкой последний кусок шашлыка, макнул в кетчуп, отправил в рот. Жалко, пива уже не осталось, но вторая кружка посреди напряженного рабочего дня — непозволительная роскошь для трудолюбивого чиновника.

— Борис Маркович, мне на службу пора. — Я решительно встал, не сомневаясь, что теперь уж он меня никак не задержит. — Как меня найти, вы, конечно, сами знаете, так что визитку оставлять не

буду. И не скажу, что рад был познакомиться, все равно ведь не поверите?

Он промолчал, только кивнул этак небрежно, как бы отпуская меня и одновременно давая понять, что никуда я от него не денусь. Странно, но я в эту минуту абсолютно точно знал, что встреча эта — далеко не случайная и, конечно, не последняя. И еще поймал себя на мысли, что дико устал — словно не расслаблялся за обедом, а целый день таскал камни под палящим египетским солнцем, спотыкаясь от непосильной тяжести и получая хлесткие удары бича от орущих надсмотрщиков.

Глава 15. Очень красивый стих

Открыв кабинет, я первым делом звоню Чапаю.

— Слушай, ты никому случайно про наши дела не растрепал?

— Какие дела?

— Сам знаешь!

— Про Женьку, что ли? Нет, только девчонки знают, ну те, что дедулю-миллионера подогнали. И то я им не говорил, кому конкретно это надо. А что?

— Да так, ничего. Потом расскажу, не по телефону. Кстати, ты завтра вечером, надеюсь, свободен? Нас Грошин в ресторан приглашает.

— Иди ты! — смеется Чапай. — Сегодня вроде не первое апреля.

— Ну, не веришь, я один с ним пойду. Больше водки на халяву достанется.

— Ты че, не шутишь? Если так, я всегда готов, сам знаешь. Только ни фига не пойму: как тебе его удалось раскрутить?

— Просто сегодня очень доверительно побеседовал с Ирмой Витальевной. Получил добро на перевоспитание недоросля. Про вашу персону, правда, речь не шла, но никуда наш мальчик не денется. Он уже вовсю рвется в бой, наверно, сильно устал от онанизма. Короче, завтра скажу, когда и где встречаемся.

— Заметано! — кладет трубку Василий Иванович, слегка обалдевший от такой новости.

Та-ак, значит он тут не при делах. Может, Женька сам откуда-то выкопал этого странного типа? Нет, где уж ему... И вдруг меня осеняет догадка: да это же проделки Ирмы Витальевны! Наняла, старая гримза, какого-то частного сыщика, чтобы приглядывал, как я буду ее сынулю готовить к семейному поприщу, а у сыщика какие-то идиотские методы. Проверка это была на вшивость, и больше ничего! Консультант по любым вопросам, придумал же! Надо было попросить у него совета, как сделать железную вилку золотой, и посмотреть, как бы он выкручивался.

Жалко, в сейфе не осталось ни грамма коньяка, рюмка мне бы сейчас, честное слово, не помешала. Надо привести мозги и нервы в порядок, думаю я, располагаясь в кресле перед монитором. Заняться мне до самого вечера совершенно нечем, так что я загружаю шахматную программу и продуваю компьютеру пять партий подряд. Последнюю схватку, которая наконец-то шла к почетной ничьей, мешает закончить осторожный стук в дверь.

— Входите!

На пороге — наша неугомонная общественница, организаторша всех внутриконтторских официальных торжеств Зулия Шакировна Зарипова. Как вы правильно догадались, она татарка, причем я абсолютно уверен, что ее древние предки были жестокими и воинственными ханами. Она унаследовала их кровожадность и властность, но эти качества в нашу цивилизованную эпоху подверглись вполне понятной трансформации. Кривой саблей Шакировна, конечно, не машет и врагов копытами лихого коня не топчет, но ее бесцеремонность и нахрап действуют на современных мягкотелых людишек ничуть не хуже. Если уж она что задумала — лучше не сопротивляться, все равно она из тебя всю кровь выпьет, а заставит сделать. Слава богу, ее затеи пока вполне мирные.

Зачем моя персона ей понадобилась, гадаю я, а сам делаю вид, что не могу оторваться от монитора и при этом как попало стучу по «клаве» — якобы сочиняю какой-то суперсрочный текст, крайне необходимый для скорейшего принятия мэром максимально грамотных управленческих решений... А вдруг случится чудо, и Шакировна, увидев, что я безумно занят, уйдет несолоно хлебавши?

— Слушай, Серега, может, хватит придуриваться? — хрипло каркает она. — Будто я не знаю, что ты тут целыми днями порнуху в Интернете смотришь!

Не так уж она и ошибается, леший ее принес... Иногда мне и в самом деле удается прорвать защиту, поставленную нашим сисадмином, и проникнуть на клубничные поляны, щедро разбросанные во Всемирной паутине. Но не признаваться же в этом — да еще самой жуткой сплетнице в нашей конторе!

— А ты меня за этим ловила? — таким же базарным тоном отвечаю я (что делать, если иначе она не понимает?). — Говори, чего надо, и топай дальше, видишь — не до тебя.

— Ладно, не злобься. — Эта фраза, как я давно заметил, означает, что дело у Шакировны важное, во всяком случае, для нее. — Сейчас все скажу, только ты уж не подведи, слышь?

— Да говори ты уже, чего резину тянешь!

— Ну, в общем, это... ты же стих можешь сочинить — на случай, а? Не маши башкой, я знаю, что ты

сочинял уже, когда Анна Николаевна из контрольно-правового управления на пенсию уходила. Она аж прослезилась, помню. Что-то там ты такое завернул про сэкономленные ее проверками денежки, которые надо бы ей к пенсии прибавить, помнишь? Ну что смотришь, ты ведь писал!

— Допустим, — нехотя признаюсь я, млея от тщеславия. Черт, все-таки приятно, когда твои опусы кто-то ценит и помнит, пусть даже не шибко грамотная татарка.

— Ну вот! Очень красивый стих, все тогда тебе хлопали, — продолжает открыто льстить Шакировна, учуяв мою слабину. — А теперь дело посерьезней, но ты справишься, ты же талантливый, это все знают. Короче: 19 мая нашему дорогому-любимому Владлену Степаньчу стукнет пятьдесят пять лет, не забыл? Надо ему тоже стих сочинить.

— Ты что, Шакировна! Ну уж фигушки, и не проси даже! Это же совсем другое дело. Сравнила тоже! Тут не какая-то начальница управления, а сам Владлен Степанович! А вдруг ему не понравится?

— Понравится, чего там! Как ни сочинишь, а все равно лучше будет, чем всякие обнаковенные слова. Мы ж помрем, а ничего нового не придумаем, только «поздравляем от всей души» да «желаем от чистого сердца». Ну, давай, не ломайся! Времени вон еще сколько — целых три дня.

— Почему только три? До 19-го почти неделя.

— Так надо ж еще со всеми подмэрками стих утвердить, потом красиво оформить, рамочку заказать. И так уже опаздываем!

— Хорошо, я попробую. Но с тебя гонорар: бутылка «Хеннеси» и пирожок с мясом. Лучше авансом, чтобы вдохновение пришло.

— Э, хитрый какой! Дай тебе коньяк, так напишешь и не напишешь! Сделай, потом получишь.

Да, такую на мякине не проведешь, придется прячь остатки извилин, думаю я, когда Шакировна уходит, сияющая, как будто получила от меня обещание заплатить ей ясак вдвое больше против прежнего. Ну и хорошо, будет чем заняться до вечера — все равно дурака валяю. Вдруг и правда шеф обрадуется. И потом, ему наверняка шепнут, кто автор юбилейного шедевра. Глядишь, именно этот факт и спасет меня, если наша с Чапаем идиотская хохма всплывет на поверхность.

В общем, я создаю на компе новый файл и, покусывая карандаш, начинаю рифмовать. Описывать творческие муки неинтересно, да и не было особых мук, честно говоря. Через полчаса я не без удовольствия перечитываю свежееиспеченный опус:

Как трудно быть в России мэром —
Об этом знает только мэр.

Попробуй всем служить примером,
Не зная в решеньях полумер,

Иметь отличный нюх и зренья,
Упорно стоя у руля,
И вопреки финуправленью
Червонец делать из рубля...

Но нашей краевой столице
На редкость с мэром повезло.
Нам впору на него молиться
И восхищаться им зело!

Мы знаем все:
Степаньчу
Любое дело по плечу!

Не зря ведь в праздник пионеров
Родился он — а потому
Судьбой ему дано быть первым
И не сдаваться никому!

Итак, примите в день рожденья
Цветы и наши поздравленья!
И чтоб всегда назло врагам
Удача улыбалась Вам!

Так и хочется воскликнуть: ай да Серега, ай да сукин сын! Осталось придумать какое-нибудь не менее дурацкое название, что-нибудь типа «Торжественная ода на славный юбилей градоначальника губернского города Энска Владлена Степановича...» (а фамилию нашего юбиляра я здесь, пардон, не стану называть во избежание нежелательных параллелей).

Глава 16. Речь не мальчика, но мужа

Мы с Галкой в японском ресторане сидим в уютной кабинке, отгороженные от всех полупрозрачными ширмами, на которых вышиты танцующие серебряные журавли. Обычно эти места заняты, но сегодня меня осенило вдохновение: закончив юбилейный шедевр, я смылся с работы, прибежал сюда и упрямил администратора оставить для меня эту кабинку, намекнув, что сюда вполне может заглянуть самый главный человек в городе. И вот мы обжираемся креветками, крабами, ракушками и кальмарами, сваренными пополам с овощами в большой кастрюле прямо на нашем столике. Галка потягивает сливовое вино, а я после порции подогретого саке, не ощутив ни малейшего хмеля, попросил принести графинчик водки. И после двух рюмок вдруг понял, что уже ого-го как хорошо...

— Слушай, скажи честно: почему ты в меня влюбилась?

— А ты в этом уверен?

Что-то поднимается у меня из желудка при этих словах; спазм сдавливает горло. Я встаю, чувствуя ватную слабость в ногах, и только тут замечаю, что она еле сдерживается, чтобы не рассмеяться.

— Сереж, ну ты правда как мальчишка! Неужели обиделся?

— Еще бы!

— Ну а если я просто вчера выпила чуть больше нормы? И мне вдруг жутко захотелось мужика? Думаешь, у женщин так не бывает?

— Бывает, наверное, — деревянным голосом произношу я.

— А сегодня смотрю: мужчинка как мужчинка, умный, конечно, и внешне симпатичный, и не скотина, как многие, только...

— Что «только»?! Договаривай!

— Только кроме постели у нас с тобой все равно ничего серьезного не будет... Извини, что я так — лучше сразу сказать, чтобы потом больно не было. Или ты хочешь, чтобы я врала и притворялась?

Глаза у нее уже не смеются, влажные губы подрагивают. Черт, да что же это такое! Каким чутьем так быстро разгадала она мою холостяцкую сущность? Умная девушка, ничего не скажешь, далеко пойдет, наверное, грустно думаю я. И вдруг чувствую, что абсолютно трезв. И водка, и саке куда-то вмиг испарились!

— Нет, Галчонок, врать нехорошо. Надеюсь, папа с мамой тебе это уже объяснили. Только почему ты думаешь, что секс — это не совсем серьезно? От него вообще-то происходит самое серьезное дело на свете — дети рождаются. Правда-правда, мне одна знакомая врачиха рассказывала...

Она снова улыбается — вот и славно! Дурак я, зачем затеял сопливое выяснение отношений, прямо как подросток, впервые поцеловавший в подъезде одноклассницу! Сидит рядом шикарная девушка, смотрит ласково, готова ехать в твою холостяцкую берлогу и подарить тебе несколько сладких часов — чего тебе еще надо, козел среднего возраста?

— Это раньше дети рождались от секса, а в наше время чаще от глупости, — в тон мне говорит она. — Слушай, я уже так объелась! Вкусно очень, спасибо, что сюда меня притащил. Давай еще закажем кофе и пойдем, а? Только ты не пей больше, пожалуйста.

— Да я и не собирался. На службу завтра.

— Ты точно не обиделся?

— Ни на столечко. — Я сковыриваю с булочки кунжутное семечко и показываю ей. — Вот если ты спать со мной откажешься — тогда сразу убую!

— Что я, дура, что ли, неблагодарная?! — Она картинно закатывает глаза и всплескивает руками. — Кавалер напоил-накормил, значит, и в постельку уложить должен.

— Давай без кофе обойдемся, а? Я потом дома сварю?

— Слушаю и повинуюсь, мой повелитель!

Я вскакиваю, раздвигаю шторы и ищу глазами официантку. Черт, куда же они все подевались? Иду в большой зал и, обогнув колонну, едва не спотыкаюсь о знакомую тросточку, прислоненную к стулу. И ловлю на себе цепкий, паучий какой-то взгляд...

— О, коллега! — Передо мной возникает широкая, как рояль, улыбка. — Как приятно, что наши гастрономические пристрастия совпадают! Кстати, должен заметить, что вы выбрали самый правильный из японских ресторанов в этом городке: здесь отличнейший повар, настоящий маэстро. Он даже умеет готовить рыбу фугу — это знаменитое блюдо самоубийц. Не пробовали? Очень рекомендую!

Пока Борис Маркович произносит этот монолог, я стою, совершенно обалдевший, и понимаю только одно — что больше всего на свете хочу убежать, но мои ноги словно приросли к полу. Черт, что же это такое?! Может, он просто гипнотизирует меня?

— Ну что вы, Сергей Игоревич! Даже обидно, право... Ну разве я похож на человека, способного заниматься такой низкопробной ерундой? Да вы бы присели, а? Поболтаем, у нас есть пара минут, пока Галочка вас не хватилась.

Придется сесть, ведь все равно не отвяжется, с отчаянием думаю я. Решительно отодвигаю стул, он жалобно скрипит подо мной. От этого звука дар речи ко мне возвращается.

— Тогда сразу и говорите: зачем вы за мной шляетесь, чего вам надо?!

— Отлично! Слышу речь не мальчика, но мужа!

— Тем более можно без комплиментов, раз поняли, что я не барышня.

В его взгляде мелькает что-то похожее на удивленное уважение. Видимо, не ожидал, что я способен так резко выпустить когти.

— Мне лично от вас ничего не надо. Но есть серьезные люди, которые хотят, чтобы вы дали вашему патрону несколько правильных рекомендаций. В его карьере скоро начнется довольно сложный период — раньше, чем он думает... Так вот, этим людям нужно, чтобы Владлен Степанович не порол горячку, а поступил определенным образом. Я понятно излагаю?

— Вполне. Только странно: вы столько обо мне разведали, а главного не выяснили. Шеф давно не просит у меня никаких консультаций, так что должность моя — липовая. В общем, вы обратились не по адресу.

— А сегодня?

— Что сегодня?

— Ну, кто сегодня подсказал, что самый разумный выход — замять историю с анекдотом про, извините, задницу вместо головы? Очень, кстати, дельный совет, единственно правильное решение в такой ситуации.

— Так это вы подстроили? — удивился я. — И слух по городу пустили? Лихо!

— Заметьте, я вам ничего не говорил, это только ваши предположения, — дипломатическим тоном объявил мой загадочный визави. И глянув прямо мне в душу своим змеиным взглядом, ласково спросил: — Так вы согласны?

— Допустим, нет.

— Подумайте. Хорошо подумайте!

Я демонстративно уставился в потолок, наморщив лоб. Посидел так с минуту.

— Подумал.

— И?

— Как бы это сказать, чтобы не обидеть... Допустим, я предложу вам отвалить от меня как можно дальше, и что?

— Ничего. Просто неприятности у вас начнутся прямо сейчас. Ступайте к своей Галочке, она вас уже заждалась. Можете не прощаться: мы очень скоро увидимся.

И тут я почувствовал, как к горлу подкатывает настоящая злость — как в юности перед назревающей дракой. Да пошел бы он со своими дешевыми угрозами! Я встал, обогнул колонну и увидел, что возле нашего столика стоит официантка, а Галя растерянно оглядывается. Когда я подбежал, она облегченно улыбнулась и показала глазами на счет, лежавший на краешке стола. Я полез во внутренний карман пиджака и похолодел: бумажник куда-то исчез!

Дальше все происходило так, как и положено в подобных случаях: идиотское хлопанье по карманам, недоуменные возгласы, исследование пола под столом, стульями и на всем протяжении от входа до нашего столика и, наконец, проверка Галиной сумочки, хотя я абсолютно точно знал, что бумажник я ей не отдавал — с чего бы?

Возле нашей кабинки уже стояли метрдотель и охранник. Галя смотрела на меня странно: то ли вот-вот заплачет, то ли влепит пощечину и гордо уйдет.

— Мы верим, что деньги вы потеряли, но кто все-таки будет расплачиваться? — спросил метрдотель. — По счету вы должны три тысячи сто пятьдесят рублей.

Я напряженно перебирал в уме варианты: кому в полночь можно позвонить и попросить взаймы... Чапай? Бесплезно, до зарплаты еще неделя, откуда

у него три тысячи! Моя последняя супруга, с которой мы никак не найдем времени, что сходить в ЗАГС и оформить развод? У нее, конечно, и сто тысяч найдутся, но ведь не даст ни копейки, только позлорадствует. Кто еще? Старые приятели все женатые, с маленькими детьми, давно спят мирным сном, будить в такое время неудобно... Эврика! Надо напрячь Женьку Грошина! А что, позвоню, извинюсь — пусть выручает в порядке аванса за предстоящие консультации в амурных делах.

Но не успел я попросить у рестораторов телефонный справочник, как возле нашего столика, словно чертик из табакерки, возник элегантный гражданин с тросточкой. И с иезуитской любезностью поинтересовался, не я ли обронил бумажник, проходя мимо его столика.

Галочка от радости всплеснула руками. Официантка взяла деньги и убежала, охранник тоже ушел, потеряв ко мне всякий интерес, а метрдотель на прощанье посоветовал мне быть в следующий раз внимательнее.

А я боялся поднять глаза на Бориса Марковича Моргулиса. Только кое-как выдал из себя «спасибо».

Глава 17. Необитаемые острова

Стыдно, конечно, но я вынужден признаться, что ожидания моей девушки в эту ночь вряд ли смог оправдать. Нет, внешне все было вполне шикарно. Я зажег две высокие свечи в настоящих бронзовых подсвечниках с пузатенькими ангелочками (эту красоту подарила мне на день рождения, кажется, вторая по счету супруга). Достал из морозилки колотый лед, бросил за неимением специального ведерка в керамическую вазу и с хрустом поставил в нее шампанское. Молниеносно порезал яблоки, апельсины и даже пару тогда еще редких в нашем городе плодов киви (кстати, я их сначала купил, а уж потом сообразил, что они из Новой Зеландии; и увидел в этом хороший знак, вспомнив, конечно, доброго дедушку-миллионера из этой невероятной страны). Поставил на столик фужеры, а напоследок высыпал в блюдце конфеты «Рафаэлло» в нежно-ажурных обертках.

— Как красиво! — восхищенно выдохнула Галка.

— Хочешь, у нас всегда так будет? И даже лучше!

— Лучше не бывает, наверно. Потом обычно только хуже...

— Это ты в какой-то книжке прочитала? В «Бедной Лизе» или в «Анне Карениной»?

— Сережа, ну что ты все на свете пытаешься вышутить! Я же серьезно говорю, а ты... Пойми, у нас лучшее время сейчас с тобой, все так ярко, свежо,

мы как необитаемые острова друг для друга — ну вроде как ты попал на мой остров, а я — на твой, понимаешь? И мы исследуем их, и каждую минуту совершаем какие-то приятные открытия: вот пальма со спелыми кокосами, вот родничок журчит, а вот уютная пещера...

— Я даже знаю, где она!

— Перестань, дурачок, ну подожди же! — Галка перехватила мою руку и одернула юбку. — Налей мне скорей шампанского.

— Сию минуту, мадемуазель.

Мы звонко чокнулись, она выпила весь фужер чуть ли не залпом, а я только пригубил — не люблю, по правде говоря, эту шипучую ерунду; тем более глупо употреблять ее после водки. Только я приготовился второй раз добраться до «уютной пещеры», как Галка вскочила с дивана и уселась напротив — в кресло.

— Слушай, Сереж, все хочу спросить: а что это за тип, который принес тебе бумажник? Он так на тебя смотрел, будто вы давно знакомы.

Мой боевой настрой сразу куда-то исчез. Проклятый консультант, и откуда он свалился на мою голову! Такое ощущение, что он и сейчас где-то здесь: притаился за шторой или в стенном шкафу. А что — от такого субъекта чего хочешь можно ожидать! Если он так незаметно свистнул у меня бумажник, что мешало ему проделать этот же трюк и с ключами?

Ну нет, пытаюсь я себя успокоить, это технически невозможно... Мы с ним виделись всего лишь два раза, когда бы он успел?

Да запросто, тупорылый ты идиот, в том же привокзальном кафе! Не зря же он тебя так упорно гипнотизировал. Передал ключи подельнику — тот быстренько сделал дубликаты, пока мы разговаривали, а уж вернуть пропажу на место, чтобы я не хватился, ему и подавно ничего не стоило.

Стоп, а зачем, собственно, ему мои ключи? Что можно найти ценного в моей квартиришке, кроме разве нескольких довольно редких книг? Но, с другой стороны, откуда мне знать, что для него представляет ценность... Может, какие-нибудь файлы с прошлых выборов, случайно сохранившиеся в стареньком компьютере, который я притащил со службы, поскольку его там списали и на полном серьезе собрались выбрасывать.

— Ты меня что, не слушаешь? — откуда-то издали доносится обиженный голос Галки.

— Все нормально, прости, это я пытался вспомнить, видел когда-то раньше нашего спасителя или нет. А почему ты про него вдруг вспомнила? Понравился, да?

— Очень! Особенно усики. Тоненькие такие, он ими, наверно, может так эротично пощекотать...

©Дудякова Анна, 2012 г.

— Ты что, уже совсем пьяная? Несешь полную чашу!

Галка радостно смеется и лезет целоваться. Почему женщинам так нравится, когда их ревнуют? Губы у меня совсем деревянные, но она этого словно не чувствует, торопливо расстегивает блузку, хватая мою руку и кладет ее на нежный горячий холмик. И дышит быстро-быстро и глубоко.

Странно все это и необъяснимо — и наша внезапная страсть, и такая же внезапная холодность... Чего тебе еще надо, потрепанный козел среднего возраста?! Ты же еще утром не мог дожидаться обеда, чтобы просто ее увидеть! А потом считал минуты до встречи в ресторане. Почему же сейчас, когда звезды сошлись в редчайшей гармонии, когда за окном вам одним поет гимн любви дивная майская ночь, когда тебя ласкают мягкие девичьи ладошки, ты — как сдувшийся воздушный шарик, вялый, жалкий и не нужный даже самому себе?

Какие-то автоматически правильные действия все же я совершил, потому что в итоге мы оказались лежащими нагишом на диване. И Галка, сладко зевнув, задремала, отвернувшись к стене. А я промаялся почти до утра, долго пил чай на кухне, пытался читать — и вдруг поймал себя на такой мысли: сегодня же куплю сюда темные шторы, сегодня же куплю и повешу!

Преодолевая страх, я встал, погасил свет и быстро подошел к окну. И успел увидеть, как в освещенном окне напротив метнулась в сторону чья-то тень. В эту минуту я голову дал бы на отсечение, что разглядел и тонкий римский нос, и холеные усики, и даже пещерную зелень в левом глазу.

Глава 18. Запах легких денег

Звонок дребезжал на редкость нудно — я услышал его сразу, едва поднялся на наш этаж, но спешить не стал: степенно прошествовал по коридору, пошаркал подошвами о коврик перед кабинетом, похлопал по карманам, разыскивая ключ... После бессонной ночи привычное для служивого человека чувство опасности притупилось. Ну и пускай, что скоро одиннадцать, в конце концов, имею я право раз в жизни тупо проспать? А уволят — ну и фиг с ним, сами же потом пожалеют! Где они еще найдут такого послушного подопытного кролика, готового ради научного эксперимента годами проходить смертельно тяжкое испытание бездельем?

Не буду брать трубку! И открывать никому не стану! Вот сейчас запрусь, упаду в кресло, закрою глаза и буду вспоминать, какие у нее волосы, губы, руки, ложбинка на спине...

Но мечты, как известно, крайне редко сбываются. Вот и сейчас — не успел я перешагнуть порог, как из

двери напротив выскочил Бобышкин, наш главный конторский сплетник, как я уже, кажется, говорил.

— Ну, наконец-то, Сергей Игоревич! Где вы были? Я уже час вас тут дожидаюсь.

— А хоть бы и два, вам все равно делать нечего, — нарочно по-хамски отзываюсь я.

Бобышкин протискивается вслед за мной и плотно закрывает дверь. Странно, обычно он не терпит даже самых невинных шуток в свой адрес — гордо поправляет значок муниципального академика на лацкане и уходит, всем видом давая понять, что ему наплевать на мнение жалких неудачников.

Значит, дело у него ко мне серьезное, скорее всего, с коммерческим уклоном.

— Не томите, Павел Викторович, а то я сейчас помру от любопытства! Только если вы пришли денег занять, то ошиблись дверью. Я вчера ходил в церковь и ползарплаты просадил... то есть раздал нищим.

— Вот и отлично, значит, мое предложение покажется вам заманчивым.

Хм, это уже интересно! Бобышкин вообще-то мужик крученный, это у нас все знают, запах легких денег он чувствует за три километра. Поэтому и ездит на джипе, и одевается всегда чуть ли не от Кардена, хотя жалованье у него далеко не шикарное, вряд ли больше моего. Поговаривают, будто под мудрым руководством Ирмы Витальевны он научился находить бизнесменов, усвоивших мудрость еще библейских времен: о том, что жадничать — очень невыгодно, а щедрому человеку само небо помогает, он и денежный подряд получит, и аренду подешевле в самом центре города найдет...

— Я вам сейчас сообщу наисекретнейшую информацию, Сергей Игоревич, — шепотом произносит Бобышкин, делая страшно таинственное лицо. Уши у него при этом краснеют и чуть заметно шевелятся. — Но о том, что это я вам ее сообщил, вы обязаны молчать даже под пыткой! Обещаете?

— Зуб даю.

Бобышкин с минуту пристально смотрит мне в глаза...

Да честные они, честные, сказывается мое дворовое воспитание: пообещал молчать — сдохни, а сдержи слово. Видимо, Бобышкин это интуитивно чувствует, потому что переходит к делу.

— Меня попросили с вами поговорить очень серьезные люди. Они представляют интересы человека, который, скорее всего, будет руководить нашим городом уже этой осенью. Вы понимаете, о чем я?

— Да уж чего тут не понять.

— Они знают, что вы имеете на Владлена Степаныча определенное влияние. И хотели бы наладить

с вами взаимовыгодное сотрудничество. На очень хороших для вас условиях!

— Слушайте, Павел Викторович, может, хватит уже таскать кота за яйца? Я с похмелья плохо соображаю. Конкретно говорите: что надо делать и сколько я за это получу?

— Вот аванс, — он вынимает из кармана конверт. — Тут две тысячи «бакинских рублей». Если вы сможете убедить мэра, что ему нет смысла участвовать в выборах, получите еще десять тысяч.

— А если не смогу?

— Аванс придется вернуть.

— Ну нет, это мне не подходит. Вы же меня знаете: деньги я быстро спущу, а потом что — копить два года? Так им и передайте: спасибо за доверие, но — пардон, боюсь его не оправдать.

К такому повороту Бобышкин, похоже, не готов. В его красиво подстриженной и гладко выбритой, но все же бараньей голове со скрежетом ворочаются заржавевшие шестеренки. Он не может поверить, что человек, которому предлагают хорошо заработать, вдруг ни с того ни с сего начинает кочевряться. В конце концов, он приходит к единственному предположению, на которое способен в такой ситуации:

— Может быть, вам эта сумма кажется недостаточной? Так я, в принципе, уполномочен повысить ваш гонорар, в разумных пределах, разумеется...

Ах ты гад, думаю я. Значит, сразу заныкал свой процентик, не дожидаясь совершения сделки. Судя по его бегающим глазкам, не меньше половины суммы. А может, и то, что придется возвращать весь аванс в случае неудачи, он тоже выдумал? Как бы его расколоть, гаденьша?

— Знаете, Павел Викторович, мне пришла в голову отличная мысль, — произношу я, всем видом показывая, что он угадал: я в самом деле просто не хочу продешевить. — У меня сохранились дружеские отношения с ребятами, которые продвигали нашего Владлена Степаныча на прошлых выборах. Давайте я с ними созвонюсь и узнаю, сколько может стоить запрашиваемая вами услуга. А потом и постараемся найти компромисс. Согласны?

— Вот это слова не мальчика, но мужа, — кисло вато радуется Бобышкин.

Черт, где я совсем недавно уже слышал эту крылатую фразу? Может, от Чапая? Нет, она не в его стиле, он любит изъясняться живо, но без литературных красотостей. Тем более вряд ли она могла прозвучать из уст моего шефа. А может, это просто из телевизора, гадаю я, нашаривая в кармане сигареты. Щелкаю зажигалкой — и в пляшущем огоньке вдруг с ужасом замечаю пижонские усики и победную улыбочку «консультанта по любым вопросам».

Точно! Это он попытался вчера отвесить мне такой же затасканный комплимент. Значит...

— Сергей Игоревич! — выводит меня из процесса дедукции голос Бобышкина. — Вы не могли бы позвонить вашим ребятам прямо сейчас, а? Меня просили как можно быстрее сообщить результат нашего разговора.

Я не успеваю придумать, как бы потянуть резину: на столе оживает телефон. Он трезвонит коротко и очень требовательно. И чуть ли не в первый раз очень даже кстати.

— Я согласен! — слышу я в трубке нетерпеливый голос Женьки Грошина. — Ну, в смысле согласен, чтобы Василий Иванович тоже с нами сегодня вечером пошел...

— Вот это слова не мальчика, но мужа, — машинально произношу я и опускаю трубку мимо аппарата.

Честное слово, не до Женьки мне сейчас, не до его амурных надежд. Давит что-то в груди, воздуха мало: такое чувство, что кольцо нехороших событий, которые я не в силах предотвратить, начинает неумолимо сжиматься вокруг моего ближайшего будущего. Это принято называть интуицией, но мне иногда думается, что мы, люди-человеки, азартно покоряя природу, еще не до конца разобрались с нашим собственным естеством и не знаем, какой орган отвечает за точность предвидения. А если бы и поняли — что тогда? Зажили бы счастливо и беззаботно, научившись обходить стороной крыши, откуда сваливаются на головы кирпичи? Или повымирали бы от тоски, от пресного существования, начисто лишенного неожиданностей?

— У вас какие-то дела с Грошиным? — Бобышкин, конечно, не смог удержаться, чтобы не подслушать.

— Да так, ерунда. — Врать мне неохота, а правдоподобная версия не приходит в голову.

— Между прочим, он у нас сегодня главный герой дня! — Бобышкин тут же забывает о своем деле, чтобы сообщить мне свежайшую новость. — Утром в приемную пришел факс из посольства Новой Зеландии. Они просят помочь одному ихнему миллионеру, старикашке, из довоенных эмигрантов. Якобы у нас в городе вроде бы проживает его двоюродный внучатый племянник. Этот дедуля зачем-то хочет его срочно найти. А самая фишка в том, что фамилия дедушки, вы не поверите... — Тут Бобышкин делает такую долгую паузу, которая даже Станиславскому не снилась, с кайфом ловит мой нетерпеливый взгляд и, наконец, тоном циркового конферансье, объявляющего мировую знаменитость, выдает: — Так вот, фамилия старичка — Грошефф! Почти Грошин, понимаете?!

— Ну и что? — Я пожимаю плечами. — Это ничего не значит, мало ли в жизни совпадений! Тем более и Грошиных у нас наверняка пруд пруди.

— А вот тут вы ошибаетесь, Сергей Игоревич! — Бобышкин радуется так, словно это ему достанутся новозеландские миллионы. — Ирма Витальевна, когда ей об этом факсе секретарша мэра сообщила, тут же навела справки. Подходящего возраста гражданин по фамилии Грошин в городе один-единственный. Наш Женька!

— Все равно это ничего не значит, — угрюмо говорю я. — Даже если они и родственники, может, дедушка ему и не собирается ничего завещать, а так просто ищет, для интереса.

— Да что ж вы такой Фома неверующий! — в сердцах восклицает Бобышкин.

— Ладно, поживем — увидим. Мне работать надо, Павел Викторович...

Он понимающе улыбается и разворачивается, чтобы уйти. Но вдруг замечает, что в руке у него — конверт, так и не врученный потенциальному взяткополучателю.

— Так что мне прикажете передать?

— Что я подумаю, посоветуюсь, я же уже сказал.

— Сергей Игоревич, только осторожно советуйтесь, вы же про меня молчать обещали!

— Обещал, помню. Но я же не идиот, не буду говорить: вот наемник приходил ко мне Бобышкин и предлагал продать мэра за двенадцать тысяч сребреников. Совру, что товарищ-однокурсник боится продешевить, из какого-нибудь Задрищенска.

Бобышкин с сомнением топчется на пороге еще минуту-другую. Потом опять делает страшную гримасу, шевеля при этом ушами и прикладывая палец к губам. Прячет конверт во внутренний карман и наконец уходит, взяв с меня слово, что я сам ему позволю, как только все выясню и приму решение.

Глава 19. Лучшее средство от страха

Кажется, я начинаю понимать, почему наши далекие предки придумали алкоголь. Главная причина вовсе не в том, что он раскрепощает, сближает и дает почти гарантированную возможность расслабиться. Нет — это просто самое лучшее средство от страха! Выпил — и море по колено: можно идти хоть на монета, хоть в набег на соседние племена.

Идиот, и зачем я пожертвовал Чапаю остатки «Хеннеси» из сейфа?! Как бы сейчас оказался кстати глоток благородного напитка... Что голова трещит после вчерашнего — ерунда, можно перетерпеть, приглушить приступы тошноты крепким чаем. А вот страх, поднимающийся откуда-то из под желудка и натурально шевелящий волосы, чаем

не зальешь, нет. Тут требуется более радикальное средство.

Но выбирать не приходится — и я с отвращением бросаю в кипяток чайный пакетик, из которого в чашку выделяется грязновато-бурая пыльца, образуя тошнотворное облачко на дне. Через силу делаю глоток, прислушиваюсь к процессам, зарождающимся в организме. Монотонный стук в висках, слава богу, утихает, и даже вроде бы возвращается способность к дедукции.

Итак, надо первым делом разобраться: чего я, черт возьми, вдруг задержался, ну совсем как дешевый фраер, которого в темном переулке догнали двое плечистых незнакомцев и попросили закурить? Ладно, давай предположим, что повторение крылатой фразы не было случайностью и что Бобышкин ко мне явился именно по поручению загадочного Бориса Марковича. Что из этого следует? Только одно: меня очень хотят использовать втемную. Но я-то не идиот, чтобы так дешево уступать. Пусть ходят кругами — не убьют же, в конце концов, даже если я наотрез откажусь от «взаимовыгодного сотрудничества». Я им не помогаю, но ведь вроде и не мешаю! Значит, и дергаться нет причины.

Я еще раз глотнул чаю и удивился: вполне ничего, пить можно. Настоялся, наверное.

Стоп — а конверт с баксами?! Если бы я соблазнился его взять, в моем кабинете сейчас наверняка проводили бы обыск. А мне — шили статью за взятку. Очень неприятную, надо сказать, статью; чтобы отмазаться от нее, что угодно согласишься сделать для спасителя... Может, на это и был расчет у «консультанта по любым вопросам»?

Торопливо закурив, я опять сделал глоток из чашки — и тут же выплюнул. Во рту остался вкус прелой соломы. В голове опять застучали бойкие молоточки: бах — ба-бах, бум — бу-бум! И словно в ответ им раздался осторожный стук в дверь.

— Заходите, — обреченно сказал я.

На пороге возник совсем неожиданный для меня персонаж — Иван Михайлович Корнеев, скромный пожилой дядечка из нашего коридора. Известно мне о нем немного: сидит на какой-то неприметной должности в сельхозуправлении, курирует то ли картошку, то ли однолетние травы. Вроде бывший агроном, что отчасти подтверждают шелушащиеся обветренные скулы и красные прожилки на щеках, а еще — жилистые мужицкие руки, совсем не похожие на вялые гуттаперчевые лапки наших канцелярских крыс.

Он вежливо улыбается и приглашает меня медленно проследовать к ним в управление.

— Что-то случилось? — пугаюсь я.

— Ну да, а вам разве не говорили? Мне сегодня, как это ни странно сознавать, пятьдесят стукнуло.

— Простите, Иван Михайлович, за этой суетой совсем забыл — поздравляю! — Я смущенно протягиваю юбиляру руку, и он, тоже смущаясь, энергично ее встряхивает. Почему-то в таких ситуациях я всегда теряюсь и не знаю, что сказать имениннику. Хотя чего, казалось бы, проще? Давно можно было заучить наизусть десяток-другой универсально-бодрых пожеланий и тасовать их в зависимости от поздравляемой персоны. Но затертые фразы не идут у меня с языка. Ведь людей вокруг так много, и каждый неповторим, значит, и слова каждому надо говорить особенные, а в этом и есть главная трудность: слов-то хороших — наперечет, и как тут быть — кланусь, не знаю.

А вот Чапай о такой чепухе не задумывается. Он, как я и предполагал, уже верховодит за праздничным столом, накрытым в кабинете начальницы сельхозуправления Риммы Яковлевны Курочкиной, дамы деловитой и хлебосольной. Говорят, в первые годы реформ она спасла от малокровия многих сотрудников мэрии, договариваясь о дешевых оптовых поставках овощей, молочных и мясных продуктов, которые грузовиками везли в нашу столовую из разваливающихся на глазах пригородных совхозов.

Сейчас половину гостей, собравшихся здесь, надо спасать уже от ожирения. Покушать у нас в конторе любят и умеют — это понять нетрудно, стоит только взглянуть на стол, где не осталось места даже для скромного букетика в честь юбиляра. Цветы, преподнесенные Корнееву, свалены на подоконнике шуршащей целлофаном пирамидой; ее удерживает от падения лишь батарея разнокалиберных бутылок.

Да, судя по всему, рабочий день в нашем коридоре уже закончился. А обеденный перерыв — еще не начался. Впрочем, тут случаются и не такие парадоксы. Время — вообще самая загадочная и капризная субстанция, а в стенах мэрии оно почему-то ведет себя совершенно разнузданно. То дико сжимается — и не дает никакой возможности, чтобы принять томлящегося в приемной посетителя, то вдруг тянется безобразно долго — когда сидишь на совещании и не можешь понять, отчего это стрелки на стенных часах словно прилипли к циферблату. А бывает, что день и ночь вообще меняются местами; то есть днем чиновника на его рабочем месте фиг застанешь, зато ночью — запросто.

Особенно часто это происходит с Чапаем и с его самым закадычным коллегой Елисеевым из управления торговли. Кстати, имя у этого коллеги — Петр (и его, конечно же, чаще зовут Петькой — роковое, надо сказать, совпадение). Эти двое боевых товарищей в полном соответствии с заветами революции не щадят себя ради дела. Они запросто могут болтаться весь день по городу, инспектируя подведомствен-

ные торговые точки, а к вечеру им вдруг приспичит заявиться на службу и засесть в кабинете до утра, составляя отчет или доклад — под хорошую закуску, разумеется. Я, помнится, тоже несколько раз принимал участие в такой внеурочной работе. Но потом все же стал малодушно от нее отказываться — после того, как однажды под утро Василий Иванович до того устал, что ему стало нехорошо, и нам с Петькой пришлось сначала долго отмывать пол и диван, а потом запихивать упирающегося Чапая в такси, чтобы его стахановский энтузиазм не был понят начальством превратно.

— Я поднимаю этот бокал не за юбиляра, — вищийствует уже слегка пьяненький Василий Иванович, — мы за него выпили сразу, и еще обязательно выпьем. Я хочу поднять этот бокал за прекрасных, достойнейших женщин, которые окружают юбиляра теплом, уютом и дружеским отношением на работе! Которые буквально спасают нашего уважаемого Ивана Михайловича от преждевременного увядания, потому что рядом с вами, дорогие наши красавицы, он всегда подтянут, бодр и готов на любые подвиги! Итак — за прекрасных дам!.. Эй, Петька, ты что, творишь? Забыл, что за дам гусары пьют стоя?!

Елисеев, поперхнувшись, с трудом поднимает над столом живот, обтянутый не первой свежести сорочкой. Дамы, пунцовые от счастья, дружно чокаются, кося на Чапая влюбленными глазами. В который раз поражаюсь тому, как легко их обаять. Секрет давно известен, но почему-то редко кто из мужиков умеет им пользоваться. А ведь всего-то и надо — безудержно и нахально льстить, превознося их истинные и вымышленные достоинства. И ни в коем случае (даже намеком!) не упоминать о недостатках.

Да, вот бы Groшина сюда, пусть бы поучился, с сожалением думаю я. Меньше было бы с ним хлопот сегодня вечером. Стоп, какую по счету рюмку только что вне очереди выпил Чапай? Дотянет ли он при таких темпах до ресторана? Опыт у него, конечно, дай бог каждому, так что, может, и дотянет, но сумеет ли преподать будущему донжуану первый урок мастерства — это большой вопрос.

Тут как раз за столом начинают обсуждать главную новость дня: грошинского дедушку-миллионера. Юбиляр, как водится, после нескольких рюмок уже никого интересует.

— Везет же некоторым! — накладывая в тарелку мясо и салат, говорит Игорь Свиридов, тридцатилетний крепыш из юридического отдела. — Тут вкальываешь без продыха день-деньской, да еще на вечер подработку берешь, и все равно даже однокомнатную хату купить не светит. А я, честно, за-

долбался уже с предками жить... Мне бы, блин, такого дедулю, как этому чудаку на букву «м».

— Он же вроде не женат? — доносится мелодичный женский голос с дальнего конца стола. Кто задал нужный поворот разговору, я, к сожалению, заметить не успеваю. Зато очень хорошо вижу, как Чапай восторженно мне подмигивает: мол, видишь, что я тебе говорил — сработало!

— А зачем с таким баблом вообще жениться? — ржет его верный ординарец Петька. — И так все телки твои...

— Пошляк вы, Петр Николаевич, — осаживает его хозяйка кабинета. — Не надо по себе обо всех подряд судить. Мне, между прочим, Ирма Витальевна недавно говорила, что ее Женя давно мечтает завести семью, только уж очень он скромный, да еще и требовательный — ему всякие финтифлюшки не нужны, а нужна порядочная хозяйственная девушка, чтобы и готовила, и дом в порядке держала. Ну и внешне симпатичная была, конечно.

— Кстати, я всегда говорила, что Женечка — очень даже славный мальчик! — бросается на помощь начальнице секретарша, милая пышечка по имени Оксана, типичная хохлушечка, чернявая, с лукавыми карими глазами, сочными губами и румянцем на всю щеку. Насколько мне известно, она, несмотря на свои весьма юные годы, не только замужем, но и родить уже успела, так что вряд ли у нее к Женке может возникнуть матримониальный интерес. Неужели потенциальные грошинские миллионы ни при чем и слова ее искренни?

— Только он слишком уж несамостоятельный, — роняет малознакомая мне дама средних лет, угнездившаяся возле подоконника.

— А что плохого, что парень мать слушается?! — возражает ее пожилая усатая соседка, Лидия то ли Георгиевна, то ли Григорьевна, вечно я забываю. — У меня вон трое, такие, прости господи, оглоеды — мать им никогда не указ, будто хуже врага у них нету! Уж сколько я их просила, на коленях только не стояла: учитесь, сыночки, без образования сегодня никуда. Так ни в какую же! Только младший, Гришка, в строительный институт кое-как прошел, год поучился — и бросил. Не могу, говорит, не лезет в меня этот, как его, сопромат... Теперь занятие себе нашел, хоть плачь, хоть смейся — танцор в ночном клубе! Девочек на сцене крутит, а они, почитай, голые — я раз пошла поглядеть, так со стыда чуть не сгорела. А старшие тоже не лучше — один прапорщиком служит, ваньку валяет, тут недалеко его часть, за городом, а второй на рынке торгует шмотьем залежалым из Китая.

Тетки постарше слушали этот рассказ, сочувственно кивая, а гости помоложе — с явным нетер-

пением; каждому, похоже, хотелось высказать свое, единственно верное мнение о вечном конфликте отцов и детей. Но тут Чапай решительно зазвенел вилкой по бокалу:

— Брейк, господа боксеры, первый раунд закончен! Пора наполнить бокалы. Слово имеет наш дорогой юбиляр.

Корнеев, мирно ковырявший вилкой салат из морской капусты, вздрагивает и неловко поднимается. Руки его вытянуты по швам. Он машинально поворачивается в сторону своей начальницы, словно спрашивая, можно ли взять слово. Она благосклонно улыбается: мол, смелее, не тяни резину, а то водка стынет.

— Предлагаю выпить за гостей! Спасибо вам, что пришли, поздравили...

Больше Корнеев не знает, что говорить, и, сжимая в своей лапище хрупкий бокал, поворачивается направо — чокнуться. Но траекторию движения его руки внезапно пересекает поднятый соседкой кувшин с морсом. Раздается жалобный звон — бокал рассыпается мокрыми искрами, вслед за ним глухо ударяется о стол кувшин, выплескивая на соседние блюда красную волну. Дамы визжат, сквозь их заполошные децибелы слышен радостный возглас Чапая:

— Вот это по-нашему, Михалыч! Где пьют, там и льют!

Пора отсюда сваливать, тоскливо думаю я. Дальнейший сценарий хорошо известен. Скоро все станут говорить разом, не слушая друг друга, потом курильщики побегут в туалет, нарушая строжайший запрет мэра, через час-другой ряды гостей постепенно начнут редеть — и до упора останутся лишь самые стойкие бойцы. Водочки, конечно же, не хватит, поэтому либо кто-то пойдет, пошатываясь, за добавкой, либо все переместятся на новое место — в кабак или в гости к тому же Чапаю. Потому что восточная его жена и в самом деле существо безропотное, готовое принять супруга с друзьями в любом состоянии. Знаю это на собственном опыте — проверено не раз.

Вообще-то, конечно, лучше всего из таких компаний уходить по-английски. Самый удобный вариант — присоединиться к курильщикам и смяться, когда они шумною толпою отправятся продолжать застолье. Но неохота обижать юбиляра; он мне почему-то всегда был симпатичен, хотя за все время знакомства мы с ним перемолвились, может быть, двумя-тремя десятками слов. Бывает так: почти не знаешь человека, но почему-то уверен, что запросто пошел бы с ним в разведку.

— А можно мне слово? — спрашиваю я и слышу, как сильно начинает биться сердце, а голос почему-

©Дудякова Анна, 2012 г.

то предательски дрожит. Те, кто еще способен слушать, поворачиваются в мою сторону: тосты я говорю редко, не в пример моему другу с героическим именем-отчеством. — Буду краток, — продолжаю я таким серьезным тоном, что за столом устанавливается относительная тишина. — Хочу сказать, что вы, Иван Михайлович, настоящий мужик! Вы на земле сколько лет проработали, пока сюда пришли?

— Двадцать один, — растерянно отвечает Корнеев.

— Вот, все слышали! — восклицаю я, словно одержал верх в каком-то принципиально важном споре. — Таких людей немного, кто умеет что-то в жизни делать руками, полезное делать, я имею в виду...

Тут я невольно прерываюсь, чтобы набрать в грудь воздуха, и замечаю, что все смотрят на меня настороженно, словно ждут скандала.

— Поэтому давайте выпьем за настоящих людей...

— То есть за всех нас! — влезает Чапай, надо сказать, очень вовремя. И все как-то растерянно начинают звенеть рюмками и бокалами, а я выпиваю водку залпом, сажусь и усиленно что-то жую, не ощущая вкуса. Что на меня нашло? Еще минута — и сказал бы прямо в эти сытые самодовольные рожи все, что о них думаю!

Нервы ни к черту, совсем ни к черту... Длительное безделье, видимо, тяжелее самой каторжной работы. А тут еще бессонная ночь, и дурацкая хохма с Женькой, которая черт знает чем еще закончится, и мэр с его невероятной самоиронией, и конверт с баксами, подсунутый невесть кем... Надо просто взять да и напиться, думаю я, ощущая с неожиданным наслаждением, как волшебная жидкость, проскользнув в желудок, поднимается оттуда дурманящей волной и фонтаном бьет в самое слабое мое место — головной мозг. Еще рюмка-другая — и я тоже вряд ли смогу сегодня дать хотя бы один дельный совет будущему донжуану.

— Пойдем перекурим! — кричу я Чапаю, пытаюсь быть громче, чем смех и гомон, витающий над столом.

В туалет вместе с нами набивается столько народу, что я тяну приятеля на крыльцо. Он не спорит, чувствует, гаденыш, что со мной что-то не так. И пытается упредить мой упрек:

— Серега, только без пены! Я все отлично помню, ты ж меня знаешь. До вечера сто раз приду в норму.

— Конечно, придешь. Для тебя норма — когда ты уже лыка не вяжешь. Зачем тогда обещал?

— Да не парься ты, все будет ништяк! Грошин даже не поймет. Он же лох, каких мало.

Так, все ясно: если мой приятель начал злоупотреблять молодежным жаргоном, значит — в норму уже почти пришел. Похоже, мне сегодня придется вести Грошина на первый бал одному. Не

представляю, что ему говорить, я же не психолог, в конце концов! Тем более он, может быть, весь день провел в догадках о том, сколько миллионов ему отвалит сказочный новозеландский дедушка. Как бы крышу у парня не сорвало, когда правда раскроется.

— В общем, так, — сурово говорю я Чапаю, — ты как хочешь, а я до вечера объявляю сухой закон. Сейчас пойду к себе, закроюсь, пошарю в Интернете, может, найду какой-нибудь сайт про психологию взрослых девственников.

— Это мысль! — одобрительно говорит мой подельник. — Я всегда знал, что ты — гений.

— Слишком грубо льстите, Василий Иванович. Я вам не девочка из канцелярии. Короче: ты долго собираешься там торчать?

— Ну, не знаю. Как же я их брошу? Они ж там от скуки все позасыпают. И Римме Яковлевне я обещал, что буду там адить. Перед Корнеевым, опять же, неудобно.

— Да, это ты прав... Ладно, давай так: я пока беру Грошина на себя, договорюсь встретиться с ним в семь, возле «Азалии». Столик закажу на троих. Пока то да се — ты подтянешься. Возможно, мы в кабинке сядем, смотри внимательно.

Чапай накрывает голову одной ладонью, а другой берет под козырек. На этом мы и расстаемся — я с сомнением в душе, а он с горячей убежденностью, что сдержит слово.

Глава 20. Будь мужиком, пей до дна!

К ресторану Женьку доставила на такси Ирма Витальевна. Оглядела меня с ног до головы, как суровый сержант разгильдяя-новобранца, и сказала, что вернется за сыном к одиннадцати. Напоследок поправила ему галстук и велела:

— Если с кем-то познакомишься, сразу звони и подробно опиши, какая она.

Женька послушно закивал. Мамаша повернулась на каблуках и величественно отчалила.

Сначала он отчаянно трусил, а потом как-то незаметно опьянел, буквально от двух бокалов красного вина, раздухарился и даже не стал спорить, когда я предложил ему пригласить на танец пышногрудую блондинку, потягивавшую коктейль за барной стойкой. Вернулся после танца воодушевленный, с масляными глазками, и я было уже обрадовался — вдруг это начало бурного романа со скорым хеппи-эндом... А он возьми и ляпни: «Сергей Игоревич, а пять тысяч в час — это дорого или не очень?»

— Не стоит с этого начинать, — строго сказал я. — Вот когда жена надоест, тогда — пожалуйста.

— Ну а все-таки! Дорого, да?

— Посчитай сам. Сколько ты в месяц имеешь — тридцатку? С такими расценками всю зарплату за ночь просадишь.

Странно, но моя арифметика его только раззадорила.

— Ну и пускай просажу, пускай! Зачем мне эти деньги, если...

Тут он заплакал — честное слово. Сидел, размазывал слезы кулаками и всхлипывал, судорожно и неостановимо. Я заметил, что его пышногрудая соблазнительница, призывно поглядывавшая на наш столик, разочарованно отвернулась.

Что вы сделали бы на моем месте? Вот то-то же... Я машинально наполнил рюмки, выпил свою, закурил и протянул Женьке зажженную сигарету:

— Дерни пару раз, успокаивает.

Он сначала отмахнулся, потом все-таки взял, вдохнул дым — и слезы покатились уже от приступа кашля.

— Меня... мама... кха!.. убьет!

— Ничего, переживешь. Зажуй вон лимончиком.

— Вам легко говорить, вы мою маму не знаете.

— Да уж догадываюсь, что руку откусит, если палец дашь. Ее даже Владлен Степаныч побаивается.

— Она такая, да... Я в прошлом году хотел себе ролики купить, а она говорит: вот подохну — покупай хоть этот, как его, скей...

— Скейтборд?

— Ага. А пока я жива, говорит, пешком будешь ходить, мне, говорит, твои переломы слишком дорого обходятся.

— Какие переломы?

— Ой, это давно очень было, в садике еще. Меня отчим с горки повел кататься на санках, и я руку сломал, точнее, большой палец. Она отчима в тот же день выгнала. А санки выбросила. Я сколько раз просил потом — так больше и не купила.

— Ладно, не переживай. Все у тебя еще будет — и ролики, и санки.

— Зачем вы смеетесь, Сергей Игоревич? Не нужны мне уже санки никакие. Да и ролики тоже — ну их!

— А вот это ты зря, Жень. Знаешь, о чем я в детстве больше всего мечтал? Чтобы мне купили настольный футбол. Может, помнишь, раньше продавался, в такой большущей коробке, там еще футболисты на пружинках были и шарик металлический, вечно куда-нибудь закатывался? Родители мало зарабатывали, так и не дождался я этого подарка ни на один день рождения. Зато дочке своей купил, на пять лет. Мы с ней потом целые чемпионаты устраивали!

Он улыбается — вот и хорошо, на сегодня моя миссия выполнена. Скоро уже десять, лучше всего было бы сейчас незаметно позвонить Ирме Витальевне и попросить приехать пораньше. Дескать,

слишком много у Женечки впечатлений для первого выхода в свет. А завтра, по трезвянке, расскажем ему и про мой нечаянный розыгрыш насчет прибавки жалованья, и про фальшивого дедушку-миллионера. Почему-то мне сейчас кажется, что он меня с Чапаем никому не сдаст.

Только я собрался осуществить свое благочестивое намерение, как в зал ввалилась небольшая, но очень сплоченная компания наших сослуживцев. Во главе, естественно, шел Василий Иванович — вид у него был воинственный, мне даже в первый миг показалось, что он в сапогах со шпорами, в распашнutoй бурке с серебряными газырями, а из ножен вот-вот выскользнет шашка и изрубит в капусту метрдотеля, загородившего путь хозяину.

— Серега! — заорал Чапай. — Скажи ты им, что на меня столик заказан. А мужики рассядутся как-нибудь.

Пришлось мне вставать, ласково объясняться с ресторанным начальством, уверять, что мои приятели — самые приличные и тихие люди в городской администрации, просто сегодня они слегка возбуждены в связи с юбилеем очень ответственного нашего товарища.

— А кто из них юбиляр? — смилостивившись, спросил метрдотель. — Скажите имя, наш ансамбль в его честь что-нибудь исполнит.

— Вот он, зовут Петруха! — вклинился в разговор Чапай, хватая за рукав и подтаскивая поближе своего верного ординарца. Тот уже почти ничего не соображал, лишь туповато ухмылялся и часто моргал.

Метрдотель посмотрел на эту рожу с явным сомнением, но ничего не сказал, ушел. Через минуту к нашему столику придвинули еще один, притащили несколько стульев, и все начали шумно рассаживаться.

— Деньги-то у вас есть? — шепнул я Василию Ивановичу прямо в ухо.

— Ты же говорил, что Грошин башляет! — громко возмущился он.

Та-ак, значит, без скандала уйти не получится... Черт меня дернул связаться с этим придурком! Сколько раз он меня подставлял в похожих ситуациях — уже и не вспомнить. Правда, долги потом отдавал всегда вовремя. Как он умудрялся запомнить суммы и сроки, будучи в совершенно стеклянном состоянии, я до сих пор не понимаю.

— Ладно, вы пока заказывайте что-нибудь, только без фанатизма, а мы с Женькой выйдем проветриться на пару минут, — бодро сказал я. Чапай милостиво кивнул и принялся лихорадочно листать меню.

Мы с Грошиным вышли на крыльцо. Вечер был прохладный, в зыбком свете фонарей мелькали ред-

кие дождинки. Возле вентилятора, установленного на окошке ресторанный подвала, сидела пятнистая кошка и жадно ловила дразнящие кухонные запахи.

— Лови такси, — предложил я Женьке. — Дуй домой, а если Ирма Витальевна приедет, я все объясню.

— Вы что, думаете, я Василия Ивановича всерьез боюсь? — неожиданно трезвым голосом возразил он.

— Ну, не знаю, мне показалось...

— Да он дурак просто, вот и все! Ничего он мне не сделает, а попробует издеваться — я отвечу. Я ведь и матерные слова знаю, если что!

— В словаре прочитал? — попытался пошутить я.

— Нет, у мамочки научился.

Да, веселый выйдет у них разговор! Как же ему объяснить, что продолжение банкета чревато не просто перепалкой с пьяненьким Чапаем, а кое-чем похуже? Запросто может завязаться нелепая драка с битьем посуды и последующими разборками в милиции. А если, не дай бог, раньше времени нагрянет Ирма Витальевна и заметит, что ее Женечку спаивает целая гоп-компания, мой авторитет наперсника в его амурных делах будет растоптан раз и навсегда.

«Ой, добрый вечер, Борис Маркович!» — донесся до меня Женькин голос а затем и знакомый вкрадчивый баритон: «Добрый-добрый... Уходите или только пришли?»

Не знаю почему, но я не мог повернуть голову и взглянуть на Моргулиса. В голове вихрем вертелись вопросы: он что, правда меня выслеживает? Зачем? Хочет еще раз подставить? Или все-таки мы случайно здесь столкнулись? И откуда, черт возьми, Грошин его знает?!

— Просто подышать вышли, Борис Маркович, — со своей привычной вежливостью объяснил Женька. — А вы поужинать сюда?

— И поужинать тоже.

— Ну, тогда приятного аппетита!

Ресторанная дверь негромко чавкнула, пропуская гостя. Тут я нашел в себе силы повернуться, но успел разглядеть за мутным стеклом лишь разлетающийся плащ, словно мелькнули черные крылья...

— А ты откуда этого гражданина знаешь?

— Это мама его знает, а я просто видел раза три-четыре. Он еще зимой к нам в гости первый раз заходил, закрылся зачем-то с мамой на кухне... Я заглянул — хотел чаю себе взять, а мама так посмотрела, что я даже сахара насыпать забыл.

— Кто он такой, она не говорила?

— Сказала, что коллега из другого города. Да я больше ничего и не спрашивал — все равно бесполезно. Он странный немного, мне показалось.

— Чем странный?

— Ну, понимаете, как это вам сказать... Одет всегда очень прилично, а руки не моет, когда зайдет с

улицы. И пахнет от его одежды как-то... ну не знаю, чем-то химическим. Не противный запах, нет, даже притягивает, и приятно как-то, и почему-то страшно. А еще, когда начинает с тобой разговаривать, почему-то хочется все-все ему сразу рассказать. Да! Он же меня про вас расспрашивал! Только я тогда обещал, что буду про это молчать...

— Ну, теперь уже смысла нет, раз проболтался.

— Вы не думайте, Сергей Игоревич, я только хорошее говорил! Как вас все уважают на работе, какой вы умный, и что Владлен Степанович вас чрезвычайно ценит, постоянно с вами советуется. Да это же все так и есть на самом деле, чего было скрывать?

— А зачем ему нужно знать про мои заслуги, он не объяснил?

— Нет, — растерянно сказал Женька. — Да мне как-то и в голову не пришло, что надо спросить.

Тут мы были вынуждены прервать этот увлекательный диалог: мне на мобильник позвонил Чапай и стал орать, что водка стынет, что скоро принесут горячее, а вся компания терпит, не может начать без нас — из чувства глубокой солидарности.

— Спасибо, Василий Иваныч, я обязательно расскажу про этот подвиг твоим внукам! И Владлену Степанычу, чтобы на аппаратном тебя всем в пример поставил.

— Серый, а серьезно, чего вы там застряли?

— Просто разговариваем...

— С этим придурком? О чем?!

— О бабах, о чем же еще! Ты что, уже забыл, для чего мы сюда приперлись?

— Ну тогда фиг с вами, мы и без вас справимся. Без обид только!

— Конечно, какой разговор. Пейте на здоровье.

Женька стоял, переминаясь с ноги на ногу, и зябко поеживался. На его лице я впервые заметил не отрепетированное, а искренне выражение — разочарование с пугливыми вспышками надежды. Сырой майский вечер не хотел становиться томным, не пели в соседнем скверике соловьи, не квакали в фонтане лягушки и даже звезды не подмигивали влюбленным, укрывшись за плотной завесой туч. Но ведь, согласитесь, ничего в жизни невозможно запланировать со стопроцентной гарантией. И юноша, томящийся от страсти, держа в одной руке пакет с коробкой конфет и бутылкой вина, а в другой сжимая заветный ключ от пустой комнаты в общежитии, все не может быть уверен, что свидание закончится именно тем, чего он так жаждет и так боится.

— Жень, а ты вообще влюблялся когда-нибудь? — спросил я.

— Ну а как же, — с вызовом ответил он. — Первый раз в школе, в училку по физкультуре, но это так — просто фигура у нее была завлекательная, ну как у

©Дудякова Анна, 2012 г.

гимнастки. А потом еще один раз, в институте, очень нравилась однокурсница, и я ей тоже...

— И что?

— Мама сказала, что мы — не пара.

— С чего это вдруг?

— Ну, я маме тогда про все-все рассказывал. И про Аленку, конечно. Мама велела пригласить ее к нам — на мой день рождения. Аленка пришла, подарила мне книжку, мама повела ее на кухню — типа, помогать... а потом даже проводить домой не разрешила. Я спросил, почему она ей так не понравилась...

— Ну?

— А она говорит: эта девушка даже не умеет резать сыр.

— Ерунда какая!

— Нет, Сергей Игоревич, это вы зря так говорите. Для будущей жены очень важно не только хорошо готовить, но и сервировать стол. И еще она была очень неэкономная: мы с ней как-то пошли в кино, я предложил поесть мороженого в буфете, так она выбрала самое дорогое, а еще попросила большую упаковку попкорна. Но это я уже потом понял, когда мы расстались.

Я посмотрел на него с удивлением: только что мне казалось, что он начинает выздоравливать, и вот на тебе — новая вспышка болезни, которую, честно говоря, трудно обозначить одним четким термином. Какая-то дикая смесь самовлюбленности, тупости, мелочности и полнейшей душевной апатии...

— Ладно, пойдем лечиться, — сказал я.

— Что? — не понял Женька.

— В смысле, еще выпьем.

— Я думал, так говорят, когда голова болит с похмелья.

— А если похмелье наступает от трезвости? Что тогда?

Он не нашелся, что ответить, и послушно поплелся за мной. В ресторане гремел оркестр, плотная кучка танцующих по-обезьяньи дергалась в узком пространстве между столиками и барной стойкой. Пышногрудая блондинка, которой Грошин был готов отдать за дешевые ласки свое месячное жалованье, сидела рядом с хмурым пожилым кавказцем и ела виноград, срывая ягоды прямо с кисти лиловыми губами.

— Ну, как успехи в сексуальном воспитании? — скалась, спросил нас Чапай. — Теорию юноша, надеюсь, уже усвоил, будем переходить к практике?

— Тише ты! — я покрутил пальцем у виска. — Из наших ведь никто не знает, зачем мы здесь.

— Пардон-пардон... вы правы, сэр, нужна полная конспирация, — продолжал дурачиться мой приятель. Странно, но он казался лишь чуть-чуть под-

датым; впрочем, я давно заметил за ним эту особенность — в какой-то момент застолья он словно заледеневал в очередной фазе опьянения и мог за просто вылакать литр водки, не меняясь в лице и продолжая сыпать шутками и анекдотами. Правда, потом отключался в одну минуту — сразу, как говорится, мордой в салат.

— Друзья! — громко сказал я. — Прошу внимания, у меня есть одно важное сообщение. Сегодня наш с вами коллега, Евгений Грошин... Женья, встаньте, чтобы вас все видели! Так вот, сегодня он первый раз в жизни выпьет водки!

Компания была уже хороша, чтобы воспринять эту новость без скепсиса. Кто-то даже захлопал, его поддержали азартными возгласами:

— Давай, Грошин!

— Не трусь!

— Будь мужиком, пей до дна!

Женька, побледнев, растерянно переводил взгляд с одного улыбающегося лица на другое, потом увидел полную до краев рюмку, которую Чапай услужливо протягивал ему. Взял ее, как гранату, зажмурился и...

— Не смей! — раздался грозный рык от дверей. В следующий миг Ирма Витальевна уже вышибла ядовитую жидкость из руки сына, рюмка со звоном рассыпалась по полу, следом прозвучала такая же звонкая пощечина. Женька схватился за щеку и рухнул на стул. А разъяренная мамаша уже мутузила ни в чем не повинного Чапая, приговаривая:

— Ну ты козел! Я тебе дам спаивать мне ребенка!

Тут вышел из комы верный ординарец избиваемого народного героя — Петька Елисеев. Здоровенной лапищей он дотянулся до Ирмы, цапнул ее за плач и резко потянул на себя. Та, пытаясь удержать равновесие, схватилась за край скатерти, но хлипкая материя не устояла против дородного тела — оно грохнулось на пол, а вслед посыпались тарелки, блюда, вилки, бокалы. Я услышал крепкий мат, которому позавидовал бы портовый грузчик. А затем, повернув голову к выходу, увидел, что к нашему столику быстро идут трое ментов, помахивая резиновыми дубинками. Стоя в дверях, их провожал бесстрастным взглядом мой, так сказать, коллега — «консультант по любым вопросам». В одной руке он сжимал неизменную тросточку, а в другой — мобильник.

Глава 21. Надо дать показания

Полночь четверо членов нашей преступной группы, и я в их числе, встретили там, где и следовало ожидать, — в КПЗ. Хотя никакого сопротивления милиции мы не оказывали, наоборот: сразу же согласи-

лись выплатить неустойку в разумных, конечно же, пределах. Я так прямо и сказал сержанту:

— Мы хоть и не виноваты, но готовы оплатить счет за посуду.

Он посмотрел на меня с доброй отеческой улыбкой. Потом обратился к своим товарищам, державшим под белы руки здоровяка Петьку, и ангельским голосом промолвил:

— Слышали, они не виноваты... Придется отпустить.

Товарищи охотно загоготали. Один из них, давясь смехом, сказал:

— Надо бы еще извиниться, да, Палыч?

— Это уж непременно! Сейчас пройдем в отделение, там и извинимся. В письменном виде, блях-муха!

— Вы не имеете права! Это произвол! — неожиданно громко взвизгнул Толик, недавний выпускник юрфака, а сейчас — молодой специалист нашего правового управления.

— Слышь, Курочкин, а этот у них, наверное, самый умный! — обрадовался сержант. — Ну-ка, зачитай ему права...

Толик тут же скрючился, получив незаметный удар дубинкой в самое больное для мужчины место. Напрасно он, конечно, встрял, потому что, как ни странно, остальных наших собутыльников в самом деле отпустили. А в кутузку повели именно Толика да еще обоих «героев гражданской», на которых Ирма Витальевна показала как на зачинщиков безобразия. Но когда я уже вздохнул облегченно и стал выяснять у метрдотеля, сколько же мы должны за еду, водку и внеплановый материальный ущерб, сержант вдруг за мной вернулся.

— Вы тоже пройдемте... — почему-то смущаясь, сказал он. — Надо дать показания.

— А платить кто будет? — резонно спросил метрдотель.

Я с надеждой повернулся к Грошину. Тот все еще держался за щеку и смотрел, как затравленный щенок. Мамаша стояла рядом, пыхтя праведным гневом.

— Идите, Сергей Игоревич, я тут разберусь, — пообещала она. — Потом у этих алкашей из зарплаты в тройном размере вычтем. Или из выходного пособия!

Глава 22. А протокол как же?

Если вам раньше не приходилось бывать в камере предварительного заключения, то искренне советую и не пробовать. Сыро, жестко, зябко, воняет какой-то дрянью — то ли гниющей тряпкой, то ли крыси-

ной мочой. Но хуже всего — неизвестность. Хотя Толик, наш подкованный в юриспруденции собрат по несчастью, и утверждал, что задержать нас имеют право максимум на три часа — до выяснения обстоятельств происшествия, а затем, если не возбудили уголовное дело, обязаны отпустить, — мы как-то не очень ему верили.

— Плохо ты Ирму знаешь, — обреченно промолвил протрезвевший Чапай.

— Сука она редкая, — согласился Петька.

А я виновато молчал. Да и чем я мог их утешить или хотя бы отвлечь? Разве что поделиться своими подозрениями насчет странного типа, нечаянная встреча с которым регулярно приводит к малоприятным последствиям...

Мобильник в кармане запел совершенно неожиданно. Кому я мог понадобиться в час ночи? Я взглянул на экранчик, и в груди сделалось горячо: звонила Галка.

— Привет! Чего не спишь, некого в гости позвать?

— Он еще и шутит! Слушай, мне сейчас позвонили и сказали, что ты в милиции. Это правда?

— А кто звонил?

— Неважно, я не поняла. Голос какой-то тусклый, как будто через платок говорили. Так правда или нет?

— Конечно, нет! То есть я был там недавно, давал свидетельские показания. А сейчас почти уже дома.

— Тогда лови такси и приезжай! Я и в самом деле спать не могу. Расскажешь, что случилось.

— Ну да... только... Ну, это... как бы тебе объяснить... только ты не обижайся, Галчонок, я немного не в форме, понимаешь?

— Что значит «не в форме»?

— Выпил, устал... да и не спал почти, ты же знаешь. Короче, просто вырубаясь.

— Врешь ты все, я же чувствую. Говори, где ты, я сейчас сама приеду.

— Вот еще выдумала! Не надо тебе никуда ехать. Завтра увидимся, я тебе все расскажу, ладно?

— Понятно. Значит, ты все-таки там, где мне сказали. И Чапай твой наверняка рядом. Что вы натворили?

Черт возьми, ну откуда у этих нежных, хрупких существ внезапно появляется столько железа в голосе, столько упорства и хладнокровной энергии! И как они умудряются так мгновенно разгадывать наши жалкие ребусы? Похоже, по жизни их все-таки ведет интуиция и выводит к истине гораздо лучше, чем нас хваленая наша логика.

Ну и как ее отговорить? Что соврать, чтобы успокоилась? Я посмотрел на Толика, на Чапая с Петькой — эти, конечно, не помощники. Услышав их, она испугается еще больше...

— Галчонок, честное пионерское, ничего страшного не случилось. Я тут просто в роли свидетеля, сейчас протокол составят, и я свободен.

— Вот и отлично! Вместе и уйдем.

Больше я ничего сказать не успел — она отключилась. И на мои попытки дозвониться не реагировала. Что мне оставалось? Только прохотать в ржавую дверь, требовать «соблюдения своего конституционного права на непревышение сроков задержания лица, привлеченного в качестве свидетеля» (цитата из пояснений Толика).

Минут через пять в двери открылось квадратное окошко. В него просунулась щекастая заспанная рожа, незнакомая и вполне мирная.

— Чего шумим?

Я растерянно оглянулся на подельников.

— Ему сказали, что надо у него свидетельские показания взять, — пришел на выручку Толик. — А сами не зовут.

— Значит, позовут, когда потребуется. Отдыхайте пока.

— Да мне на службу утром, — жалобно сказал я, — вы что, не понимаете? Между прочим, я работаю у мэра консультантом и голова мне нужна ясная... Сколько еще ждать?

В мутных глазах дежурного промелькнул интерес пополам с недоверием.

— Документ есть?

Я порылся в карманах. Слава богу, удостоверение было с собой. Мент развернул его, пошевелил губами, наморщил лоб, отчего стал неуловимо похож на мультяшного Шрека.

— Ладно, пойду доложу.

Окошко захлопнулось, по коридору прошаркали, затихая, неспешные шаги.

— Вы, главное, объясните им, что Ирма сама первая начала наносить легкие телесные повреждения Василию Ивановичу, — оживившись, деловито посоветовал Толик. — Это, конечно, и все другие подтвердят. А мы потребуем экспертизы, ну, как это говорят — чтобы сняли побои.

— Ты что, с ней судиться собрался? — спросил Чапай.

— А почему нет? Я еще и того гада, что меня в пах ударил, накажу! У меня куча адвокатов знакомых в городе, и в прокуратуре свои люди есть!

— Ну ты балбес, — беззлобно сказал Чапай. — Дай лучше закурить, вояка. А с Ирмой, мой тебе дружеский совет, не связывайся. Если хочешь, конечно, у нас и дальше работать.

Тут заскрипела дверь, на пороге стояли двое ментов: давешний Шрек и его напарник — молоденький, шуплый, с лермонтовскими усиками. Мне кивком приказали выйти. Что я немедленно и сделал, ощущая на спине завистливые взгляды товарищей.

В комнате, куда меня привели, сидел за столом, заваленным бумагами, тот самый юморист-сержант, что командовал героической операцией по захвату нашей банды. А на стульях у стены расположились пострадавшие: мама и сын Грошины. Я попытался заглянуть в глаза Женьке — бесполезно, он упорно косился в сторону, на мутное зарешеченное окно.

— Ну что, будешь протокол читать или так тебе объяснить, что ты показал по этому делу? — обратился ко мне сержант.

— Какой протокол? Вы же меня еще ни о чем не спрашивали!

— А чего время зря терять, и так все понятно. — Он широко зевнул, нашаривая ручку среди вороха бумаг. — На, подписывай, да и ступай домой спать.

— Нет, позвольте я все-таки почитаю.

Он недовольно дернул плечом и протянул мне несколько исписанных листов. Только я начал разбирать неряшливый почерк, продираясь сквозь кошмарные стилистические обороты, как услышал сердитый голос мадам Грошиной:

— Сергей Игоревич, ну зачем вы всех задерживаете? Вы что, мне не доверяете? Или хотите, чтобы я Владлену Степановичу сообщила о ваших недружественных действиях?

— О чем, простите?

— Не притворяйтесь, вы отлично все понимаете. Есть даже фотография: вы в привокзальном кафе сидите за одним столиком с известным вам человеком.

Ага, вот оно, начинается! Охота по всем правилам: сначала жертве морочат голову, потом пытаются подкупить, потом запугивают и вот, наконец, шантажируют... Неплохая у них команда, работают очень профессионально. Осталось разгадать истинную цель, ради которой им с Моргулисом понадобилась моя персона.

Неужели они надеются, что я поверю в уже озвученную версию: будто им нужно, чтобы я отговорил Владлена Степановича от попытки занять мэрский пост еще раз... Да кто им сказал, что такие решения принимаются по совету какого-то консультанта! Если они в этом уверены, то никакие они не профи, а жалкие любители в сфере политических игр и забав. Даже я успел понять, хоть и вращаюсь на мэрской орбите не так давно, что во власть людей толкают, как правило, две вещи: либо чисто коммерческий интерес, либо карьерные амбиции. А чаще то и другое вместе, в самых разных пропорциях. Добровольно же уйти с поста может заставить либо страх (разоблачат и посадят!), либо недостаток здоровья, и крайне редко — пресыщение.

Судя по последним событиям, наш Владлен Степанович совсем еще не пресытился и не потерял коммерческий интерес к своей хлебной должно-

сти. Иначе с чего бы он так взбеленился от вполне невинного анекдота? Впрочем, он и раньше был такой — взбалмошный и горячий, как юный джигит. Всегда приходил в бешенство, если обнаруживал в прессе даже малейшую шпильку в свой адрес. И требовал от своих карманных писак немедленно дать залп по обидчикам. Причем признавал единственный способ войны, по принципу «Сам — дурак!».

Уж Ирма-то знает мэра как облупленного — знает, обязана понимать, что от моего комариного писка Степаныч просто отмахнется, даже если я начну зудеть ему в ухо каждый день. А раз понимает, то, конечно же, объяснила сей факт своему партнеру с тросточкой. Тем более непонятно: какого рожна ему от меня надо?!

Все эти мысли промелькнули в моей ошалелой башке за одну-единственную секунду, а в следующую — дверь распахнулась и в комнату влетела Галка. Господи, как она была хороша! Глаза сверкают, две пуговицы на блузке расстегнуты, волосы непослушной волной плещутся по плечам, в каждом жесте — грация тигрицы, готовой с ходу глотку перегрызть любому за своего плененного самца.

Женька повернулся к ней — и часто-часто заморгал, словно ему в лицо направили прожектор.

— Вы тут чего, гражданка? — на пределе доступной ему вежливости спросил сержант, уставившись в прорезь блузки, откуда чуть-чуть выглядывала ажурная оборка бюстгалтера.

— Пришла взять на поруки коллегу. Вот этого, — она указала на меня и так кокетливо улыбнулась при этом, что мент в ответ тоже разулыбался, как деревенский дурачок, которого соседские девчонки неожиданно угостили липким леденцом из пакетика.

Тут вдруг подал голос Женька:

— Товарищ милиционер, я тоже прошу его на поруки взять, то есть, извините, отдать нам...

Мадам Грошина дернула сынулю за рукав, но он — вот чудеса! — словно не заметил. И продолжал тараторить, восторженно поглядывая на Галку:

— Сергей Игоревич тут совсем ни при чем, товарищ милиционер! Мы вдвоем в ресторане сидели, разговаривали, а тут пришла эта компания, они уже выпивши были все. А он не бил посуду и не дрался! Это кто хочешь вам подтвердит.

Галка посмотрела на него с благодарностью и внезапным интересом. Он просиял, смутился, а я вдруг с изумлением отметил, что в эту секунду тусклое лицо его совершенно преобразилось. Азарт заступничества озарил его отчаянной мужественно-

стью, и серо-зеленые глаза сверкали из-под длинных девичьих ресниц рыцарским блеском.

— А протокол как же? — растерянно спросил сержант, повернувшись к мадам Грошиной.

Та, пронзительно посмотрев на сына, махнула рукой.

— Он все равно не подпишет, — повернулась она ко мне. — Принципиальный вы у нас, да, Сергей Игоревич?

— Ну, можно сказать и так. Во всяком случае, предпочитаю не врать и друзей не оговаривать.

— Другьям этим все равно мало не покажется, — мстительно улыбнулась Ирма Витальевна. — Будут знать, как мне сына спаивать! Отпускайте его, Васильев, — обратилась она к сержанту. — А то ведь он такой, еще и Владлену Степанычу может настучать...

Последние слова я едва расслышал, потому что уже выходил в коридор, подхватив Галку под руку. Странно, но мне почему-то показалось, что уходит она не слишком охотно. А когда мы оказались на улице, она вдруг вырвала у меня руку и неумело залепила пощечину.

Честно говоря, я даже обрадовался. Как говорится, бьет — значит любит.

— Готов подставить и вторую щеку! Заслужил.

— Хватит с тебя. Еще раз такое устроишь — можешь считать, что мы незнакомы.

— Ого! Так сразу?

— А ты чего хотел? Чтобы я ночей не спала, по больницам и моргам звонила, пока ты пьяный где-то шляешься?!

— Галчонок, ну прости! Я же не думал, что так выйдет. Вообще-то приводов в милицию у меня раньше почти не было. Это всего лишь третий. Да его можно и не считать: меня же притащили как свидетеля.

— Все равно! Почему ты мне не позвонил?

— Ну все, не сердись, в следующий раз позвоню обязательно.

— Следующего раза не будет, я же сказала!

— Понял я, понял. Пойдем домой, пора уже баиньки.

— Спокойной ночи!

Она повернулась и почти бегом ринулась в плохо освещенный переулок. Я рванул за ней, догнал и несколько минут шел на шаг позади, не осмеливаясь заговорить. Черт, ну зачем я вообще связался с этим недоноском Грошиным? Пусть бы себе и дальше жил на коротком поводке у мамыши, мне какое дело? Не хватало еще такую девушку из-за него упустить!

Продолжение следует.

Марианна ТАРАСЕНКО

Кое-что о Марианне

Марианна Тарасенко родилась в Новосибирске, в младенческом возрасте эмигрировала в Таллин, где благополучно выросла и прожила всю свою сознательную жизнь. По свидетельствам очевидцев, как только научилась говорить, сразу начала всех поправлять и поучать и так допекла этим родителей, что по окончании школы была принудительно отправлена ими на филологический факультет Тартуского университета.

Получив диплом по специальности «филолог-русист, преподаватель», продолжала удовлетворять пагубное пристрастие к поучениям, работая сначала учителем в школе, а затем на кафедре русского языка Таллинского политехнического института. После того, как в начале 1990-х кафедру — за ненадобностью «языка оккупантов» — ликвидировали, еще пять лет проработала в школе. Распрощавшись с педагогической деятельностью, занялась журналистикой, по-прежнему продолжая поправлять и поучать все и вся уже со страниц газет, а в устной форме — коллег, которые относятся к этому снисходительно: как к неизлечимой, но не особо опасной форме душевного заболевания.

В настоящее время работает редактором (в том числе и литературным) выходящего в Эстонии на русском языке еженедельника «День за днем».

Где ваша «лингвистическая совесть»?

Рубрику «Пожалуйста, говорите по-русски!» я придумала лет пятнадцать назад для газеты «Вести недели плюс». В силу определенных причин грамотный русский язык (горбачевская гласность нанесла по нему удар, по сравнению с которым померкли даже залпы «Авроры» со всеми вытекающими из них последствиями) стремительно сдавал свои позиции, и надо было с этим что-то делать.

Наивно и смешно было полагать, что газета с очень небольшим по российским меркам тиражом, да еще издающаяся не в России, остановит процесс разрушения, но я рассудила так: если каждый русский филолог

сумеет пробудить «лингвистическую совесть» хотя бы в нескольких собратях по языку, то и это будет хорошо. То есть делай что должно, и будь что будет. Необходимо сказать, что автору очень помогли читатели, предлагая темы для очередных выпусков. Рубрика — признаюсь со свойственной мне скромностью — имела неожиданный успех. И довольно скоро, сначала в Эстонии, а в 2003 году — и в России (СПб.) вышла книга под тем же названием с подзаголовком «Пособие для тех, кто не желает быть смешным».

Сейчас кое-что изменилось. В частности, неправиль-

ные ударения в некоторых словах, о которых я писала, стали нормой. И дело не в том, хорошо это или плохо: язык постоянно меняется и развивается, и сколько бы мы ни выдирали волос, изменить этого нельзя. С другой стороны, появились новые неправильности, которых еще не было в конце 90-х годов теперь уже прошлого века. И пока горячие головы из инстанций, отвечающих за нашу родную речь, не признали за литературную норму и их, наверное, стоит снова попытаться что-то сделать. И если это поможет хоть кому-то, уже будет неплохо.

Я — домо... кто?

В прошлый раз мы беседовали о том, что людям, желающим прослыть тонкими, стоит задавать незваным гостям вопрос «чему обязан?», а вовсе не «чем обязан?», как это сегодня принято. Но не успела на полосе высохнуть типографская краска, как — снова по телевизору — я услышала совсем замечательный гибрид: «Чем обязан вашим визитом?»

Этот «галантерейный» вопрос хорош уже тем, что содержит в себе и ответ (не менее дурацкий): «Чем обязан?» — «Вашим визитом». Но оставим лингвистический бред на совести тех, у кого она — увы — в дефиците, и перейдем к новой теме.

То, как сурово действительность обошлась с некоторыми паронимами (словами, сходными по звучанию, но полностью или частично различными по значению), — тема отдельного разговора. Немного найдется людей, которые в состоянии понять, чем, например, «салатовый» отличается от «салатного», а «крокодиловый» от «крокодильего». В языке граница между рядом паронимов стерлась, и их значения слились. Помянем эти паронимы тихим незлым словом: их уже не спасти. Зато мы еще можем как-то помочь словам, которым, похоже, тоже уготована печальная участь.

Они могут являться паронимами или не являться, могут иметь разные корни и идентичные приставки, могут быть сложными и при этом «однокоренными по одному из корней» (да простят меня лингвисты), их значения могут в чем-то перекликаться, но никак не совпадать... Эти слова существовали рядом очень много лет и никогда друг другу не мешали. И вдруг их начали путать, да еще и с пугающей частотой. Однако довольно интриги, начнем приводить примеры.

Жертвой нашей безграмотности стала пара «домработница — домохозяйка». Первое из этих слов означает домашнюю прислугу, которая отвечает за всё. Это когда-то были горничные (старшие и младшие), лакеи, повара, кухарки, судомойки, экономки, камердинеры и дворецкие... А затем русская действительность превратилась в советскую: перед кухарками открылись невиданные перспективы, и

максимум, что могла себе позволить далеко не любая семья, — это «все слуги в одном флаконе». А если брать по минимуму, то наверняка каждая женщина хоть раз в жизни сообщала своим домочадцам, что она им не домработница. И значение этого слова было понятно каждому из нас с малолетства.

А были женщины, которые не работали. Но — по советской терминологии — считались не тунеядками, а иждивенками. Если мы используем данные слова в качестве ругательств, это чистые синонимы, но с точки зрения социальной разница между ними была существенная. Тунеядство преследовалось по закону и примерно наказывалось, а иждивенчество — нет. Живешь на средства мужа — стало быть, находишься на его иждивении, мирно варишь супы и воспитываешь детей. А если у супруга высокая зарплата — то сидишь на его шее свесив ножки, а супы тебе варит и детей твоих воспитывает кто-то еще. Но в обоих случаях ты называешься домохозяйкой (что и пишешь в анкетах в графе «место работы»), а «кто-то еще» — домработницей. Ощущаете разницу? И ни одна даже самая недоразвитая иждивенка в жизни не написала бы, что она — домработница. Особенно если последняя у нее имеется.

Время летело, домработницы встречались все реже. И вдруг мир перевернулся еще раз. Потребность в прислуге резко возросла, и повезло тем, кто сразу смог разжиться всеми ее разновидностями плюс четыре охранника и шофер. Менее продвинутым пришлось довольствоваться всего лишь домработницами, которых они — в силу своей врожденной грамотности и приобретенной культурности — начали называть домохозяйками. «Ты кулебяки-то сама пекёшь?» — спрашивает одна светская дама другую. «Вот еще! Домохозяйка моя пекёт!» — «А чего она туда ложит?» — «Да все ложит. И моркву ложит, и буряки ложит, и куру ложит...» И пошло-поехало: куда ни плюнь — у всех домохозяйки. Кроме тех, у кого вместо прислуги хорошее образование.

Разговор о паронимах, плачущих не видимыми миру слезами, мы продолжим в следующем выпуске.

Виктор ПРОНИН

Виктор Пронин вырос в Москве, в начале восьмидесятых получил образование в Московском электротехническом институте связи, работал по специальности, в начале девяностых окончил Московский государственный лингвистический университет как переводчик. Стихи Виктора Пронина публиковались в журналах «Юность», «Студенческий меридиан».

О ПОЭЗИИ

Поэзия в современном мире является уникальным средством селективного общения. Только начиная произносить имена любимых поэтов, человек определяет свой душевный код, идентифицирует

себя для других в духовном пространстве. Далее люди могут дружить, просто взаимно признавая значимость произнесенных поэтических строк.

Виктор Пронин

* * *

Она идет. Март. Сумрак. Лужи.
По скользкой коже мостовой.
Она одна, и город сужен
до липкой улицы одной.

Направо — фабрики, заводы.
Налево — лампочки общаг.
И позади любовь природы...
За шагом шаг, за шагом шаг.

* * *

Боярышник горит, как купина,
Трамвай бежит, посверкивая током,
И школьная стена просветлена
Проекцией его мелькнувших окон.

И вечер ясен, дышится легко —
Сменяя лето семьдесят второго,
Сентябрь рассеял дым его свистком
Хоккейного арбитра из Торонто.

На улицах не видно горожан,
Дворы пусты в часы телетрансляций,

Голубоваты окна, и дрожат
Ряды домов, когда забьют канадцам.

Возможно все, и, словно бы во сне,
Пока болеют, упиваясь матчем,
Стоять внизу и ожидать в окне
Осанки высвет в сумраке прозрачном.

Вполне возможно — долго ли начать —
И обыграть в седьмом-восьмом повторе
Ее лица навстречу благодать
На переменке в школьном коридоре;

И до сего момента видеть сны
О том, как на душе светло и пусто.
Возможно даже это объяснить
Невысказанным абсолютным чувством.

И гений места сыплет на следы,
Дорожками бродящие окрестно,
Прозрачными частицами слюды.
От дома детства до ее подъезда.

ГАЛИНА ПЕТРОВНА

За облачком сладкого шарфика —
«конфетка», конфетная фабрика.
Косынки мелькают и фартуки —
вечерняя смена идет.
Но с этого зимнего вечера
душа лишена чуда певчего —
Галина Петровна не встречена,
на вахте с улыбкой не ждет...

Дар божий — Галинапетровнина
улыбка с достоинством ордена,
когда она в кителе форменном
к труду допускала народ.
По каждому будто соскучилась,
смотрела не зло и обученно,
и, чая нетрезвого случая,
собою сужала проход.

Сегодня к ее фотографии
подходят проститься по правилу,
едва понимая, что прах она, —
с утра хоронить повезут,
и вспомнят, как после субботника

с портретами лучших работников
висел фотоснимок Заботиной,
и, может быть, вытрут слезу...

Работа вахтерская трудная,
следить за людьми — цель подспудная, —
она же была дружелюбная —
не знала, не помнила зла.
И часто по-дружески девочек
просила: «Получше конфеточек...
Мне к чаю...» и на табуреточке
сидела и чай свой пила.

Привыкли к Галине Петровне —
бывало, легонечко тронет,
и сердце работницы дрогнет
от желтой ладони сухой.
Бывало, так вцепится насмерть
в карманы Марины и Насти,
не същет — отшутится наспех
и даже помашет рукой.

На ту несуразность ворчали,
хотя меж собою прощали —
всегда сомневались: едва ли
работала в женской тюрьме
(прознал где-то грузчик Андрюха...).
Осколок недоброго слуха
застрял в общей памяти глухо,
догадки рождая в уме.

«Да если и так! — говорили
пропахшие крепко ванилью
рабочие — те, что кормили
столицу еще до войны. —
Ведь мы индустрию подняли,
а те, кто воров охраняли,
как есть санитары да няни,
с того и окрепшей страны».

Иные им то возражали,
что это ведь склонность, пожалуй;
бывали династии — жали
ту нивушку прадед и дед.
Бог весть, кто был прав... Завтра утром
на кладбище, ветром продутом,
пахнет свежевывнутым грунтом
и лягут гвоздики, зардев.

Но странно... Сотрудник покойной,
быв послан чуть свет за венком и
за лентой, где вязь «ОТ МЕСТКОМА
И ВОХРА» была б; весь изныв,
привез, непутевый, другое;
художник, философ в запое,
на ленту нанес золотое:
МЫ ВСЕ ПЕРЕД БОГОМ РАВНЫ...

Посыльный был трезв и спокоен...

КОКТЕБЕЛЬ

У этих мест имеется душа.
Порой вздохнет над каменными ликами.
Вот облаками тонкими шурша,
парит она над бухтой сердоликовой.

Она близка, как ночь. Она, душа,
и в берег бьет, и трется меж ладонями
овалами сырого кругляша,
где тишина и плеск друг друга поняли.

Под акварелью высохнет картон,
и море годы будет литься бликами,
но дно под морем ходит ходуном.
Как с этим быть? Как с чайными кликами?

Она обходит нас за кругом круг,
сменяет день, не тяготит заботами.
Она еще — и это важно — юг!
Она зовет! Они явились! Вот они!

Маргарита СОСНИЦКАЯ

Маргарита Сосницкая — автор книг, очерков, статей.
Ее Константиново — село Рудовка Луганской области.

В 1985 году окончила Литинститут. В самиздате вышли два поэтических сборника «Опиум отечества» и просто «Поэзия». Дебют прозы произошел в Италии: в издательстве «Фелтринелли» в переводе вышла повесть «Званный обед». В Москве в «АСТ-Астрель» изданы роман «София и жизнь» (2003) и сборник прозы «Четки фортуны» (2008), в издательстве «Совпис» — сборник рассказов «Записки на обочине» (2002), публицистических работ «Трава под снегом» (2004) и «Книга Притч» (2008). Участвовала в сборнике «Русские в Италии». Многочисленные статьи, эссе, рассказы, поэтические подборки появлялись на страницах различных газет, журналов и в сети Рунета. Сборник поэзии хайку «Стихи на веере», «Книга Притч» и роман «Битва розы» опубликованы на сайте <http://software.xoom.it>. Член Союза писателей России.

ПРОЕКЦИЯ ДОСТОЕВСКОГО В ПОСЛЕДНЕМ РОМАНЕ И. С. ЛУКАША

НАБЛЮДЕНИЕ

Не существует писателей, у которых бы не было литературных предков.
Владислав Ходасевич

В качестве литературных предков романа Лукаша «Вьюга» Владислав Ходасевич называет Достоевского и Лескова. Мы же отмечаем родство Достоевского и Лукаша в романе «Бедная любовь Мусоргского», к которому в полной мере относится окончательное заключение Ходасевича по поводу происхождения Лукаша от Достоевского: «Но сам Лукаш, и — подчеркиваю — не как литератор, а именно как человек, сложился под очень заметным влиянием героев Достоевского. Он сам — как бы из их числа, он сам — как бы “из Достоевского”. Не пишучи по Достоевскому, он по Достоевскому чувствует, и на мир, и на собственных своих героев смотрит как бы глазами героев Достоевского»¹.

1. Проекция из «Преступления и наказания». Анна Манфред — литературная «кузина» Сони Мармеладовой. Они даже внешне похожи. «Это было... худенькое и бледное личико, довольно неправильное, какое-то востренькое, с востреньким

маленьким носом и подбородком»², — так описывает свою героиню Ф. М. Достоевский.

А вот какой впервые увидел свою возлюбленную Мусоргский И. С. Лукаша: «Перед ним стояла молодая женщина или девушка, худенькая, в короткой шубке и платке, повязанном поверх шляпки. Он увидел сквозь косое мелькание ее тонкое остроносое лицо с темными, близко поставленными глазами...»³.

Два автора, два петербургских писателя даже слова выбирают одинаковые для характеристики (худенькие) своих героинь и отмечают в них одинаковые черты.

И завершение портрета героинь делает их обеих трогательными, вызывает сострадание, участие, придает им индивидуальные черты:

1) Соню «даже нельзя было назвать и хорошенькою, но зато голубые глаза ее были такие ясные, и, когда оживлялись они, выражение лица ее

¹ Лукаш И. С. Сочинения. М.: НПК «Интелвак», 2000. Т. 2. С. 386, 387.

² Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. Собр. соч. Т. 5. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1957. С. 247.

³ Лукаш И. С. Т. 2. С. 228.

становилось такое доброе и простодушное, что невольно привлекало к ней»¹. (Для продажной женщины это весьма неудачный образ, ибо получилась она не циничной, вульгарной особой, а невинной простотой.)

2) «Он увидел... ее оренбургский платок, завязанный на груди крест-накрест узлом, и на маленькой руке нитяную перчатку с порванными пальцами»².

Разве не хочется взять и согреть озябшие пальцы бедной арфистки? И действительно, «тревожная и сладостная жалость к девушке тронула Мусоргского»³.

Почти такие же чувства, с некоторой разницей в нюансах, вызывает и Софья Семеновна Мармеладова в душе Раскольникова: «Но, взглянув пристальнее, он вдруг увидал, что это приниженное существо до того уже принижено, что ему вдруг стало жалко»⁴.

И Мусоргскому, и Раскольникову жалко своих избранниц, к тому же коллег по профессии.

Как Соня, так и Лиза отличаются инфантильностью. «...Несмотря на свои восемнадцать лет, — подмечает в Соне Раскольников, — она казалась почти еще девочкой, гораздо моложе своих лет, совсем почти ребенком...»⁵. И Мусоргского «тронуло, как попутчица, идя с ним в ногу, по-детски размахивает рукой в нитяной перчатке»⁶, или «он вспомнил арфянку, полудевочку с худыми плечами...»⁷ и др.

Но поскольку Анна хронологически «младшая» «кузина» Софьи, то можно сказать, что Анна похожа на нее, написана под влиянием ее образа, между тем как Софья первородна в литературе.

Прелюдия к образу Анны Манфред стоит в послесловии к ее жизни: «Некая женская тень, — Известная, — прошла по жизни Мусоргского. Он потерял кого-то в конце пятидесятых годов, и вся жизнь его превратилась в безутешное одиночество»⁸. Но появление этой тени предвещает стройная, организуемая мелодия: «В свисте падающего снега, в тысяче приглушенных звуков стал слышать одну сильную мелодию, проносающуюся в мелькающей смуте.

Песня была так необыкновенна, прекрасна, грозна, что дрожь восторга проняла Мусоргского. <...> Он шел, как слепой пророк, услышавший Божье

откровение»⁹. За пением раздался звон арфы. «Пение и арфа были до того нечаянны, что Мусоргский снял фуражку и перекрестился»¹⁰. Арфа, ее звучание становятся сопровождением образа Анны на протяжении всего романа. И, конечно же, женщина, способная на такое пение, не может быть порочной, внутренне разложившейся. Эти страдания высекают из ее души ту прекрасную песню, она сама говорит: «Душа моя истасканная, несчастная»¹¹. На что Мусоргский ей отвечает: «Мы оба слышим небесные голоса»¹². То есть он слышит музыку, потому что талантлив, она — потому что страдала. Мусоргский таким образом ставит знак равенства между собой, национальным гением, и падшей уличной певичкой.

Эпиграфом к образу, а больше к душевному состоянию Анны Манфред могли бы послужить строки М. Ю. Лермонтова:

Я к состоянью этому привык,
Но ясно выразить его б не мог
Ни ангельский, ни демонский язык:
Они таких не ведают тревог,
В одном все чисто, а в другом все зло.
Лишь в человеке встретиться могло
Священное с порочным¹³.

И Лукаш на протяжении всего повествования выступает адвокатом, душезащитником Анны; жизнь толкает ее в грязь, а автор терпеливо вытаскивает ее оттуда руками Мусоргского, отмывает, восстанавливает ее достоинство. Явлению Анны Мусоргскому, а заодно читателю, предшествует необыкновенная музыка. Она покоряет сердце композитора, и Анна вступает уже на завоеванное для нее поле.

Лукаш — любитель и мастер всяких сценических, театральных, кинематографических, одним словом, зрелищных эффектов. И впервые Анна появляется в клубах пара: «Стеклянная дверь задрезбуждала, затолкалась вбок, с паром, помутившим фонарь, вырвался трактирный гул, и на площадке лестницы показалось необыкновенное существо, как бы слегка горбатое, крутой тенью подымалось за ним сквозное крыло»¹⁴. Здесь возникает эффект дежавю: подобное можно увидеть в фильме известного немецкого кинорежиссера Вима Вендерса «Небо над Берлином» (1987), в нашем прокате — «Крылья желаний» (а параллели с ним, ergo, с Лукашем, существуют, например, в творчестве ныне здравствующей

¹ Достоевский Ф. М. Там же. С. 247.

² Лукаш И. С. Там же.

³ Там же. С. 229.

⁴ Достоевский Ф. М. Там же. С. 245.

⁵ Там же. С. 247.

⁶ Лукаш И. С. Там же. С. 229.

⁷ Там же. С. 233.

⁸ Там же. С. 342.

⁹ Там же. С. 227.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 301.

¹² Там же.

¹³ Лермонтов М. Ю. Сочинения. Т. 1. М.: Правда, 1988. С. 78.

¹⁴ Лукаш И. С. Там же. С. 228.

шей московской поэтессы Марианны Орловой). Но фильм в хронологическом порядке является дежавю по отношению к роману «Бедная любовь». Ведь роман написан гораздо раньше, чем снято кино. То есть складывается ситуация-перевертыш, когда И. С. Лукаш в своем творчестве предварил темы, образы, появившиеся в искусстве позднее, после него, но до сведения масс его первооткрытие доходит задним числом.

И главная героиня, предмет бедной любви Мусоргского, предстает перед нами как крылатое существо.

Но вскоре об этом крылатом существе, подарившем Мусоргскому небесную музыку, он будет думать не иначе как «плоть, плоть»¹. А плоть — это «беспощадная сила, тьма», которая «повалила, победила и вот сбросила на пол его тело»². Ловушка захлопнулась: пение Анны похитило душу Мусоргского, плоть ее победила его тело. Он оказался в ловушке наполовину из света («Вечная победа света и есть музыка»³), наполовину из тьмы, то есть в такой ловушке, где есть все, где больше ничего и никого не надо. Даже Лизы Орфанти. А ведь «с какого восхищения началось, со слышания небесной музыки, райских арф... а кончилось тем, что он купил за пять целковых уличную потаскушку. Он опаскудил, охулил все. Он осквернил чистую любовь к Лизе...»⁴.

Мусоргский пытается построить отношения с Анной как порядочный человек. Он берет ее к себе в дом, пополняет ее гардероб, предлагает руку и сердце. Но это вызывает у девушки истерику и душеизлияния о своем прошлом, которые должны были бы освободить ее от этого прошлого, но оно оказалось таким тяжелым, настолько травмировавшим хрупкую полудетскую душу, что освобождения не произошло. Наоборот, воспоминания и исповедь всколыхнули осадок в душе, пробудили угрызения, самонепрощение, которые и толкнули позже Анну в холодную неводную воду. Мусоргский попытался спасти ее и спас бы, если бы она не помешала ему сначала, сбегав от него, потом сведя счеты с жизнью. Читатель все время опасается, что она именно так и делает. Все еще хорошо, ничего непоправимого не случилось, но шарманка нагоняет «безнадежную копеечную тоску»: «Никто нас не разлучит, / Лишь мать сыра земля...»⁵. И сердце никнет в то скливом предчувствии трагедии. Даже светлые посылы, возникающие от появления сначала Божьего

человека Анисима, затем тишайшего, вежливого жильца сверху, не рассеивают до конца этого предчувствия, напряженного ожидания беды. Мусоргский не видит тела утопленницы, он проходит пусть рядом, но все-таки стороной. Весь удар приходится на долю читателя. И дальше страница переворачивается, действия уже происходят четверть века спустя, таким образом читатель был брошен переживать трагедию без участия со стороны автора, в одиночестве, оставлен на произвол своего воображения и сострадания.

Анне больше повезло, чем Соне: она встретила не жалкого студента-убийцу, а талантливого композитора, человека творческого. Он сделал для нее все, что мог сделать благородный человек. И трагическая гибель Анны произошла совсем не по его вине. Это сработала мина замедленного действия, заложенная несчастным детством, улицей, сиротством, насилием. Они обе, Соня и Анна, на одних и тех же мостовых имперского города, рядом с дворцами и особняками, утопавшими в роскоши, были вынуждены отдавать прохожим свое тело, чтобы это тело и тело семьи не погибло с голоду. И только такая причина может быть уважительной для русских женщин, ступивших на путь самой древней профессии.

Но преданная любовь Сони Мармеладовой к запутавшемуся в трех соснах Родиону становится для него спасительной, открывает перед ним новую жизнь, а вот Аня Манфред своим самоубийством губит великого человека, доведя его до отчаяния и пьянства. И Родион, и Анна не имеют элементарных понятий о простейших устоях бытия. Оба нарушают аксиому «не убий», которую только война полномочна отменить на время. Можно сказать, что Раскольников, душевнобольной студент, и Анна Манфред, уличная девушка, находятся на одном уровне сознания. До встречи с Анной Модест Мусоргский «никогда не пил вина, брезговал пьяными». А заказал ей «хереца» и впервые «с отвращением отпил глоток густой тошнотавой жидкости, ожегшей рот»⁶. Анна же сама потом и бранит себя: «Это я тебя, подлюга, к вину приучила»⁷.

От вина Модест перешел к водке. Приехав к матери в Торопец после бегства Анны, он просит пологого: «Дай, братец, водки...»⁸ и напивается в дым. Вот тогда над головой бедной матери «грянул настоящий, темный гром: ее сын пьяница, пропащий человек»⁹. Самое большое обещание, которое он может ей дать, — это «я буду жить, даю вам честное

¹ Там же. С. 245.

² Там же.

³ Там же. С. 252.

⁴ Там же. С. 246, 247.

⁵ Там же. С. 312.

⁶ Лукаш И. С. Там же. Т. 2. С. 242.

⁷ Там же. С. 301.

⁸ Там же. С. 310.

⁹ Там же. С. 311.

слово»¹. И на фоне его отчаяния и последовавшего самоубийства Анны это звучит очень неслабохарактерно и серьезно. И сын сдерживает слово, данное матери. Он будет жить, пока хроническое пьянство не загонит его в могилу. Но поскольку к пьянству его приохотила Анна Манфред, можно сказать, что это она загнала его туда до срока. Не зря он думал, что «Бог простит всех пьяниц, какие есть на свете»². Ведь он был не виноват в своем пристрастии к зеленому змию, его толкнула к нему в объятия женщина. Анна Манфред — великая грешница. Потому что милосердный Господь не поспешил, бросил ей такой избранный жребий, как быть подругой и подвижницей великого человека и тем помочь ему не поле перейти, а жизнь прожить и заодно спасти свою истерзанную, падшую душу, а она сочла себя недостойной Его милости, отвергла ее, лишив себя, как ответил митрополит Московский и Коломенский Филарет (Дроздов) на стихи Пушкина, дара не случайного, дара не напрасного, жизни, которая от Бога нам дана³. То есть одним жестом она оттолкнула три небесных дара: жизнь, любовь и стезю высокого служения. Не смогла преодолеть всего терзания и боли за пережитые надругательства над собой, но Мусоргский ей помог бы в этом, если бы она предоставила ему такую возможность. Но, увы, погубила и себя, и его, и сделала бессмысленным самоотречение Лизы Орфанти.

2. Две героини — один образ.

Лиза Орфанти и Анна Манфред — это в какой-то степени кожура и яблоко лучшей половины Модеста Мусоргского или же предназначенного ему образа Вечной Женственности, его суженой. Они дополняют друг друга, создавая полное равновесие, в том числе равновесие между жизнью (Лиза) и смертью (Анна).

Если Анна — это преимущественно темное, плотское начало, то Лиза — чистое и духовное: «Эта девушка во всех движениях, в том, как наклоняла голову, как садилась, распуская с приятным тихим шумом шелковый кринолин, как шла, как смотрела спокойно и чисто глазами, полными света, напоминала Мусоргскому Мадонну»⁴. И Бетховена она играла, «точно молилась». Они обе играют на музыкальных инструментах: Анна на арфе, ставшей откровением ее скрытой ангельской сущности, Лиза на фортепьяно. Не только музыка делает двух героинь сестрами, кожей и яблоком, но и чувства Мусоргского: «...он любит Лизу как ни один человек

на свете не любил девушку, и он создаст для нее прекрасную жизнь, необыкновенную»⁵.

Но и Анна не есть воплощение исключительно плоти. В некоторые моменты ее озарял изнутри чистый свет, пробуждались «в ней все чистые матери, бывшие в ней и до нее, и сама Пречистая Матерь-Дева»⁶. А вот в Лизе никогда не сгущается тьма, она всегда безмятежна в своей безгрешной чистоте и лучезарности.

Чувства Лизы к Мусоргскому тоже возвышенные и бескорыстные. Эти чувства, кстати, повод для Лукаша заявить, насколько он свободен даже от малейшего намека на западничество. **Оценка его иностранцев** — трезвая, чисто русская, непреходящая. Он излагает эту оценку через восприятие Лизы Орфанти ее потенциальных претендентов на руку и сердце, показывая таким образом ее ум, интеллигентность, способность видеть внутреннюю сущность людей: «Эти молодые люди — богатые голландцы, англичане и немцы — показались Лизе похожими на хорошо отшлифованные стекляшки. <...> Они... впитывают в себя все лучи жизни, хорошо отражают их, но сами для жизни совершенно ничто»⁷. Богатым и преуспевающим хозяевам жизни, магнатам солонины и какао в новой упаковке, она предпочитает «белокурого бедняка-офицера, неизвестного миру музыканта»⁸.

Впрочем, ничего так не лечит от западолюбства, как Запад. А Иван Созонтович большую часть жизни прожил именно там.

Пути Лизы и Анны неоднократно перекрещиваются. Первый раз — когда Лиза приходит к Мусоргскому домой и слышит за дверью «жадные, смутно спорящие голоса»⁹. Лиза только видит Анну в приоткрытую дверь, но по общей картине хаоса и запустения понимает все: «Чувство брезгливого стыда и отчаяние охватили ее»¹⁰.

Второй раз при встрече обе избранницы — кожура и яблоко — вступают в разговор. Встреча описывается в главе под названием «Серафим»: «Мгновенно они (кожура и яблоко. — М.С.) изумленно, молча смотрели друг на друга.

<...> «Чудная какая девушка», — подумала Анна с тревогой и стеснением. <...>

— Вы к Модесту Петровичу? — смущенно сказала она.

Лиза узнала молодую рыжеволосую женщину,

¹ Там же. С. 312.

² Там же. С. 319.

³ <http://www.pravoslavie.ru>

⁴ Там же. С. 219.

⁵ Там же. С. 221.

⁶ Там же. С. 295.

⁷ Там же. С. 271.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 263.

¹⁰ Там же.

побледнела и, чувствуя, что бледнеет, мановением руки накинула на лицо вуаль. <...>

— Я... Нет... Здесь живет господин Петров?

Лгать Лизе было мучительно. Анна поняла, что девушка лжет...»¹.

Правда осталась за кадром или между строк. И обе ее понимали, хотя она была скрыта обманными словами. Эта встреча подлила масла в огонь терзаний Анны: «Стыдно вам, — бросит она в лицо Мусоргскому, — когда могли такую девушку, как она, обидеть... И с кем? С тварью эдакой, как я... Ну, я уйду...»². И она — увы — сдержит свое слово. Уйдет и от него, и из жизни.

У Лукаша несколько «царское» отношение к своим женщинам в романе: они обе у него не совсем русские. Одна англичанка по матери, другая — южная австриячка по отцу: «Орфанты был не итальянцем, а южным австрийцем. Его крупная голова, седая, пышноволосая, была, можно сказать, величественна...»³. Именно южная австриячка, а не итальянка. Эта деталь очень важна. Ибо итальянцы и австрийцы — это совсем разные антропотипы. Если австрийцы похожи на славян, то итальянцы в массе своей скорее на цыган; Дмитрий Мережковский вообще рассматривал их как четвертую расу.

Но почему отношение «царское»? Потому что русская женщина не могла стать русской императрицей в силу существовавшего закона. У Лукаша в этом романе просто русская женщина не попадает в главные героини. Ведь Анна Манфред — плод воображения. Почему-то оно не породило Анну как дочь русской гувернантки, а непременно англичанки. Или это есть результат подсознательного притяжения всего российского к Европе? Ведь если отслеживать траекторию выплесков индоевропейского переселения на территории нашего континента, то оно всегда проходило из Азии, через русские равнины в Европу. И это вошло в наше подсознание уже как рефлекс на генетическом уровне. Ведь не зря для Лукаша так важно, чтобы госпожа Анна Манфред была «нездешней английской»⁴. У здешней русской его герой не сподобился бы, вероятно, просить оказать ему честь стать его женой.

Но в любом случае «полурусскость» характерна и для Лизы, и для Анны.

Явление Лизы Анне высекло искру излиний Мусоргского, стало толчком к приобретению башмаков у венца Вейсса на Невском, повлекло предложение Анне руки и сердца — одним словом, взбудоражи-

ло всех. Но только возникает вопрос: кто же здесь Серафим? Лиза, Анна или же сам Серафим на иконе? «Солнце осветило образ, и Мусоргский впервые увидел на нем высокого ангела с копьем в каленом красном плаще, в синих латах, в плетеных красных сандалиях, с осыпанной олифой. Ангельский лик был освещен сильно, желто, и Мусоргский узнал этот узкий лик с громадными, близко поставленными глазами, узнал эти красноватые короткие волосы, откиннутые назад под ударом незримой бури. Страшное сходство с Анной заставило его содрогнуться»⁵.

Но не одна Анна здесь Серафим. Сначала, как Серафим, является Лиза. Затем в Анне проступает непорочность Пречистой Девы, и она напоминает Мусоргскому Серафима, сливается таким образом с ним в его воображении. Но и Серафим не теряет своего значения ангела-воина. Он вопиет о справедливости. Анна понимает, что она заняла место другой девушки, более достойной, по ее мнению, и самоустраивается.

Но апофеозом пересечения Анны и Лизы, двух избранниц одного сердца, является их третья встреча. Для покойной Анны она заочная, а вот Лиза, которую Мусоргский заставляет примерить башмаки, заказанные когда-то для Анны у венского башмачника, практически примеряет на себя шкуру Анны. «Мусоргский стоял перед нею на коленях. Башмак пришелся Лизе как раз.

— Вот видите, видите, — обрадовался Мусоргский, я же говорил, что впору...

И погладил башмак»⁶.

Башмак Анны идеально подошел Лизе — и это становится доказательством сказанного Мусоргским чуть раньше: «Кто вы такая, Лиза Орфанты?.. Чудно сказать, но я никогда не забывал вас. И точно вы и Анна — одно... Только двое: одна земная, другая небесная... Но мелодия одна»⁷. Вот кожа и яблоко слились в одно целое. Кожа и яблоко, разлученные по воле христианской морали. Потому что случись эта история где-нибудь в Багдаде, под покровом тысячи и одной ночи, никаких бы таких мук, терзаний, а тем паче суицида не произошло бы. Но отношение Лукаша-Мусоргского к Богу, религии — глубоко набожно: «Все мистерия... Каждый человек повторяет Его Распятие. <...> Помяни мя, Господи, во Царствии Твоем»⁸. Так может говорить только глубоко верующий человек.

¹ Там же. С. 292.

² Там же. С. 293.

³ Там же. С. 218.

⁴ Там же. С. 294.

⁵ Там же. С. 291.

⁶ Там же. С. 357.

⁷ Там же. С. 356.

⁸ Там же. С.357

Нина САРАПИАН

Нина Сарapiан родилась в 1982 году в Ереване в артистической семье. Внучка знаменитой армянской пианистки Кетти Малхасян, под руководством которой с шести лет начала осваивать фортепиано. С девяти лет давала сольные концерты. Окончила Московскую консерваторию в 2006 году. Лауреат нескольких музыкальных конкурсов. Пишет рассказы и делает к ним иллюстрации. В 2009 году выпустила в «Библиотеке “Огонька”» книжку «Анжелотти». В журнале «Юность» публикуется впервые.

От редакции.

Лев Аннинский в № 11 журнала «Юность» за 2011 год в «20-й комнате» с исчерпывающей полнотой высказался о рассказах молодого музыканта Нины Сарapiан: «В сущности — пронзительный образ мира, застывшего между катастрофами в плену вещей, смысл функционирования которых утерян...»

Очень странные, необычные и противоречивые рассказы Нины Сарapiан, заставившие себя уважать суровых критиков, были опубликованы в журнале «Дружба народов».

После столь стремительного дебюта журналу «Юность» ничего не остается, как гостеприимно распахнуть свои страницы не только замечательному музыканту, но и начинающему писателю.

Представляем на ваш суд несколько этюдов, или литературных всполохов, Нины Сарapiан, бурно и неудержимо, словно музыка Скрябина, продирающихся сквозь тернии к славе!

Рисунки Елизаветы Горячевой

Всполохи

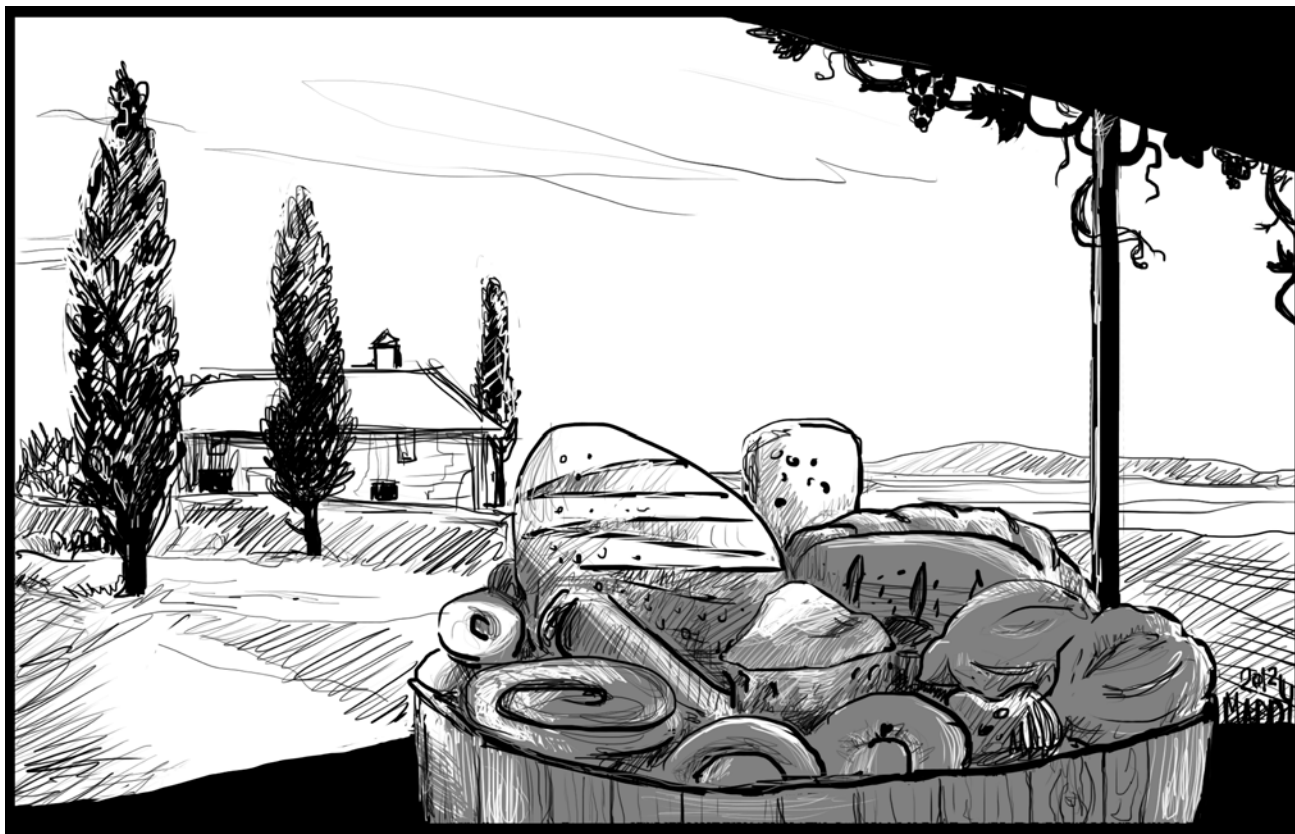
Творчество

— Тоскана, детство. Мое дарование раскрылось благодаря тому воздуху, — говорит Микеланджело, пока булочник, похожий на иллюзиониста, не накрывает его темной тканью. Шествие идет дальше, не успев вдохнуть «того» воздуха, вдруг на них накатывают детства Параджанова и Феллини: смешанные, яркие калейдоскопы их душат, но вот они выныривают, понимая, что это уже Рене Магритт передает им свое впечатление о тонущей по частям матери.

Булочник уже привык. И к своему богатому наследству относится спокойно, считая, что важнее всего печь хлеб. А желающие творить, не ограничиваясь злаками, смотрят на аккуратно поставленные,

разливные, красочные кубики с детствами и вожделенно слушают господина булочника. Теперь, сравнивая картины, находя нюансы и совпадения, он становится настоящим профессионалом. Но это не искусствоведческие тонкости на грани расследования, а реальные краски, перетекающие из прошлого, ограниченного несколькими годами детства, во все это пожидающее будущее.

Господину булочнику нравится его новая аналитическая деятельность. Он распяляется, открывая в себе дремлющий в муке пафос, и, делая два резких движения рукой, восклицает: «Вот как бы выглядело Его творчество, если бы Он не вырос среди кам-

ней, куда из-за раскаленного солнца стремительно заползали изумрудные ящерицы».

И это только один из впечатляющих примеров, так как разница между картинками была огромная.

Каждый выросший в панельных стенах или под стеклом зимнего сада хотел оторвать себе кусочки от солнца и под строгим взглядом хозяина засовывал руку в горящий котел, а потом стремился домой или в мастерскую и всегда оставался довольным брызнувшим на него вдохновением.

Вечером, когда хозяин булочной отдыхал, придумывая новые виды маковых рулетов, к нему зашел посетитель.

— Я уже не принимаю, — сказал булочник, стараясь не отвлекаться.

Посетитель сел, оглядел квадратики, накрытые тканью, и спокойно, давая знать, что он все давно обдумал, сказал: «Я хочу купить все». А через месяц, здесь же, он кричал: «Они не действуют».

И хозяину снова пришлось отвлечься, так как от этого зависела его репутация.

Пройдя по улице к будущему художнику и осмотрев, как врач, свое бывшее состояние, булочник понял: они не действуют все вместе, утрамбованные насыщенностью. Их надо разрядить пустым квадратиком. И он подарил свое собственное детство,

когда, скучая, ждал школьной перемены, не ожидая, что окажется в такой коллекции.

Кубики, тяготея к пространству из пустого квадрата и заполняя его по часовой стрелке, стали двигаться друг за другом слаженно, рисуя фигуры.

А на следующий день, с раннего утра вырезая печенье диковинных форм, булочник хвастался соседям, что своим школьным прошлым заставил заиграть воздух Тосканы.

Гении

Гениальность находится под прямыми лучами.

Сидеть же под щадящей лампой дневного освещения намного тяжелее: посредники давят прошлым опытом.

Тесла и электричество, лампа и Ильич, Попов и другие, все налепляются на светильник жужжащей шубой.

Правда, под ней тепло, и компания великолепна, но самое теплое место не на кухне.

Гениальность в отдалении от берега.

Только приблизится, не дай бог причалит, тут же и пена, и моча, плеск, визги.

Общее — позор для гениальности, как для порядочной женщины вопрос: от кого ребенок?

И самое страшное — свои же сомнения: а вдруг не от Бога?

И унижительные припоминания: с кем были Альбертиевы басы, а с кем — повторяющиеся секвенции.

Да, гениальность не стремится к первенству, в отличие от гостиничных клиентов, которые, не сговариваясь, стекаются в фойе первого этажа, чтобы скрасить и скрыть одиночество...

Под прямыми лучами не жарко.

Хоть и сгорает все, не откладываясь, в идеальном обмене веществ гениальности.

При этом ест она все.

Как и миллиарды лет, бьются тела людей, совокупляясь — походя похотью или любя, ожидая или лениво, насильно или надежно, но все, как правило, зная наперед.

И только выйдя на финишную прямую короткого коридора оргазма, знания поколений стираются широкоглазо учащенным вопросом: Что Это?

Так, в музыке «Кармина Бурана» придался тайный, ставящий на колени смысл, трем самым обычным нотам.

Нехитрым, даже не прячущимся звукам, до этого веками идущим друг за другом, опустив головы в мягких скрюченных фалангах пальцев школьников.

А посредственности утешаются влюбленностью. Так заполненный в сердце образ не дает приобрести новое...

Но не все, что новое и простое, гениально: удивительные изобретения политиков, такие как плата за воздух страны отлетающего самолета, долгие годы поражают пассажиров. Но несмотря на то, что созданная странность не приедается и подготовленные сознания, заняв свои места, уже рожают лубые картины, залитые водой бортпроводницы, это не просто.

Ведь гениальное только к лучшему.

Сталин

Самолет сделан по макету города. Огромный, с библиотекой, работница которой мило рассказывает о своем деле.

— У хозяина любовь ко всему гигантскому, — шепчутся, готовясь к взлету. Девушка, случайно попавшая на борт, потрясена. Этот человек представляется ей великим. Говорят, что он многим управляет — как опытная женщина, мелькнуло у нее в голове, также просчитывает психологию каждого, успевает одновременно оказываться в нескольких местах, где все ждут, не зная ее качеств. Она никогда не успокаивается, хоть и кажется воплощением достоинства.

Гигантский самолет взлетает, но никто не замечает этого, настолько он большой. В Читальном зале спокойно. Полная библиотечка с короткой стрижкой выглядит настолько благобно, что масштабы не пугают. Кажется, так и полагается: вместо коридора — улица, кабинка пилота на седьмом этаже, откуда лучше видно, хотя все равно самолет уже в небе. Впрочем, это никому не известно. Может, он застыл, как натурщица, с остановившимися глазами. Ей не велят двигаться, а она находит в этом удовольствие и, выпрямив спину, давно не чувствует напряжения. Руки ее кажутся длиннее, и когда падают на сложенные, как у сфинкса, колени, успевают сделать несколько волн. Действительно, если бы она взлетела, как наш самолет, никто бы не удивился. Но ее кожа множество раз обмотана тяжелой тканью, делающей ее похожей на камень телесного цвета.

Так проходит долгое семидесятилетнее утро. Белое и протяженное. Скатерти даже будто не сменяются, настолько они свежие и вечные.

И все же приходит момент, когда за дело берутся врачи. Они осматривают хозяина и под его гигантскими прозрачными глазами обнаруживают странную оптическую ошибку. Маленький юркий атом он держал в руке широким мертвым пластом.

Оказывается, Сталин видел все в увеличенном виде и поэтому везде достигал такого же эффекта. Но вскоре все распалось на множество стран.

Мифология

На большом облаке, как всегда, играли дети. Их горящие азартом лица освещались добротой, и они казались позолоченными, в прозрачной пыли, в сетях своих тонких волос. Но один ангелочек выделялся из общего роя и играл сам. Его звали Агрессивным ангелочком, и эти два не сочетающихся между собой названия считались позорным, но он не обижался, продолжая вмешиваться во взрослые дела.

«Оставь рыбок в покое!» — страдательно кричал ему учитель, похожий на тихую восковую фигуру. «Сколько ты уже угробил. Займись лучше погодой, это не так опасно», — сокрушался восковой учитель. И легкий, игривый, искристый дождь прыскал на землю несдержанным смехом, но как только все отворачивались, ангелочек снова открывал ладонью океан, с упорством врача брал свои инструменты, через увеличительные стекла изучал мельчайшие икринки и с жесткостью человека пытался вывести новые породы. Виноградинки яйцеклеток безостановочно вылуплялись, быстротой соревнуясь с пузырьками, глотающими друг друга в бессменном процессе дыхания.

«И несчастные поколения стали рождаться. С вывернутой наизнанку памятью и с полностью искаженной информацией о времени и месте обитания», — отчитывался учитель перед Богиней, пытаясь сделать это как можно красивее.

Богиня стояла в темно-бирюзовом платье, а на груди у нее был приколот огромный ирис с золотой круглой жемчужиной в глубине. Ей не приходилось менять эту брошь — голова ириса росла, открываясь и шевеля лепестками, уходила корнями в грудь Богини, как в землю. Строгая осанка и весь ее вид говорили, что в любую секунду она может раствориться в своей бирюзовой свите, и поэтому учитель очень спешил.

— Агрессивный ангелочек не слушается, — комкал он слова, — и я не удивлюсь, если Земле придет конец.

Богиня побледнела, вдруг разоткровенничавшись с учителем.

— Очень жаль, там есть хорошие люди, — вспоминала она темноволосого инженера, покоровшего ее своей обычностью.

Он ничего не мог. И даже не хотел летать, заклипать дожди, останавливать время. А его чертежи были так наивны, что Богиня сразу же влюбилась в него.

— Могу я задать вам один вопрос? — спросил ошеломленный учитель, когда ее глаза открылись.

— Как вы посмели подумать! — разгневалась она, читая мысли учителя на образовавшемся сзади него облаке. И от ее гнева вокруг стало тепло, как под красочным солнцем. Это было приятно, если не считать легких укусов электричества — словно удары плетью в разные стороны танца медузы.

Оставшись одна, Богиня решила отвлечься и собрать жемчужины в своих ирисах. Это было ее изобретением, но иногда слишком напоминало росу.

Агрессивное поведение ангелочка не составляло загадки для матери. Просто ее удивляло, что он так быстро вырос и многое вспомнил, а значит, пора открыть ему все. И она уверенным шагом прошла в детскую.

Веселое копошение золотых муравьев — подняв свои ангельские озорные лица, обхватили мать за длинные ноги, и в таком обрамлении она тяжело прошествовала к сыну.

Он сидел один, его темный взгляд, всегда скрывающий удар, сейчас спал, но заметив мать, он тревожно зашевелил бровью, как преступник, не рискующий отдышаться.

«Ты думаешь, что космическая пыль, или начало всего, — наше прошлое? — тихо спросила королева. — Но люди, которых мы презираем, — это тоже мы, только давно. А животные и растения, — нанесла она последнее оскорбление, — наша забытая часть».

Ее спокойствие было состраданием, и, находясь рядом с ней, не возможно было не верить.

В эту ночь плач отстраненного ангела сотрясал все вокруг. Его рев убивал Богиню. В тревожном материнском сне ей даже казалось, что он лает. Но она впервые не зашла к нему пожелать спокойной ночи.

Выйдя в сад, она бережно положила жемчужины обратно в цветы, чтобы утром снова найти их и удивиться.

«Завтра он учинит страшные ливни, — почувствовала королева, — но я не стану отменять их, — сказала она, посмотрев сквозь прозрачные стены на взрослое лицо своего ребенка, и шепотом повторила: — Не стану отменять».

Оливер ОНИОНС

Евгений НИКИТИН

Раздел ведет Евгений НИКИТИН

Джордж Оливер Онионс (1873–1961) — английский писатель, опубликовавший более сорока романов и сборников рассказов. Окончил художественное училище, работал книжным дизайнером, журнальным иллюстратором; позднее начал писательскую карьеру. Первые его произведения публиковались с его иллюстрациями. Помимо детективов, исторических новелл и научно-фантастического романа «Новая Луна» (1918) Онионс написал несколько сборников историй о привидениях, самый известный из которых — «Против хода солнца» (1911). Лауреат премии Джеймса Тейта Блэка за новеллу «Гобелен бедняка» (1946). Оливер Онионс — мастер психологического хоррора — считается в Англии одним из лучших в своем жанре. Его произведения отличаются блестящим стилем, психологической глубиной и сложностью сюжетных построений. К сожалению, русскоязычным читателям творчество Онионса практически не известно.

ПОРТСИГАР

Рисунок Анны Дудяковой

— **Е**ще сигарету, Лодер? — спросил я, протягивая портсигар. К этому моменту Лодер перестал дымить и уже довольно долго хранил молчание.

— Спасибо. — Он взял не только сигарету, но и сам портсигар. Остальные продолжали беседовать; Лодер снова умолк, но я заметил, что он сжал мой портсигар в руке и время от времени поглядывал на него с интересом, не объяснимым ни внешним видом изделия, ни его ценой. — Хорошая вещь, — заметил Лодер, кладя, наконец, портсигар на стол. — У меня когда-то был точно такой же.

Я заметил, что точно такие же можно было найти в любом магазине.

— Да, верно, — согласился Лодер, положив тем самым конец сомнениям относительно редкости предмета разговора. — Свой я потерял.

— Да?..

Собеседник рассмеялся:

— Все в порядке — он нашелся. Не бойтесь, я не собираюсь забирать ваш. Однако то, как я потерял

портсигар и как нашел, — довольно любопытная история. Мне так и не удалось объяснить случившееся. Интересно, сможете ли вы?

Я ответил, что, разумеется, не смогу, пока не услышу саму историю, после чего Лодер снова взял портсигар и, держа его в руке, начал рассказ:

— Это произошло в Провансе, когда я был примерно такого же возраста, как сейчас Маршам, и ничуть не менее романтичен. Я прибыл туда с Кэрроллом — помните старого беднягу Кэрролла? Каким он тогда был! Романтичен, как четыре Маршама, вместе взятых. (Ты ведь простишь меня, Маршам, верно?) Мы оказались в Провансе — Кэрролл и я — приблизительно, как я уже сказал, двадцатичетырехлетние романтики; и именно тогда все и случилось. Именно в Провансе, от которого на меня до сих пор веет двадцатичетырехлетием, дьявольским искушением, дикорастущей лавандой и ракушкой... Мы совершили чертовски долгое путешествие с одними рюкзаками, начав где-то у Ардеш, и, пройдя по югу

мимо виноградников, миндаля и олив, то есть Монтелимара, Оранжа и Авиньона, за две недели дошли до того выбеленного солнцем «скелета-города» Ле Бо. Нам было нечего делать, так что мы шли куда хотели — точнее, куда хотел Кэрролл: у него в кармане лежали «Записки о Галльской войне», и он намеревался обойти эти когда-то завоеванные Римом земли. Помню, как он тащил меня то в одно место, то в другое... Одно называлось Пурьер и привлекло его внимание потому, что там в русле реки когда-то было убито сколько-то тысяч: захватчики уничтожили все запасы воды в бочках — чтобы люди, когда им захотелось пить, пришли бы и сражались за воду. Затем мы направились в Ариес, где Кэрролл повлюблялся во все носящее в волосах банты из черного бархата, а после этого — в Тараскон, Ним и далее; стандартный маршрут — не буду докучать тебе подробностями. Короче говоря, два месяца мы ели миндаль и абрикосы прямо с деревьев, глазули на женщин у фонтанов под темными платанами, распевали «Магали» и «Петь», а Кэрролл все время разглагольствовал о Цезаре, Верцингеториге и Данте, одновременно пытаясь освоить провансальский язык, чтобы прочесть местный журнал, на который никогда бы даже не взглянул, печатайся тот на английском...

Итак, мы добрались до Дарбиссона. Там мы встретили молодого человека по имени Рангон, оказавшегося местным виноградарем; он пригласил нас провести несколько дней в его доме — с ним и его матерью. Но мы отправились дальше. Стоял июнь... или начало июля? Мы шагали среди виноградников мимо плетеных изгородей и раскидистых бархатных кипарисов, побелевших с северной стороны от пыли, а мистраль продолжал свою трехдневную пирушку, свистя и ревя сквозь изгороди и нагибая их почти до самой земли. Да, действительно бурный день был, помню... Но после полудня ветер поутих, и мы детально изучали карту (глупцы: взяли бумажные карты вместо полотняных!), когда опять встретили Рангона. Он вывел нас обратно через Дарбиссон к дому в полутора милях за город, где жил с матерью.

Рангон не знал английского, но, разумеется, говорил и на французском, и на провансальском. На обратном пути Кэрролл, используя нового знакомого как франко-провансальский словарь, забрасывал его вопросами о названиях тех или иных предметов на местном говоре... прошу прощения, на языке. Хотя, по-моему, в нем намешано много всяческой чепухи. Если язык должен вымереть — он наверняка вымрет... Но, в конце концов, это не имеет отношения к рассказу. Итак, когда мы добрались до дома Рангона, Кэрролл успел выучить большую часть песенки «Магали». Жизнь молодого виноградаря в та-

кой местности довольно ограничена. Как только мы дошли до дома, Рангон что-то вспомнил и попытался объяснить, но не сразу сумел подобрать доступные пониманию Кэрролла слова. Выяснилось, что мать Рангона уехала на несколько дней, за что наш хозяин принес искреннейшие извинения — тогда он был сама любезность, хотя позже стал несколько докучать... Мы, естественно, приняли его извинения; вначале я не осознавал, какое это имело значение, пока Рангон, продолжая рассыпаться в извинениях, не сообщил, что нам придется вернуться пообедать в Дарбиссон. Оказалось, перед отъездом мадам Рангон временно распустила всех служанок, и приглядывать за ее сыном остался лишь один старикашка, которого мы увидели во дворе занятым ремонтом двухцилиндрового зеленовато-желтого разбрызгивателя, которые обычно прикрепляются за спиной у лошади, идущей вдоль рядов виноградников... Хозяин объяснил все это, когда мы стояли в холле и потягивали аперитив. В холле были вырезанная из дуба мебель, фотографии и корзинки для хлеба, по форме напоминающие люльки. Рангон попросил сделать ему еще одно огромное одолжение и позволить отлучиться после обеда на часок: он уже договорился о встрече со своим агентом насчет продажи урожая... Мы, разумеется, согласились, за что он нас сердечно поблагодарил.

— Хотя мы и будем обедать в городке, вино возьмем с собой, — заметил он. — У меня есть первоклассное вино — вы сами увидите...

Затем он провел нас мимо не помню скольких акров виноградников к большому строению, окруженному прессами, насосами, бочонками и огромной бочкой, именуемой «чертовым пальцем». Около семи мы отправились обратно в Дарбиссон обедать, неся с собой вино. По-моему, ресторан, в котором мы обедали, был единственным в этом местечке, однако хозяин — спортивного вида мужчина с прямой осанкой и красивыми глазами — обслуживал весьма прилично. Вино оказалось превосходным и развязало наши языки.

Я уже сказал, что такие люди, как Рангон, ведут довольно однообразную жизнь; за время обеда это стало очевидным. Мы обедали перед открытым окном, из которого был виден ручей с деревянным настилом крест-накрест, где женщины днем стирали, а вечером собирались посплетничать. Там находилось около дюжины девушек — смеявшихся, болтавших между собой и казавшихся очень симпатичными. Сумерки быстро наступали, а в это время суток все девушки привлекательны, о чем они прекрасно осведомлены. (Ты-то хорошо знаешь, Маршам!) Позади них раскинулся гигантский кипарис, чьи зазубренные края чернели на фоне неба подобно линии,

которую чертит игла на карте дождей. Именно тогда мы узнали о проблеме Рангона: он не был знаком ни с одной из местных девушек. Они были весьма симпатичны, но Рангон вынужден был поддерживать репутацию и не мог тесно общаться с девушками, которые нанимались собирать его виноград осенью... Рангон начал расспрашивать об Англии, английских девушках и тамошней свободе. Разумеется, мы поведали ему немногим больше, чем он уже слышал, но молодой виноградарь неустанно внимал рассказу и задал с дюжину вопросов. Что? В Англии юноши могут встречаться с девушками их класса без жестких ограничений? Даже с сестрами своих друзей? Даже дома? Могут пить вместе послеполуденный чай или зайти без приглашения и позвать на вечеринку? Он, казалось, безмерно удивлялся, что мы покинули такую благословенную страну, как Англия, ради путешествия по его пыльному, пахнущему лавандой бездевичьему Провансу... (Ты понятия не имеешь о своей везучести, Маршам!)

Выйдя из ресторана и усевшись на скамейке (Рангон посередине), мы завели беседу о моде. Внезапно Рангон посмотрел на часы и сказал, что ему пора на встречу с агентом. Мы договорились встретиться у него дома через час, и он зашагал прочь, мысленно завидуя — ни капли в этом не сомневаюсь — каждому англичанину... Я же сказал, насколько мы тогда были молоды... Э-эх!..

Мы с Кэрроллом встали, потянулись и отправились гулять, прошагав около мили перед тем, как начало темнеть. Мы повернули обратно — и как раз когда мы вошли во мрак одной из кипарисовых изгородей, произошло то, о чем я хотел рассказать.

В том месте изгородь круто поворачивала; завернув за угол, мы увидели впереди ярдах в двадцати пару женских силуэтов. Не знаю, как они могли появиться так внезапно; в ту же секунду я наступил в траве на что-то маленькое и белое. Это был вышитый женский носовой платок. Скорее всего, он принадлежал одному из женских силуэтов, которые двигались в том же направлении. После моей фразы «Прошу прощения, мадам!» и приподнимания шляпы одна из фигур повернула голову, а затем, к моему удивлению, заговорила на превосходном английском. Я протянул ей свою находку; оказалось, он принадлежал заговорившей женщине, обладательнице мягкого голоса — она была старшей. Дама забрала платок и поблагодарила меня.

Кто-то — кажется, Стерн, верно? — заметил, что англичане путешествуют отнюдь не для встреч с другими англичанами. Не знаю, относил ли он англичанок к той же категории, но Кэрролл и я этого делать не стали. Мы медленно зашагали вчетвером: дамы назвали себя — как ни странно, я совершенно

позабыл имена. Помню лишь, что это были тетушка с племянницей, живущие в Дарбиссоне. Когда я упомянул имя господина Рангона, обе дружно покачали головами: они не знали его.

До того я никогда не бывал в Дарбиссоне и не ездил туда с тех пор, так что не слишком хорошо знаю местность. Впрочем, местечко невелико, а дом, у которого мы остановились минут через двадцать, наверняка все еще стоит там. Вход закрывала массивная двойная дверь — сзади нее скрывался портик с меньшей дверью и железной калиткой. Пожилая дама с мягким голосом уже вытащила из сумочки ключ и снова поблагодарила нас за услугу с тихим мелодичным смехом.

— Тем не менее, — добавила она, приглашающе махнув рукой, — нечасто удастся встретиться здесь соотечественников. Если у вас есть время зайти и выкурить сигару... — Она вновь мелодично рассмеялась. — К нам редко заходят гости, мы живем одни...

Я уже собирался принять приглашение, но Кэрролл опередил меня, выразив ностальгию по звукам английской речи, что на фоне его недавних заявлений насчет провансальского языка выглядело бесстыдным лицемерием. Да, Кэрролл был чрезвычайно убедительным шельмецом... Итак, старшая леди отворила калитку, распахнула дверь, и мы вошли. При свете свечи, которую несла младшая леди, мы увидели просторный зал, и я мысленно удивился, почему наш виноградарь даже не упомянул о столь большом доме — тем более что соседками Рангона были совершенно очаровательные англичанки. Я даже вздрогнул от множества возникших в голове гипотез — ну, вы понимаете, ведь мы почти ничего не знали о молодом плантаторе...

Я осмотрелся. У стен тут и там стояли ярко разрисованные кадки с лоснящимися алоэ; помнится, в одной из них алоэ цвело. Маленький фонтан в центре зала издавал звенящий шум; мы положили шляпы на позолоченный резной стол, и перед нами предстала широкая лестница с каменными ступенями и коваными перилами. Мы поднялись по ней вслед за хозяйками. Порой кажется, что я все еще слышу громкий скрип наших ботинок по твердому блестящему камню, вижу мерцающие огни свечей на перилах... Комната, в которую мы вошли, гармонировала со старомодным стилем всего дома. Она была просторной, красиво убранной, с высоким потолком. Кэрролл повернулся к барышне (как же ее звали?), занятой зажиганием свечей. Как только пламя разгорелось, на сверкающем, совершенно непокрытом, за исключением нескольких живописно разбросанных ковриков в восточном стиле, полу появились красивые отблески. Сам не знаю, что побудило меня подвести старшую даму к

©Дудякова Анна, 2012 г.

золоченому стулу (должен заметить, эпохи Людовика Четырнадцатого!), обитому полосатой тканью цвета петунии, и с вежливым поклоном усадить ее (не надо улыбаться, Смит!). За стулом, помнится, висело большое овальное зеркало в окружении множества подсвечников, занимающее большую часть дальней стены, — самое прозрачное и чистое из всех, что я видел... — Лодер сделал паузу и взглянул на мой портсигар — тот опять оказался у него в руке. Он улыбнулся какому-то воспоминанию и около минуты хранил молчание, после чего продолжил: — Я по-прежнему не понимал, как Рангон мог жить рядом со столь очаровательными соседками и не знать о них, но не стал заводить об этом разговор с пожилой дамой — возможно, у нее были причины вести затворнический образ жизни. Потому я выбросил Рангона из головы; уверен, Кэрролл, уже заведший разговор с племянницей, тоже не вспоминал о нем. Вскоре мой спутник (вы помните, какой у него хороший голос?) уже напевал «Мирейля» Гуно, я вторил ему мягким басом. Никаких музыкальных инструментов — только голос не громче золотой арфы без аккомпанемента. Однако в этой старомодной гостиной с большим овальным зеркалом, отражающим пламя свечей, он звучал невероятно чарующе, жалобно и — как бы объяснить? — утонченно, почти тускло. Тем временем ветер за окнами совсем утих; наступила тишина, которую разрывал лишь голос Кэрролла, исполнявший «Свет дней былых» — вам эта песня знакома...

Собеседник пропел начало куплета, затем, издав непонятный смешок, возобновил рассказ:

— Не стану убеждать вас, что можно влюбиться всего за час. Я влюбился в тетушку, Кэрролл — в племянницу. Не могу объяснить почему — влюбленность, пожалуй, следует считать делом само собой разумеющимся... (Маршам меня поймет!) Докурив сигары, мы вновь заполнили комнату мелодиями, звучащими не громче легкого бриза — бриза, обнаружившего, что колокольчики на клумбе и в самом деле являются колокольчиками, и решившего сыграть на них. Пожилая дама мягко постукивала пальцами по круглому столу... Ах, как мило это выглядело! Затем Кэрролл запел — и весьма недурно: «Не для себя пою — для друга, что со мной...» Не могу выразить словами, насколько мы четверо походили на старых друзей... Потом мы снова перешли на «Свет дней былых». Но какой бы волшебной ни была атмосфера в доме, мы не могли остаться там навсегда. Я уже задавался вопросом, сколько времени прошло, но в тот момент все связанное с часами и временем казалось совершенно неуместным... Когда же мы все-таки стали собираться, ни я, ни Кэрролл не попросили разре-

шения позвонить им утром, чтобы поблагодарить за чудесно проведенные часы. Они, по-видимому, думали так же — никаких «надеюсь, мы встретимся в Лондоне!», никаких «оревуар!» или «до встречи!». Только молчаливое осознание, что те часы должны остаться особенным воспоминанием — как хороший подарок, ибо дареному коню в зубы не смотрят. Не знаю, понимаете ли вы, о чем я говорю... Мы покинули дом, обменявшись на прощание лишь взглядами и жестами, спустились по лестнице с разукрашенными перилами и пологими ступеньками и вышли, закрыв за собой калитку. Обратного пути молча. — Э-эх!.. — Лодер опять взял в руки портсигар, впрочем, не глядя на него, и вновь издал смешок. — Итак, мы вернулись в дом Рангона. Выслушав наш рассказ, он подумал, что мы водим его за нос, заявив, что в Дарбиссоне нет ни одной англичанки. Мы, как могли, описали ему местонахождение дома, но, боюсь, вышло не совсем точно: мы гуляли в темноте, а кипарисовая изгородь, у которой произошла встреча, была очень похожа на множество других кипарисовых изгородей — так что, как я уже сказал, Рангон нам не поверил. Лично меня раздражало, что наш виноградарь решил, будто мы отвечаем на его гостеприимство бессмысленным враньем. Однако (с учетом моего французского и Кэрроллового провансальского вкупе с нежеланием наносить новый визит прекрасным дамам) объяснить истинное положение дел было почти нереально... В конце концов Рангон зевнул и рассмеялся.

— Я знал, что мое вино может позабавить, — заметил он. — Но... — Пожатие плеч явно говорило: «Но не так сильно, как эта выдумка».

Затем он протянул нам свечи, показал наши комнаты, обменялся рукопожатиями и ушел к себе. Полночи мне снилась та дама. На следующее утро после кофе я сунул руку в карман в поисках портсигара, но не нашел его. Я тщательно осмотрел все карманы, после чего спросил Кэрролла, не брал ли он предмет разговора.

— Нет, — ответил тот. — Думаешь, оставил там вчера вечером?

— Точно! Разве не так? — Вошедший без стука Рангон подмигнул нам.

Я снова вывернул карманы: портсигара не было...

— Не исключено... — Я снова почувствовал раздражение.

Видите ли, мне не хотелось возвращаться. С другой стороны, не хотелось остаться без портсигара — он был подарен мне. Улыбка Рангона раздражала все сильнее: она одновременно ставила под сомнение нашу правдивость и доказывала качество его вина...

— Может быть, и так, — проворчал я в ответ. — Что ж, в таком случае нам следует вернуться и забрать его.

— Почему бы не начать с ресторана? — предложил опять улыбнувшийся Рангон.

— Конечно, — буркнул я, хоть и помнил, что после ухода из ресторана портсигар еще был со мной.

К половине десятого мы добрались до ресторана; портсигара там не было. Я заранее знал, что губы Рангона растянутся в улыбку.

— Стало быть, теперь начнем искать этих англичанок, а?

Я кивнул.

— Это где-то дальше? — небрежно поинтересовался Рангон, когда мы добрались до последнего дома на окраине Дарбиссона. Мы повернули обратно. Я злился; но, в конце концов, нас было двое против одного: Кэрролл поддерживал меня.

— Двойная дверь с калиткой, — повторял он в сотый раз.

Рангон прямо заявил, что сомневался не в нашей искренности... Впрочем, слово «пьяный» он употреблять не стал.

— Ну и ну! — внезапно воскликнул он, пытаюсь скрыть веселье. — Неужели правда? Двойная дверь с калиткой, говорите? Кто знает, может, эти неуловимые дамы живут здесь?

Он повел нас по улице мимо платанов и неожиданно завернул в переулок, представляющий собой не более чем две сточные канавы с кусочками неба вверху между двумя старыми черепичными крышами. Это был совершенно обветшавший, заброшенный закоулок, и я уже начал сердиться всерьез, когда Рангон указал на старый портик с покосившейся оградой.

— Это и есть тот самый дом? — спросил он.

— Нет, — хором ответили мы с Кэрроллом.

Однако полчаса спустя мы вернулись на то же место, и Кэрролл почесал в затылке.

— Как бы то ни было — кто там живет? — спросил он, выставив подбородок вперед, сунув руки в карманы и сердито глядя на портик.

— Никто, — ответил Рангон таким тоном, словно собирался сказать «вот видите!». — Мсье планирует арендовать его?

Тут вмешался я, уже почти потеряв самообладание:

— Какова бы была плата? — поинтересовался я таким тоном, словно и вправду подумывал об аренде — исключительно из мести за насмешки. Рангон назвал смехотворную сумму в сколько-то франков.

— Стоит, по крайней мере, взглянуть на это, — сказал я. — Можно получить ключ?

Рангон ответил, что ключ находится у пекаря —

всего ярдах в ста отсюда. Мы забрали ключ от внутренней деревянной двери; ржавая калитка после прикосновения Кэрролла повисла на одной петле. Пару мгновений мы стояли молча, ожидая, кто войдет первым. Рангон пошел вперед, и я расслышал его бормотание: «Прошу прощения, мадам...»

Тут началось самое странное: мы прошли в зал, в центре которого стоял пустой бак с подходящей к нему трубой. На второй этаж вела широкая лестница, а двустворчатые двери едва виднелись в полумраке. У стен стояли кадки, однако алоэ в них давным-давно увяли, а рядом на полу валялись ржавые обручи. Одна из кадок разбилась и лежала обломками на кучке высыпавшейся земли. На полу был слой пыли толщиной с дюйм. Валяющаяся штукатурка приглушала звук шагов, паутина на стенах походила на старое тряпье, какие-то лохмотья свисали с дверной ручки, а перила из кованого железа были окутаны сетями, в которых не шевелился даже их хозяин-паук. Все это выглядело так абсурдно...

— ...А может, даже за еще меньшую плату, — пробормотал Рангон, проведя указательным пальцем по перилам и оставив в пыли глубокую борозду.

— Пойдемте наверх, — потребовал я.

И мы отправились наверх. Когда двери гостиной распахнулись, со всех сторон посыпался всякий хлам. Мне пришлось зажечь зловонную французскую спичку, чтоб хоть что-то разглядеть. Пол напоминал фланелевую ткань: повсюду — кроме тех мест, куда мы ступали, — простиралась пыльная равнина. Спичка догорала...

— Минуточку, у меня есть восковая свеча, — сказал Кэрролл.

Мы увидели старые подсвечники без малейшего следа огарков. Рядом — большое овальное зеркало, однако пыль полностью скрывала наши отражения. Везде валялись сломанные стулья с обитой позолотой, посередине комнаты стоял старый расшатанный стол... Внезапно я метнулся вперед: при свете свечи что-то блеснуло. Тут свеча погасла; я остановился, дожидаясь, пока Кэрролл зажжет новую. Я хотел, чтобы Рангон увидел лежащее на столе...

— По моим следам ты видишь, на каком расстоянии от стола я остался, — произнес я. — Не подойдешь ли и не возьмешь вот это?

Рангон подошел к столу и взял мой портсигар...

Лодер умолк. Никто не произнес ни слова. В течение томительной минуты все молчали, а затем сам Лодер нарушил тишину, повернувшись ко мне:

— Вы что-нибудь поняли?

Я приподнял брови.

— Только объяснение виноградаря... — начал было я, но тут же замолчал, поняв, что толку не будет.

— Кто-нибудь что-нибудь понял? — Лодер поочередно оглядел присутствующих.

По выражению лица Смита я прочел его мысли; он думал, что понятно лишь одно: Лодер все выдумал от начала до конца. Однако даже Смит ничего не сказал.

— В том месте когда-нибудь находили тела каких-нибудь англичанок — ну, то есть убитых? — заинтересованно поинтересовался молодой Маршам, явно желая услышать развязку.

— Нам так и не удалось выяснить, — ответил Лодер. — Хотя мы наводили справки... Стало быть, вы все сдались? Что ж, я тоже...

Наш рассказчик поднялся с места. Когда он подошел к двери забрать шляпу и трость, я, последовав за ним, услышал его мурлыканье себе под нос — куплет из «Света дней былых»:

А я лишь тот,
Кто сам бредет
Из праздничного зала,
Помят наряд,
И гости спят,
И больше нету бала!

Сокращенный перевод Евгения Никитина

Евгений Никитин — студент четвертого курса переводческого отделения лингвистического факультета Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета. Как переводчик публикуется в «Юности» с 2010 года.

Дмитрий БОБЫШЕВ

Продолжение.
Начало в № 7–12 за 2009 г.,
№ 1–12 за 2010 г., № 1–6, 7–8, 9, 10, 12 за 2011 г.

УВИЖУ САМ

ЧЕЛОВЕКОТЕКСТ, КНИГА 3

Гастроли на родине

На следующее лето Ольга отправилась по своим археологическим делам в Чехию и Моравию, начав уже отдельное от меня существование. Соглашение о разводе вступило в последнюю фазу. Мне предстояло собрать манатки, сдать их на склад, взять на полгода отпуск без оплаты и рвануть на Восток по периметру нашей планеты. Суть заключалась в том, что я сделал запрос и получил предложение прочитать курс лекций по литературе русского зарубежья сразу от двух вузов — Ленинградского государственного университета (уже не имени Жданова) и Педагогического имени Герцена — института, становящегося университетом. В родных краях история тоже вдруг сдвинулась с места, и время пошло тикать уже не по пулковскому, а по общеевропейскому меридиану.

Я обратился в наш университетский фонд, но неправильно составил заявку и в результате получил пшик. Зато в утешение оторвал большой грант на конференцию славистов в Сан-Франциско в конце года. Таким образом сложился плавный маршрут туда: из Чикаго через Мюнхен в Ленинград на осенний семестр и по окончании обратно: из уже Санкт-Петербурга опять через Мюнхен и через Чикаго — в Сан-Франциско, а после конференции — из Сан-Франциско в Чикаго окончательно с доставкой моего брэнного тела автобусом в Урбану-Шампейн.

Я купил билет на всю круговую поездку в авиакомпании, чью надежность подтверждал манхэттенский небоскреб «ПанАм», под которым пробегает целая улица — Парк-авеню. Когда белый боинг с параллелями и меридианами земного шара на хвосте снижался над Мюнхеном, я увидел поваленный лес, выглядевший сверху рассыпанным коробком спичек. Это были те циклопические ели, по корням которых мы с Кублановским еще не так давно тряслись на велосипедах, спеша на пивное пиршество. Казалось, что вихрь, пронесшийся по Европе, их повалил заодно с Берлинской стеной.

Чувствует ли здесь читатель размахистость моей жизни? Восхитительное ощущение ветра, журчащего в рдеющих волосах на темени... Ради этой хотя бы даже географической свободы стоило эмигрировать. А теперь и того уже не надо. Но заметим: читателю свобода была выдана сверху, я же ее ухватил своей рукой.

Пулково-2, как всегда, встретило с воздушной прохладцей, но что-то заметно переменялось: молодая волчица в погонах, возвращая паспорт, отдала мне честь (не правда ли — смешно?), таможенники пропустили по зеленой линии, а за ними уже сияла улыбкой Галя Руби. Она явно похорошела и выглядела даже лучше, чем в студенческие годы.

Пока наши сверстницы растрачивали свои относительные прелести в замужествах и деторождениях, превращаясь в разбрюкших теток, она проигнорировала это популярное занятие и вместо того, не напрягаясь, сделала неплохую инженерную карьеру, хорошо одевалась, правильно питалась и отдыхала в курортных местах, в результате чего ранний кубизм ее внешности превратился в женскую «интересность». Притом она не растратила нашей дружбы даже на расстоянии, оставалась верной читательницей, сердцу которой я когда-то посвятил Третью часть моих «Стигматов». Сердцу!

Ее привез в аэропорт Миша Мейлах, и на его «москвиче» я прибыл на родную Таврическую улицу: мама, Феня, Костя... Это было 18 августа.

На следующий день Галя появилась с утра, принеся тревожную весть. По радио уже гоняли «Лебединое озеро». В телевизоре сидели шестеро заговорщиков ГКЧП. У их старшего, горбачевского вице-президента Янаева, прямо в кадре дрожали руки, будто он кур воровал.

— Тебе нужно немедленно возвращаться! — настаивала Галя.

— Куда? У меня ж там ни дома, ни работы...

Курсы мои, конечно, накроются медным тазом, но вот паспорт нужно зарегистрировать немедленно. Галя самоотверженно отправилась со мною в милицию, но нас оттуда завернули:

— Регистрируйтесь по месту трудоустройства!

Перемена власти в стране милицию не волновала.

— Едем в университет! — торопила Галя.

— Успеем.

Мы вышли на улицу, и я огляделся. Где мы? Дегтярный, Мытнинская, промышленные и складские окончания Советских (Рождественских рот), знакомые с детства задворки Смольнинского района... Здесь где-то живет Веня Иофе. Вот кто расскажет всю правду о моменте!

Умнейший человек на земле оказался дома, не очень, кстати, удивившись моему появлению.

— ГКЧП не продержится и пяти дней! — заявил он уверенно. — У них нет никакой поддержки.

Как он мог все знать и предвидеть? Обнадеженные, хотя и не очень-то в это поверившие, мы с Галей отправились на Васильевский остров. Седьмой троллейбус, оказавшийся рядом с Вениным домом, вырулил на Полтавскую, повернул на Старо-Невский и, обогнув советский обелиск, покатил по Невской перспективе.

Тут же нам встретились колонна демонстрантов — человек сто пятьдесят, не больше, идущих по мостовой с протестными лозунгами. Они направлялись к Смольному. Ну а мы, двигаясь в противоположном направлении, миновали восхитительный Аничков

мост (с мелькнувшей за четвертым бронзовым конником аркой в одно из моих былых жилищ в доме с блоковой аптекой на углу и книжной лавкой писателей на боку), а на другом углу я увидел густую очередь, вытянувшуюся вглубь Толмачева-Караванной. За чем — не за хлебом, не за табаком же? Нет, на этом месте теперь находился парфюмерный магазин Lapsome. И эти люди, в количестве не меньшем, чем демонстранты, стояли именно туда. Они-то и были поддержкою ГКЧП.

В университете имелся отдел по работе с иностранцами, и я, причисленный к этому почетному званию, поступил в их ведение. К сожалению, я еще не успел заглянуть в «Березку» (надеюсь, мои читатели не забыли о таких магазинах), но девушки хорошо работали и без валютных даров. Более того, они меня выручили, когда я позднее попал в истинно кошмарную ситуацию. То, что случается с любым эмигрантом во сне, произошло со мной наяву: я потерял визовый вкладыш. Видимо, это произошло как раз в «Березке», где я предъявлял паспорт, но там ничего не нашлось. Черное облако ужаса затмило мое сознание. А секретарша добыла новый вкладыш в тот же день.

Итак, в университете все как будто вытанцовывалось, несмотря на московскую смуту. Но Пединститут молчал, и я посчитал, что сейчас не время ожидать оттуда приветливых предложений. Вместо того я схватился за другой спасательный круг — Конгресс соотечественников, который открывался на следующий день в Москве и Ленинграде, и я был приглашенным участником этой сомнительной затеи. Но и — достаточно помпезной, чтобы укрыться под ее козлиной эгидой от перунов сдуревших заговорщиков. Как сообщил позднее «Литератор» (газета Союза писателей), гэкачеписты уже заготовили четырех тысяч наручников!

Однако Конгресс открылся раненько утром в Таврическом дворце, внутрь которого я вступил впервые несмотря на то, что вырос и жил тут рядом, через улицу. Перед входом маршировали ряженные казаки в красных лампасах и в пышных за ночь выросших усах. В вестибюле с колоннами духовой оркестр играл «Прощание славянки». Шныряли журналисты, попадались потрепанные, но смутно знакомые писательские лица. Кое-где статуйно высились начальственные фигуры. Вошли в зал с красными бархатными креслами, поставленными амфитеатром, в точности как на картине Репина, стали рассаживаться. Митрополит совершил молебен.

Одна из фигур приблизилась ко мне и, вглядываясь в опознавательную дощечку, повешенную на шею при входе, произнесла:

— Дмитрий Васильевич? Добро пожаловать на родину.

Я стал вглядываться в подобную дощечку у него. Он помог:

— Ректор Бордовский, Геннадий Алексеевич.

— Ректор чего?

— Педагогического университета имени Герцена.

— Очень рад познакомиться. Кстати, у меня ведь к вам дело. Я послал письмо с предложением прочитать курс лекций по эмигрантской литературе...

— Вот и хорошо. Приходите завтра с утра к моему проректору, он все уладит.

Значит, Веня был прав, и путч провалился!

Первым выступил мэр Анатолий Собчак и с ходу объявил, что правительство города и военный гарнизон не подчиняются ГКЧП, и предложил Конгрессу спокойно работать.

В дальнейшем работа заключалась в говорении патриотических речей, распитии шампанского и экскурсиях по городу. Кроме того, были протокольные встречи, из которых я выбрал две: в Пушкинском доме, где меня слегка обхаживали, и в Союзе писателей, где, наоборот, со мной братались и обнимались, а вот с пушкинистом из Калифорнии, назвавшим себя «пушкистом», подчеркнуто разговаривали об артиллерии. Это называлось новым словом «стеб».

А на меня напустили прехорошенькую журналистку и даже двусмысленно выдали ключ, чтобы можно было уединиться. Кабинет был с видом на Большой дом. Вероятно, это было тоже частью писательского стеба, но в результате получилось небезынтересное интервью, напечатанное в «Литераторе» в сентябре 1991 года вместе с тремя большими стихотворениями — «Прощай и здравствуй», «Константинов № 8» и «Ксения Петербургская». Отрывки из наговоренного я привожу ниже.

Газетную врезку для публикации сделал Валерий Попов.

«Бобышев из той плеяды петербургских поэтов, появившейся в конце 50-х годов и состоявшей из Бродского, Наймана, Рейна и, может быть, менее известных Еремина и Виноградова. И, по-моему, после всех треволений и катаклизмов их поэзия остается лучшей поэзией России. В поэзии были взлеты, были свои герои... Но этот фонд представляет собой самую высокую, самую лучшую, выдержавшую все времена поэзию».

А дальше вопросы задавала Лариса Захарова.

«Что повлекло вас отсюда и что привело вновь сюда?»

— Наверное, я поехал за счастьем. Я женился на американке русского происхождения и воссоединился с семьей. Так что у меня не было эмигрант-

ских «римских каникул». Получился такой скачок: Москва — Нью-Йорк. Но были и другие причины, способствующие отъезду, — почти физиологическое ощущение удушливой атмосферы 1979 года. Оно вскоре проявилось началом Афганской войны. Кроме того, тогда начались процессы уже не над политическими активистами и диссидентами, а над совершенно невинными безобиднейшими людьми, такими как Миша Мейлах. Я думаю, мне нашлось бы место среди них. Меня уже вызывали на допросы по разным делам и не раз угрожали, что очень легко можно перейти из статуса свидетеля в другой... Конечно, у меня были колебания — правильно ли я делаю, уезжая? Но в конце концов эмиграция — это не предательство по отношению к родине, как считают те, для кого Россия постоянно окружена врагами.

Хемингуэй, будучи американским писателем, годами жил в Париже, на Кубе. И наши писатели прежде могли подолгу жить за границей и оставаться русскими. Где написаны «Мертвые души»? В Риме. А «Записки охотника»? В Париже. Где, наконец, издавался «Колокол»? В Лондоне! Эмиграция — это выражение свободы человека, права на выбор той страны, где он хочет жить. В американской конституции меня очень трогает один момент — в ней оговорено право человека на стремление к своему счастью.

— Нашли ли вы его в Америке?»

— По поводу счастья я не очень уверен, а покой и волю я там нашел, следуя пушкинской формуле. Я живу на Среднем Западе, в трех часах езды к югу от Чикаго. Иллинойсский университет — один из крупнейших в Америке, он знаменит своей библиотекой, особенно славянской и русской коллекциями книг. Провинция? В Америке такого понятия, как у нас, нет, и ощущения, что это глушь, я не испытываю. Наоборот — есть чувство открытого мира.

А личная правота или неправота у меня ассоциируется с двумя поездками в Чехословакию, в Прагу. Первый раз я был там при коммунистическом режиме. Я не мог избавиться от ощущения вины из-за того, что я — русский. Пусть и с американским паспортом, пусть и непричастный к оккупации 1968 года. Я, конечно, был против нее, но на открытый протест не решился. И я чувствовал эту тяжесть. А во второй раз бремя свалилось. Надо сказать, я часто оказываюсь в нужном месте в исторический момент. В Праге я был 9 июня прошлого года, когда волеизъявлением народа был свергнут коммунистический режим. Площадь, на которой выступал Гавел, ликовала. Это было потрясающее ощущение народного праздника и совершенно восхитительное чувство легкости на душе, избавление от стыда, который я испытывал при первой поездке.

Максим Максимов,
обозреватель газеты «Смена»

Вот и сейчас, похоже, мы переживаем исторический момент. Недаром меня так сюда потянуло... Конечно, я не рассчитывал на такую остроту событий, на государственный переворот. Мои друзья говорили: надо скорей ехать в Пулковку, в аэропорт. Американское посольство, как мне передали, рекомендовало своим гражданам в двадцать четыре часа покинуть территорию Советского Союза. Но я остался, и теперь не жалею.

— *О чем будут лекции, курс которых вас пригласили прочитать в Педагогическом университете и ЛГУ?*

— Меня, эмигранта, пригласили читать курс лекций по эмигрантской литературе. Это уникально и в то же время закономерно.

— *Поэзия здешняя и эмигрантская, как бы вы ее соотнесли?*

— Это не разные явления. Задают вопросы — две литературы или одна? А можно говорить, что их было три: официальная, подпольная и эмигрантская. Я считаю, что все это русла одного и того же течения, и они стремятся слиться».

И в самом деле, обозначенные русла бурно сливались, и я оказался в самом водовороте. Конечно, происходили и отторжения, и размежевания — словом, шла перестройка, которая сама перестраивалась и превращалась во что-то иное. Бывшие консерваторы задыхались свободолобием, не забывая при этом отпихивать бывших диссидентов, — в общем, коловращение происходило не в вертикальной плоскости, то есть не снизу вверх, а по горизонтали, справа налево, поэтому перестройка и не стала революцией. Но пены возникло много. Некоторые стукачи из писательской среды, потеряв ориентиры, покаялись, чуть ли не целуя землю, как Родион Раскольников. Так, обнаружилось, что детский писатель и добродушный бородач Валерий Воскобойников не только служил редактором журнала «Костер», но и был

информатором КГБ, о чем он публично поведал, попросив себе снисхождения лишь в том, что он сознательно избегал общения с лицами, на которых мог настучать по-крупному. Я это подтверждаю — именно так он вел себя со мной.

Но его признание было спровоцировано саморазоблачением другого писательского стукача, на этот раз эмигрантского — русла и тут сливались! Доносчиком оказался критик Владимир Соловьев, «муж Клепиковой» — так он подчеркнуто скромно отличал себя от философа. Этот inferнальный господин был уже упомянут в моем повествовании. Помимо критических статей (и секретных донесений) он писал еще романы о сексуальной жизни знаменитостей, проникая не столько в психологию, сколько в бранные тела персонажей, причем довольно глубоко, а это многих читателей корбило.

Жить было весело и стрёмно. В подземных переходах ветераны пели советские песни под аккордеон. Вокруг станций метро раскинулись барахолки, торгующие чем придется. Между тетушками с бутылками пива, пачками «Беломора» и вязаными носками шныряли жулики. В троллейбусах на Невском орудовала банда карманников, потрошившая сумочки. Милиция их не замечала, хотя я уже знал бандитов в лицо и крепко держался за карман. Они входили на один перегон, создавали давку, кто-то взвизгивал, содержимое чьей-то сумочки высыпалось на пол, а воры выскакивали на остановке и исчезали.

Галя нашла мне издателей — сразу несколько. Одно издательство имело название «Васильевский остров», но помещалось совсем в другом конце города на площади у Преображенского собора. Два парня, оснащенных компьютерами, показались мне на первый взгляд толковыми перспективными ребятами. «Вот за такими — будущее!» — подумал я, когда мы с Галей явились в редакцию в солнечный полдень. Они предложили выпить с ними по стакану портвейна, и меня сразу же передернуло от разочарования. «Пьют в рабочее время! Нет, с ними толку не будет...» Это уже сказала во мне американская выучка. Между прочим, так и получилось: толку от них не было.

Другого издателя Галя пригласила на дом — это был Коля Якимчук, тоже из нового литературного купечества. Он, как у них водится, говорил уклончиво в русую бороду, хитрил, темнил, привирал, но дело с ним сладилось, в результате чего получилась неказистая синяя книжонка, набранная маленьким шрифтом, а названная размашисто-крупно: «Полнота всего».

Появился и третий — советский перестроившийся критик Алексей Нинов, который стал на пару с

являл навсегда «ахматовским кварталом», Андрей Бобышев, Евгений Рейн, Четверо в бок вокруг Аины Ахматовой. «Ахматина и своих друзей после смерти Анны Ахматовой Иосифа Бродского, называла, как заметал тот же Бродский, все швейшем перешла на сольное пение, проживавшего в Соединенных Штатах, последний год-два — при том, что еще его сборник «Звизания». Несколько пуб- «Петрополь», в нашей же «Смене» под это знакомство далеко не полное... русской литературы Иллинойского уни- на года он читает цикл лекций «Лите- вуазах — Санкт-Петербургском госуни- мени Герцена.

лемини, не учите нас жить подобно дру- гия эмигрантам. Вы ни с кем не свя- дите сметы. Баша, последняя статья в «Звезде» «Хотельны юноши» проини- та, авиационность, ностальгия, поно- ем, добротой — в отличие от истери- ной интонации некоторых других «хо- тельных юношей» и «двушник»... — Ну вообще-то я преподаватель. Я уну студентов. Но я терпеть не могу поучать. И ненавижу, когда меня по- учают. Когда-то у нас воспитывали на- род. Какое странное сочетание, прав- да? Можно детей воспитывать, но не взрослых людей — это же противосто- ественно. У эмигрантов, к сожалению, есть эта потребность — поучать, исхо- дя из своего опыта. Когда они появля-

но сравнить с другим: этично ли красть в гостях серебряные ложки? Здесь двух ответов быть не может. Сережа добром проиницировал мой слова в «Со- ло на уадревать»... Поэтому я стараюсь и в полемике не ввязываться. Если есть что сказать, то нужно заниматься только этим. Если ничего сказать, люди начинают спорить, клеветать друг на друга, оскорблять... Что за свистопляска одно время обра- зовалась вокруг Солженицына? Это просто читать было невозможно. Одна- жды я выступил все-таки по этому по- воду. У меня есть статья «Два друже- ата», где я сравниваю репутацию двух

включил. Но она нашла в себе силы для остроумия. Она сказала: все они звезды первой величины, не превращай- те их в диванные валики, чтобы этими валиками избивать друг друга... — Но ведь в эмигрантской среде от иерархии нигде не деться? — Это присутствует несомненно. Обязательно нужно, чтобы кто-то был номер один, в кто-то выскочил со своим номером один. Это психология то- дашь, читательского такого скопища... — Для вас Бродский не номер один? — Пауза — Номер один... — Все-таки?

звеста свое ленту в процессе ским, тренировалась на нас. О в институте завлудом, писал носительные статьи в много сигналом вызвал корреспонден- сомольской правды, и там, зубодоборительная статья под безобидным названием «О че- мают товарищи из Технол институт?». Я, прочитав вазе чаа думал: если нас называ- рини», значит, не посядет... понял, что товарищи-то име- ду другие — те, которые дол- «не допустить!» О чем же он? Я тогда выступила в гаете- раз со статьей о творчестве, называлась она «Хороший Уф» было что-то вроде рецензии в- ступления в литературном и писал, что в отличие от од- поэзии Уфлянд не таяет чит- борьбу и сражения, что он х- носится к детям, животным вистам... И вот эти всеобщие жения, называла тител у журн «Комсомольской правды»... С- цдал: как может какой-то нед- сать юнец давать рекомендации сать стихи, по какому- пути равнивались советская поэзия — Для вас это все ничем- ным не кончилося? — Рейн выиграл из инсти- предлогом, что он пропустил- него была справка о болезн- зила армия, но он уехал в д- экспедицию, когда вернуло- поступить в хозолодильный в- кончить его и получить зава- ра запас. Наймана не могли- потому что он был отлични- его не пропустили по военн- ре. А я в связи со всеми эт- дрягами действительно захв- в академический отпуск, а- нулся — эта история оказала- та. И я смог спокойно пому- лодом, потом работал нижег- на телевидение, а потом уже- тельным юношей»... Молчание — Вас не печатали. Вам в- безразлично? — Нет, конечно. Было дав- прийти в отчаяние. Были от- чем с немцами, что отказав- плохого качества, были реди- кации, которые приносили и- ти — с искажениями или в- из контекста кусками. Но — милова, которая нас призна- тила каждому из нас по стих- по «Розе». И другого призна- принципе не нужно. Этого в- Молчание — Кроме того, из любой си- пытался найти выход в сам- писании. И находил, кажется, пастернаковскую строчку «Т-

ПОПЫТКА ТИШИНЫ

— Выход из любой отчаянной ситуации я пытался найти в стихописании. И находил, кажется... Помня пастернаковскую строчку «Тишина, ты лучшее из того, что слышал», я стал концентрироваться на этой тишине, слышать ее и как-то звучивать в себе. Из этого рождались особые стихи... — говорит гость «Смены» петербургский поэт, профессор Иллинойского университета

Счастливым странник. Фонтанка, 1991 г.

таким же критиком Поэлем Карпом, владельцем «Всемирного слова», эфемерного журнала и книгоиздательства. У меня и для них нашлись тексты. Название книги было уже поскромней — «Русские терцины и другие стихотворения».

Состоялась и телевизионная прогулка по Летнему саду с журналисткой Еленой Колояровой. Весь порох и жар, конечно, израсходовался в предварительных разговорах, но кое-что все же осталось в кадре. Они потом гоняли этот фильм не раз. И в моей «Полноте всего» сохранилась закладка: липовый лист сердечком, побитый гусеницей до кружевного состояния. Колоярова к тому же издавала еще один эфемерный журналчик, названный «Новый журнал», в точности как уже существующий в Нью-Йорке. Ради телеинтервью, а скорей — просто ради любезности пришлось поддержать ее большими циклами «Звезды и по- лосы» и «Ангелы и силы», а также опубликовать там переписку со Стасом Красовицким, назвав ее «Перо и крест».

Те же стихи читал я 21 ноября в Доме писателя, в достославной Красной гостиной, которой меня

соблазнял в прошлый приезд Яков Гордин. Из старой гвардии был там Семен Ботвинник, автор на всю жизнь запомнившихся строк:

Чугунные цепи скрипят на мосту,
последний гудок замирает в порту,
уходит река в темноту...
Но ты побывай на свете и во мгле,
шинель поноси, поброди по земле,
в любви обгори, и тогда
услышишь, как цепи скрипят на мосту,
как долго гудок замирает в порту,
как плещет о камни вода.

Как много понаписал он за всю жизнь советской лабуды, канувшей в Лету, а эти вот строки остались! Была молодежь, присутствовали и седины, и плечи, а также прошедшие (буквально) огонь и воду, и ржавые трубы «котельны юноши», хором вступившие в Союз писателей. Видно, пришла и моя пора.

— Не хотите ли переехать обратно, Дмитрий Васильевич? — спросил кто-то из присутствующих.

— Ну что вы... Там же у меня дом, работа! — заявил я уверенно, хотя и то и другое висело уже на волоске.

На Таврической улице мать мне выделила комнату, и я вновь поселился в своем детстве, отрочестве, юности — клены и липы в окне, подраставшие вместе со мной, остановились и замерли в попытке тишины.

Именно об этой тишине пришел побеседовать симпатичный обозреватель из «Смены» Максим Максимов. Их газета, оказывается, из номера в номер печатает антологию независимых ленинградских поэтов, называя их подчеркнuto «поздние петербуржцы», и я там чуть ли не первый ее открываю. Вот по поводу первенства и пошел у нас разговор. Антологию символически заключал Бродский, и Максиму очень хотелось, чтобы я признал его на самом веру иерархии. Напрасно я убеждал напористого журналиста, что поэзия — не спорт, что чемпионов по стихам не бывает, напрасно приводил ахматовскую притчу о диванных валиках — все было зря. Впрочем, неудивительно: антологию он

делал совместно с критиком Топоровым, отличавшимся топорной грубостью, и это не каламбур — для него поэзия состояла лишь из Гулливера и липутов.

В заключение Максим спросил меня:

— Я знаю, что вы решили вступить в наш Союз писателей. А вот это, скажите, зачем вам надо?

— Из чувства юмора. Только из чувства юмора.

Интервью с фотографией счастливого странника на берегу Фонтанки он опубликовал 26 октября.

Увы, судьба Максима Максимова в дальнейшем сложилась трагически. Город все более криминализировался, и он с этим по-журналистски отважно боролся. Некий майор милиции присвоил судебное вещественное доказательство — ни больше ни меньше как новенький БМВ, а Максимов этот факт обнаружил, хотел обнародовать. Наводчик заманил его в финскую баню... Труп не нашли, наводчика, который слишком много знал, позднее «пришили» тоже, а коррумпированный майор остался при своих.

Продолжение следует.

ИСТИННАЯ ГАРМОНИЯ

Лепин А., Мирошник Л. Междометия / Предисловие И. Родионовской;
послесловие О. Банцеровой — М.: УП Принт, 2011. — 208 с.

В моих руках книга стихотворений Алексея Лепина и трансформаций Леонида Мирошника. Черно-белая книга. Во всем здесь царствует противопоставленность: мысль и чувство, земное и небесное, философия и поэзия и, наконец, поэт и художник. Трудно подобрать слова, чтобы охарактеризовать эту связь. Не хочется называть искусство такими мертвыми биологическими терминами, как «синтез» или «симбиоз». Да и как ни назови, связь эта рождает истинную гармонию. Я не сторонник поэзии не русской традиции, мне сложно постигать все новое и неукорененное в нашей культуре, но произведения Алексея Лепина невозможно не понимать и не принимать в свою душу:

Родина как родинка
на животе любимой
Она всего дороже
когда ты любишь Землю.

Может, такова суть подлинной поэзии — не важна форма, будь то ямб, хорей или излюбленный нашими поэтами-постмодернистами верлибр, — заглянешь за ширмочку, а там — нагая красота...

Да, перед современными авторами вырастают две проблемы — когда автор пишет сложно о простом, так называемую заумь, и просто о простом, когда, как говорится, простота хуже воровства. Зинаида Гиппиус так же подразделяла поэзию еще на два типа: сложно о сложном и, наконец, просто о сложном — дар, присущий великим поэтам. Я опять же не знаю, к какому из четырех гиппиусовских типов отнести произведения Алексея Лепина, но ценность их заключается и в простоте формы, и в

орнаменте композиции, и в безграничной созерцательности автора, в рефлексии его и, самое главное, в чувстве. Зачастую выраженном даже слишком красиво:

из раковины губ
дыханье моря
нам плыть
от берега все дальше
на нежной лодке поцелуя

Но красота эта не вычурна, не сквозит из каждой строки, дабы поразить читателя каким-нибудь эдаким образом, она тонка и изящна. Чудо происходит, даже когда автор мастерит образ из совершенно непоэтичных деталей вроде «заплеванной лужи», «груды окурков» или «навозных куч». Автор видится мне путником, размышляющим о всяком внешнем явлении и своих внутренних противоречиях. Порой он ставит вопросы, сомневается: «Как же понять себя самому, оставайся собой?», «Каждому что-то нужно / что же нужно счастливым?» или «А что в тебе от самого себя?». Порой утверждает что-то глубоко поглотившее его мысль, иногда горькое и болезненное:

пойми живущий
может быть
и без тебя возможно

Удивительное немногословие для современной поэзии... И вместе с тем хор голосов, одушевленность не только природы, но и вовек не дышащих предметов:

природа омашинарела
шуршанье шин
рычание моторов
и только в памяти моей
еще поют
исчезнувшие птицы

Слышит, видит, чувствует автор этот живой мир.

Что же такое междометия? Это не просто слова, выражающие эмоциональную реакцию, чувства и ощущения, и, верится, это не просто книга стихотворений и трансформаций (которые являются нам подобно зеркальному отражению поэзии в творчестве художника), это жизнь авторов, «отсекающих лишнее от камня»...

Юлия Гуаццинова

НАЙДЕННЫЙ В «КАПУСТЕ»

Коркунов В. Морская капуста. — М.: Издательство журнала «Юность», 2009. — 36 с.

Стихосложение, на мой взгляд, подразделяется по глубине мыслей и чувств на два вида: стихотворчество (исполнитель — стихотворец) и поэзию (творец — поэт). Об этом много написано, скажем, у Валерия Дементьева в «Стихах и поэзии» или у Михаила Петрова в «Поэтике целого и единичного». Все сходятся на том, что в природе стихосложения нет чисто поэтов или чисто стихотворцев, хотя и существуют стихи и поэзия как разграничение поэтических сочинений. Стихотворец, как правило, — это поэт в ученичестве. Но и после становления поэт иногда возвращается в стихотворца, когда пишет о сугубо личном, то есть не об общем (целом, вечном), а о частном (единичном, временном).

Мне любопытно и радостно наблюдать, как все сказанное выше происходит в творчестве моего молодого друга Владимира Коркунова (младшего). Сначала я познакомился с Владимиром как с пародистом, то есть человеком, пробующим на зубок и коготок чужое творчество. Признаюсь, когда-то с этого варианта поэтической школы начинал и я. Вариант беспроегрышный: и руку набьешь, и попробуешь разные стили, а главное — никто тебя не

уличит и не обвинит в подражании или плагиате — ты, балагурия, осваиваешь технику стихосложения, выбирая и ища свой стиль.

Я не видел первый сборник стихов Владимира Коркунова «Приоткрытое окно» (2005), но, пожалуй, и к лучшему, поскольку слаб был и второй — «В поисках твоей Дружбы», напугавший меня обилием лауреатств и премий. Но были в этих ученических опытах стихи, заставившие меня поверить в «любителя премий». Так, зацепило слияние стихотворений с природой в пьесе «Дрожат осины на ветру...». Порадовал планетарный взгляд в довольно слабом стихотворении «Нам дали свободу от совести». Покорили философской глубиной двустихия. В общем, среди откровенного «нарциссизма» и самоуглубленности были ростки, авансирующие будущую поэзию. Владимир показался мне перспективным, и у нас завязалась переписка. Пользуясь случаем, я благодарю Володю, что он держит меня в курсе дел молодой поэзии. Нам, старикам, связь с молодежью — бальзам на раны и хвори.

И вот третья (четвертая с пародиями?) книжка стихотворений Владимира Коркунова «Морская

капуста». Лично я именно ее и считаю дебютной по одной простой причине: автор впервые, по совету Маяковского и Кирилла Ковальджи, «наступил на горло собственной песне» и выкинул половину первоначально задуманных стихотворений — этот поступок достоин подражания, а лично я простил Владимиру его увлечение легкомысленными дамами — премиями.

«Вот эта маленькая книжка...» Только графоман не понимает, что успех книги зависит не от ее толщины, а от ее наполненности. В первой книге Сергея Есенина «Радуница» было всего лишь четырнадцать стихотворений. Чуть больше было у Блока в «Стихах о Прекрасной Даме» и у Николая Гумилева в «Пути конквистадоров». А почему бы и не брать пример с классиков?! Исследователь Есенина Прокушев пишет, что, издавая «Радуницу», поэт забраковал «полсотни стихотворений». Вот так!

В книжке «Морская капуста» двадцать пять стихотворений, и, будь моя воля, я еще бы ее «выжал» на треть. Читатель должен воскликнуть «Ах!», а не «Ух ты!». Я восклицал, увы, не над каждым стихотворением. Заглавное стихотворение, давшее название книжке, читается тяжело и занудно, как инструкция по пережевыванию капусты: «Молодой человек ел морскую капусту...» Но мне понравился этот опыт с едва-едва обозначенными рифмой и ритмом — этаким зарифмованным верлибр. Форма не похожа ни на одну мне знакомую. Возможно, именно от этого мое неприятие?! Но почему-то вспомнилась именно здесь замечательная метафора Кирилла Ковальджи: «Верлибрист — поэт нетрадиционной ориентации».

Владимир Коркунов нетрадиционен, как, скажем, «пустозвонницы» гнезда Сигарева, поэтому он мне люб. Традиционалисты, хотя я сам таков, обрыдли со своим ямбо-хорейным занудством. Молодые обязаны искать новые формы, и Владимир ищет. И вот то, что он нам пытается втолковать длинно и невразумительно, вдруг вырывается в лаконичное двусторочие:

Опустошение бывает как сгусток —
А чувства — делают, что хотят.

Этот афоризм мы нашли на грядке с рифмой «капуста». Поэт, выполни все остальное и оставь нам только этот культурный плод!

Посвящение Владимиру Круссу («Достойна ли женщина, чтобы любить ее?») лично меня подкупает приглашением в соавторы. При сегодняшней моде на «нарциссизм» и эгоизм это весьма вежливо и похвально. «Поэзия — она, потому женщина — поэзия», — заканчиваю я стихотворение с позволения автора и благодарен ему за эту мысль-ассоциацию.

«Сердце, тающее шоколадкой» меня развеселило — в уме-то постоянно присутствует «шоколадная» фамилия автора. Подключает поэт и наше японское поэтическое мышление, но прирожденный редактор во мне делает правку помимо моей воли:

все, что нами не сказано
друг другу,
скажем другим.

На слуху, а чье — не помню: «Я жив, коль ты не умерла». Но у Коркунова иной смысл: мы оба пережили конец любви, как конец света.

Я знаю, ты не умерла,
Раз я не умер.

Традиционные концовки стихов (как мораль в басне), акцентирующие, обобщающие, многозначные — это, пожалуй, все, что связывает в форме Коркунова с традиционализмом. В содержании его поэзии эта связь прочнее. Впрочем, нравственное начало — это не заслуга традиционализма, а традиция всей русской поэзии. Талант — и в переводе (одаренность), и как искра Божья — нравственен изначально. А то, что безнравственно, — от лукавого. Как раз сегодня, оглянитесь вокруг, мы наблюдаем деградацию нравственности. Говорят: «Мы устали от лицемерной социалистической морали!» Но, простите, мораль и нравственность — это разные понятия. Мораль — величина непостоянная, а общество, уставшее от нравственности, обречено на гибель.

Когда я читаю Елену Фанайлову, мне стыдно, что я — человек, ей подобный. А вот прочитал «Морскую капусту» — и просветлен. И рад, что Владимир Коркунов не устал от нравственности, ведь он — будущее русской культуры, а значит — России. «Ты видела мужские слезы? Они — от счастья». На этом и заканчиваю.

Владлен Кокин

Софья ГЕТЬМАН

Софье Гетьман двенадцать лет, учится в Гуманитарном лицее. Любимый школьный предмет — история, а «внешкольный» — дипломатия. С удовольствием изучает английский и французский языки, занимается хореографией и музыкой (играет на фортепиано), много читает. В настоящее время увлечена поэзией В. Высоцкого, перечитывает У. Шекспира, которого мечтает прочитать в оригинале, также ей интересен М. Булгаков, Ж. Верн. Софье нравится все, что связано с Великобританией. Она мечтает посетить Букингемский дворец в Лондоне, замки в Шотландии и парк «Гарри Поттера» в Орландо.

ПРОКЛЯТОЕ НАСЛЕДСТВО

Лондон — город тайн и загадок. В этом городе произошла и наша история.

Одним зимним вечером госпожа Вяземская возвращалась в свое поместье. Женщина принадлежала к старинному роду. В наследство ей достались дом ее предков-дворян и немалая сумма денег. Наталья была уже престарелой женщиной. У нее часто случались обмороки и стрессы, поэтому у нее в доме жил врач, который мог в любой момент прийти на помощь. В саду у госпожи Вяземской работал садовник, в котором было что-то странное: он все время исчезал, когда появлялся доктор. Наташу это беспокоило, но ее племянница говорила: «Тетя, может, у человека боязнь врачей». За поместьем ухаживали три служанки.

У Натальи в Уэльсе часто гостила племянница, которая очень любила свою тетю. Виктория обещала на днях приехать к тетушке со своими друзьями. Вяземская спешила домой, чтобы успеть подготовиться к приезду гостей. Была уже глубокая ночь, когда Наталья легла спать.

На следующий день утром светило яркое солнце. До приезда Виктории остался один день.

— Госпожа Вяземская, вам посылка, — войдя в комнату, сказала служанка.

— Посылка? От кого? — в недоумении спросила старушка, докуривая сигару.

— Адреса на коробке нет. Она лежала в почтовом ящике.

— Странно, — сказала госпожа. — Положите ее на стол.

Положив посылку на стол, девушка ушла. Наталья, потушив сигару, подошла к посылке и стала ее разворачивать. Развернув коробку, госпожа Вяземская увидела письмо: «Вероятно, это письмо прочтут уже после моей смерти. То, что в этой коробке, имеет невероятную силу и умеет заманивать людей. Кто бы ни получил это, знайте цену и не подчиняйтесь. В. В.»

— Какая-то ерунда, — проворчала старуха.

Коробка была черной, и на ней стояли те же инициалы, что и в письме, — В. В.

— Посмотрим, что тут у нас, — с интересом сказала старуха.

Открыв коробку, она увидела маленькую ювелирную коробочку. В ней лежало кольцо с зеленым камнем, также известным всем как кошачий глаз.

— Какой-то бред! Какую силу может иметь обыкновенное кольцо? — сказала тетя, положив кольцо на комод рядом с кроватью.

Весь день прошел в хлопотах. Наступил вечер. Поужинав, Вяземская

отправилась спать. На улице был сильный дождь, царил холод. Вскоре Наташа уснула.

— А-А-А!!! — в пять часов утра из спальни госпожи Вяземской раздался ужасающий вопль.

— Госпожа, что с вами? — спросил запыхавшийся доктор в домашнем халате. Видимо, только это он и успел надеть, выбегая из своей спальни.

— Мне приснилось... А-А-А! — Наташа была вся в поту, волосы у нее растрепались, лицо выражало ужас.

— Что вам приснилось? — изумленно спросил доктор.

Первая служанка принесла воды, а вторая — таблетки.

— Где у вас градусник? — продолжал доктор.

— Он у девушки, у Арианы, — сказала хозяйка, немного приходя в себя.

— Я сейчас схожу за ним, — сказала другая служанка, Хельга.

Через пять минут девушка вернулась.

— Арианы нет в комнате, — изумленно сказала Хельга, подавая доктору градусник.

— А где она может быть в пять часов утра? — спросила госпожа.

— Мне придется вас осмотреть, но перед этим нужно помыть руки.

Через несколько минут вернулся доктор. Он достал из своего чемоданчика инструменты.

— Дайте госпоже платок, чтобы вытереть пот! Что же стоите как вкопанная?! — возмутился доктор.

Третья девушка, Элен, подошла к гардеробу и открыла его... Тут из гардероба вывалилось бездыханное тело Арианы. Оно было все исцарапано, причем царапины были узкие, но глубокие.

— Боже! — госпожа Вяземская издала такой звук, которого от нее никто не ожидал.

Буквально все стояли в изумлении. Через час приехала полиция. Тело забрали со смешным диагнозом: девушку убила кошка.

На следующее утро приехала Виктория со своими друзьями. Тетя не могла сдержать в себе то, что произошло ночью. Виктория ужаснулась. Но позже все позабыли об этом инциденте, и Виктория представила своих друзей: Екатерину, Михаила, Анастасию и Максима. Все они были ровесниками. Им было по восемнадцать лет, и жили они в Уэльсе. Вечер оказался веселым. Все легли спать около часа ночи.

— А-А-А!!! — в пять часов снова раздался крик.

— Госпожа, вам опять приснился этот сон? — спросил запыхавшийся доктор, который снова прибежал в халате. — О чем же этот сон?

Усевшись в удобные кресла, гости, доктор и служанка Элен стали слушать, что же это за сон.

— Перед сном я почувствовала головную боль, как и вчера. Затем мне все-таки удалось заснуть. Вчера во сне я увидела Ариану, которая принесла мне таблетку, а я начала ее царапать и стала котом, затем я ее все-таки убила и спрятала тело в шкаф. Я выпрыгнула на улицу через окно. Помню темный переулок, где встретила бездомного человека. Во сне я почувствовала страх и убила его, как ни смешно, своими когтями. Я исцарапала ему лицо, а поскольку во

сне видела себя огромной кошкой, то силы были неравны. Сзади я услышала голоса и убежала, а его тело оставила там, в этом узком переулке. Затем пошла в ювелирный магазин. Я стала взламывать дверь, но тут ко мне подбежал сторож, стал меня останавливать, но я оттолкнула его, и он ударился головой о стену. Я проникла в магазин и своровала много драгоценностей. Затем зачем-то пошла на кладбище. Положила все, что украла, на какую-то могилу. Это мне приснилось вчера. А сегодня я во сне убила Хельгу, когда та принесла мне микстуру. Это произошло в ванной. Я растерзала ее. В сегодняшнем сне мне удалось ограбить банк. Охранника я просто порвала на куски. Из банка украла несколько тысяч долларов и тоже понесла их на кладбище и положила на могилу. Потом я проснулась. Я очень испугалась. Элен, принеси, п-п-п-пожалуйста, воды, — сказала дрожащим от испуга голосом Вяземская.

— Что за ужасный сон! — удивился доктор.

— Когда начались эти кошмары, тетушка? — спросила Виктория.

— Это началось вчера, — ответила Наталья.

— А что особенного случилось вчера?

— Ничего, за исключением того, что вчера я получила посылку.

— Принеси ее, пожалуйста. Кто такой В. В.? — прочитав письмо, спросила Виктория.

— Я сама не знаю.

— Постойте, сон про ювелирный магазин вам приснился вчера? — спросил Максим.

— Д-д-да, — заикаясь, ответила тетя.

— Вчера вечером в новостях передали про ограбление ювелирного магазина, — растерянно сказал Максим.

— Да?! — в один голос спросили все присутствующие.

У тети было испуганное лицо. Лица других выражали недоумение.

— На что вы намекаете, молодой человек?

— Тетя, он намекает на то, что твои сны вещие.

— Это легко проверить, — сказал доктор. — Нужно найти Хельгу, если мы найдем и ее убитой, то в доме завелся убийца. Причем им может быть любой из нас.

Почти все, кто был в спальне, разошлись искать Хельгу, кроме Натальи, поскольку она чувствовала себя ужасно. Через час все снова собрались в спальне, но Хельги или ее трупа никто не обнаружил.

— Вы в ванной искали? — спросил доктор.

— Да, я смотрела, — ответила Элен.

— И на первом этаже, и на втором?

— На втором я не смотрела, — ответила Элен и поспешила в ванную. Через пять минут в ванной комнате раздался грохот.

— Что там случилось? — спросила тетя нервно.

— Я сейчас посмотрю, — сказал доктор.

Вскоре раздался голос мистера Грея, доктора: «Вызывайте полицию и скорую помощь!»

Из спальни все напрямик кинулись в ванную. Зрелище было ужасное. На полу лежала бездыханная Хельга. Она была буквально разодрана. Рядом же с ней в обмороке валялась Элен...

Через час приехали полицейские и врач из морга. Они осмотрели тело. Царапины (как и у Арианы) наблюдались глубокие, а одна царапина была такой огромной, что раздирала сердце пополам. Тело забрали в морг. Полицейский составил протокол и заявил, что по этому делу будет вестись самое серьезное расследование.

Утром Элен пришла в себя. Тетя до сих пор не могла выйти из стресса. Доктор дал ей снотворного.

В полдень Наташа проснулась. У нее жутко болела голова. За обедом присутствовали все домочадцы.

— Господа, назревает серьезная проблема. В доме завелся убийца, и его нужно найти нам самим,

иначе скоро, пока полиция будет вести свое расследование, мы все окажемся трупами, — важно заговорил доктор.

— И что же вы предлагаете, мистер Грей? — спросил Михаил.

— Я предлагаю дежурить по ночам. Нужно сделать расписание и дежурить по очереди.

— Вариант хороший, — одобрила госпожа.

— Сегодня будет дежурить Михаил, но ведите себя осторожно, юноша, и присматривайте за Элен.

— Я согласен, мистер Грей.

— Ну вот и отлично, — сказал доктор.

После ланча все разошлись по своим делам. День пролетел незаметно. И вот наступил ужин. За ужином выяснилось, что доктор заболел ангиной. Вскоре гости, кроме Михаила, и тетя легли спать.

— Элен, держитесь рядом со мной. Тихо!

— Что случилось?

— Элен, вы слышали? Дверь! Где-то скрипнула дверь.

Лица обоих выражали страх. Тут внезапно распахнулось окно.

— А! Стойте здесь, Элен. Я сейчас его закрою.

Михаил подошел к окну, закрыл его.

— Ну вот, — удовлетворенно сказал юноша. Но тут он обернулся и не обнаружил сзади Элен. — Элен, где вы? Элен?

Михаил, не зная, что делать, побежал в спальню доктора как к руководителю задуманной операции по разоблачению преступника.

— Доктор! — запыхавшись, сказал он. — Доктор, Элен похитили! Доктор?

Что было дальше, неизвестно, но на следующий день Михаила нашли растерзанным в спальне доктора. Исчезнувшего ночью мистера Грея искали целый день, но так и не нашли. Абсолютно всех охватил страх. Самое интересное, что и полиция не могла найти убийцу.

— Друзья, из этого дома надо съезжать. Михаил убит, Ариана с Хельгой

и, судя по всему, Элен растерзаны, доктор пропал. В этом поместье творится что-то очень темное и страшное, — за обедом объявила тетя.

— Тетя, ты, безусловно, права, но куда? — спросила Виктория.

— Пока не знаю. Думаю, это поместье надо продать и купить другое.

— Даже если так, то убийца все равно среди нас, и он ни перед чем не остановится.

— Ты права, Вика. Но что же нам делать?

— У меня есть идея. Ночью нужно продолжать дежурить, но при этом поставить камеры. Так мы сможем поймать убийцу, — предложила племянница.

— Хорошая идея, — одобрил Максим.

Через час Виктория, которая прекрасно разбиралась в технике, уже купила на деньги тети высококачественную камеру.

— Стоп! А где ее устанавливать? — спросила Наташа.

— Нам нужно подманить убийцу! Нам, как говорится, нужен живец, и я готова им стать.

— Нет, Виктория! Не смей! Я не позволю тебе погибнуть!

— Тетя, я уже самостоятельный человек! — возмутилась Вика.

— Но это не значит, что ты можешь собой так рисковать.

— Тетя, я решила. И почему ты думаешь, что я погибну? Между прочим, в детстве я занималась карате. Я буду в коридоре, и камеру нужно установить там.

Тетя знала, что если племянница что-то задумала, то остановить ее невозможно. День пролетел незаметно. В дом приезжала полиция, но, несмотря на тщательный осмотр, дело так и не продвинулось. Наступил вечер. За ужином все сидели грустные и испуганные, мало того, теперь ведь служанок нет, и еду приходилось готовить самим. После ужина все были взволнованы. Наташа три раза перекрестилась у иконы. Операция была продумана до деталей: Виктория сидит в коридоре, а сзади ее охраняет Максим. Когда появляется убийца, Виктория делает вид беззащитности, и в этот момент из гостиной появляется Максим и набрасывает убийце на голову мешок, затем связывает его и ведет в полицию.

Все ушли в свои спальни, а участники операции остались одни. Свет погасили, хотя было страшно. Где-то снова скрипнула дверь. Хрупкая с виду девушка вздрогнула. Тут Вика увидела на улице тень огромной кошки, такой, как описывала Вяземская.

— Смотри, Макс.

— Что случилось, Вика? Ты действуешь не по плану.

— Посмотри на улицу. Или я сошла сума, или тете действительно снился вещий сон.

— Я ее вижу тоже, но это невозможно. Огромная кошка, разгуливающая по улице. Но ты права. Нужно на нее взглянуть поближе. Пойду на улицу, посмотрю на нее.

— Нет, стой. Это уловка. Преступник похитит меня, пока ты будешь разглядывать кошку!

— Пойдем со мной.

— Если тебе так хочется увидеть эту кошку, то пойдем. Мне тоже очень интересно.

Тогда Максим вышел из гостиной и, взяв Викторию за руку, направился вместе с ней к входной двери. Приоткрыв ее, оба увидели чудовище, стоявшее к ним спиной. У кошки было что-то в руках.

— Смотри, это же бриллиантовое ожерелье. Оно было украдено из того ювелирного салона несколько дней назад: я помню фотографию, которую показывали во всех новостях, изделие стоит целое состояние. Интересно, куда это кошка его несет?

— Не знаю, Макс, но ясно одно — дело нечистое. Нам нужно проследить за кошкой.

— Ты права. Пойдем за ней. Но нужно подождать, пока эта кошати-на хоть немного отойдет от двери, иначе она нас заметит.

— Стой, я прихвачу наши паспорта, а то вдруг нас увидит полиция. Я чувствую, сегодня мы попадем в переделку!

Через две минуты кошка побежала вдоль узкого переулка, в темноту. Ребята открыли дверь и направились следом. Чудовище бежало по направлению к городскому кладбищу.

— Что кошке нужно на городском кладбище, Максим?

— Я, как и ты, не знаю, Вика. Смотри, она подошла к какой-то могиле.

— На ней что-то написано. Ты можешь прочитать эту надпись, Максим?

— Когда эта кошка уйдет, мы посмотрим.

Тут чудовище положило драгоценности на могилу. Через несколько минут огромная кошка убежала в сторону дома госпожи Вяземской.

— Подойдем посмотрим, что там написано, — сказал Максим.

Подойдя к камню, ребята увидели надпись: «Вильям Вяземский. 1801–1888. Граф, находившийся на службе у королевы Виктории».

— Интересно, что было нужно кошке у этой могилы? — спросила Виктория.

— Сам не понимаю, — ответил Максим. — Но что нам делать с драгоценностями? Если мы понесем их в полицию, то там будет много вопросов.

— У кого? — не поняла девушка.

— У полиции, естественно, — ответил Макс.

— Почему? — спросила Виктория.

— Как ты не понимаешь! Полиция сразу начнет спрашивать: «Откуда у вас эти драгоценности?» А что мы ей скажем — про кошку, которая разгуливает по улицам Лондона, да еще ростом с меня?! Они примут нас либо за воров, либо за больных!

— Но что же нам делать?

— Не знаю, но в любом случае нужно вернуться домой.

— Ты прав, Макс.

Друзья легко нашли выход с кладбища, но дальше их ждало приключение.

Когда они шли по улицам, то все им казалось, мягко говоря, странным: у обочин домов стояли кареты девятнадцатого века, редко встречающиеся в столь темный час девушки были одеты в длинные платья, а мужчины — в смокинги. Прохожие смотрели на Максима и Викторину, как на сумасшедших.

— Макс, что происходит? Такое чувство, что мы в девятнадцатом веке.

— Я ничего не понимаю. Нужно найти наш дом.

Когда друзья оказались у своего дома, то увидели, что он выглядит совсем по-другому.

— Что же нам делать? Посмотри, вывески магазинов украшены остролистом, под которым написано: «1874 год», — сказала Вика.

— Постой! — вскрикнул Макс. — Вильям Вяземский, ничего не замечаешь?

— А что?

— Вильям Вяземский — В. В.

— Точно! Нужно его найти. Может быть, он нам сможет что-нибудь объяснить?

— Но как мы ему все это объясним?

— Я попытаюсь найти с ним общий язык.

— Какой общий язык, Вика?!

— Не спорь.

Максим и Виктория пошли по направлению к их аллее. Вскоре они нашли (хотя и с большим трудом), если так можно сказать, свой дом.

— Стучись ты, у тебя рука счастливая, — сказал Максим.

Виктория подошла к двери и стала стучаться.

Послышались быстрые шаги. Дверь открыл худощавый, высокий и стройный мужчина.

— Вы к кому? — спросил он, открывая дверь.

— Э-э-э, мы бы хотели встретиться с господином Вяземским, — сказала, заикаясь, Вика.

— У вас назначена встреча? — спросил важно дворецкий.

— Я думаю, нет, но нам очень нужно с ним поговорить.

— А вы с вашим юношей из какой-то конторы?

— Нет, а почему вы так подумали? — раздраженно спросил Макс.

— Вы очень странно одеты. Сейчас я посмотрю, если господин Вяземский не занят, то я представлю вас ему.

Через несколько минут вернулся дворецкий.

— Господин Вяземский, несмотря на столь поздний час, вас примет, — сказал дворецкий и жестом пригласил гостей в дом.

Поднимаясь по лестнице, ребята заметили картины, которые висели и в настоящем двадцать первом веке у тети Викторины.

— Господин Вяземский, к вам посетители, — открывая дверь в кабинет, оповестил хозяина дворецкий.

— Благодарю вас, мой друг! — послышался мягкий, добрый мужской голос. — Вы можете идти.

Итак, о чем же вы хотели со мной поговорить? Во-первых, давайте познакомимся. Меня зовут Вильям Вяземский.

— Меня зовут Вика, а моего друга — Максим.

— А почему вы так странно одеты? — спросил Вяземский.

— Видите ли, вы можете принять нас за сумасшедших, но мы из будущего, из двадцать первого века, — дрожащим от неуверенности голосом сказала Виктория.

— Простите, вы меня разыгрываете?

— Нет, нам не до шуток. Вот, посмотрите, это мой паспорт, — убежала Виктория, протягивая Вяземскому свой паспорт.

— А что такое паспорт?

— Господин Вяземский, откройте этот документ на последней странице, и вы все поймете.

Вяземский открыл паспорт на последней странице, надел очки и удивился.

— Так вы действительно из будущего? Но как это возможно?

— Мы сами еще не совсем поняли, но мы пришли к вам не за этим, — немного взволнованно сказал Максим.

— Чему же я обязан?

— Видите ли, господин Вяземский, это долгая история, но нам нужно знать, вы когда-нибудь владели кольцом с огромным «кошачьим глазом» и завещали ли вы его кому-нибудь? Мы понимаем, это нескромный вопрос, но вы сможете спасти будущее, — серьезно сказал Максим.

— Я унаследовал это кольцо. Оно имеет огромную силу, но недавно я написал завещание, и кольцо пропало, хотя я завещал именно его.

— Пропало? Но как это возможно? — удивленно переспросила Виктория.

— Я сам не знаю, но оно пропало так неожиданно, что мне пришлось переписать все свое завещание.

— Ну что ж, спасибо за информацию, не будем вас задерживать, — сказал Максим.

— Нет, нет, я был рад помочь. Пожалуйста, — вежливо ответил ошарашенный столь странным визитом хозяин и даже проводил гостей.

Ребята вышли на улицу, не зная, куда идти.

— Мы попали сюда через кладбище, значит, и вернуться сможем через него, — заявила Вика

И они оба побежали вдоль переулка, прямо к кладбищу. Вот они уже у входа. Быстро подбежали, как ни странно, к могиле Вяземского, быстро выбежали с кладбища и заметили, что зади них кто-то стоит. Обернулись и увидели... Элен.

— Боже, ребята, как я рада найти вас! Я пошла за кошкой, но не смогла найти дорогу обратно и тут увидела вас! — радостно объявила Элен.

— Элен, а вы знаете, что случилось с Михаилом? — спросил Макс.

— Нет, а что с ним случилось? — ответила служанка.

— Его убили, — сказала Виктория.

— Как?! Я его звала, но он будто меня не слышал. Я даже подумала,

что попала в другое измерение, — удивилась Элен.

— Боюсь, что это так, — ответила Вика.

— Но как это...

— Мы еще сами не знаем, но, Макс, у меня появилась теория.

— Нужно спешить домой, Вика, там изложишь свою теорию.

Троица побежала домой. В настоящем времени был уже день. Ребята пришли домой и обнаружили, что все еще спят.

Элен накрыла завтрак, а ребята ей помогали, но Виктории нужно было зачем-то отлучиться в комнату доктора. А зачем, мы сейчас узнаем.

Войдя в комнату доктора, она взглянула в его шкафы и обнаружила два диплома: первый — об окончании медицинского колледжа, а второй — об окончании крупного технического вуза в США. Но оба, как Виктория и ожидала, были выданы в 2146 году, то есть в будущем.

— Так я и знала! Он из будущего! Остается только проверить еще одну вещь, — разговаривала сама с собой Вика.

— Вика, ты идешь? — спросил Макс.

— Уже иду. — Виктория взяла с собой все, что нашла. Это было очень важно.

Втроем попили чай, а когда все встали, то рассказали им о приключениях. Тетя была в ужасе, особенно от огромной кошки, она испугалась еще больше.

— Тетя, я, кажется, уже знаю, что происходит, но для подтверждения мне нужна еще одна ночь, — сказала за завтраком племянница.

— Но почему не сейчас? — нетерпеливо переспросила тетя.

— Нужны доказательства моей теории, а вы все в нее сейчас не поверите.

Тете пришлось согласиться. Наступил вечер. Мирно поужинав, все, кроме Вики, отправились спать, но на этот раз Вика отправилась на второй этаж, чтобы узнать окончательный ответ, а еще захватила с собой камеру.

Часы пробили полночь.

Пока в спальне у тети было все нормально, но вдруг Виктория увидела, что кольцо засветилось, и тетя стала медленно превращаться в кошку: сначала появился хвост, потом руки и ноги превратились в лапы, глаза стали ярко зелеными, отросла шерсть. Вика включила камеру, поставила на комод и подбежала к тумбе, на которой лежало кольцо. Быстрым движением руки Виктория разбила кольцо о пол.

— А, что со мной было? — поднимаясь с кровати, спросила тетя.

— Тетушка, сейчас я все объясню. Элен! — крикнула племянница служанку. — Будите всех.

Когда все были в сборе, Вика начала свой рассказ.

— Друзья, я начну свой рассказ с самого начала, то есть с письма. В письме был назван некий В. В. На кладбище мы нашли могилу Вильяма Вяземского. Преодолев время, нам удалось с ним поговорить. Но оказалось, что кольцо было потеряно еще до смерти графа. Я в отчаянии. Но когда мы встретили Элен без доктора, то я начала понимать, что доктор к этому причастен. Поэтому я решила осмотреть его комнату. Я нашла там дипломы, выданные в 2146 году, а значит, он из будущего. Ну а теперь о кошке. Огромная кошка разгуливает по Лондону, и ее никто не замечает — это невозможно. Но нужно смотреть на время. Тут пришлось тяжелее. На самом деле кошка была не в двадцать первом веке и не в девятнадцатом, а в межвременном пространстве. Ее ни в двадцать первом веке, ни в девятнадцатом не видели, а мы ее видели потому, что точкой отсчета ее путешествий был этот дом.

— А кто же был этой кошкой? И что случилось с Михаилом? — спросила тетя.

— Доктор управлял тетей из своей комнаты, а когда Михаил по случайности туда зашел, то Грей от неожиданности выхватил из кармана медицинский нож и убил

его. Этой кошкой была ты, тетя. То, что тебе снилось, происходило на самом деле. Но, как я уже сказала, я не верю в мистику. Посмотрите на остатки кольца. То, что тебе прислали, было трансформатором и машиной времени одновременно. Этот аппарат изобрели в США, в будущем. И изобрел его доктор Грей. Это устройство нужно было испытать. Но в будущем делать было этого, вероятно, нельзя. Он вернулся в прошлое, нашел женщину, у которой должна быть реликвия, да еще много слухов об этом кольце. Он вернулся в двадцать первый век, а затем в девятнадцатый, украл настоящее кольцо, а недавно прислал тебе, тетя, фальшивое. Он устроился у тебя доктором, чтобы наблюдать

за действием кольца, а когда понял, что может сделать для себя выгоду, то с помощью аппарата заставлял тебя красть драгоценности, для мистики заставлял проходить через темные переулки, а последний раз — на кладбище. Кошка возвращалась то в девятнадцатый век, чтобы красть драгоценности, то в двадцать первый, а потом приносила драгоценности в указанное место. Выходила тетя через окно, а приходила также по приказу. Доктор ночью, когда ты начинала кричать, прибежал первым.

— А где же он сейчас? — спросила Наташа.

— Среди нас. Вот он, — сказала она и указала на садовника. — Садовник не исчезал, когда появлялся доктор, а передевался в него.

Садовник хотел бежать, Максим попытался схватить его, но доктор вдруг испарился.

— Он перенесся в будущее, и его уже не вернуть. У него есть в будущем сообщники. А мы не можем вернуть его, потому что механизм сломан, — закончила рассказ Виктория.

— А что же нам делать? — спросила тетя.

— Просто с этим смириться. Нам не дано этого изменить, — ответила Виктория.

Через несколько недель тетя пришла в себя после всей этой ужасной и невероятной истории, однако, так и не поняв, что есть вещи, неподвластные человеку...

г. Москва

Андрей РАСТВОРЦЕВ

Андрей Растворцев родился в 1958 году в с. Гонжа Амурской области. С 1978 года, после окончания Ленинградского топографического техникума, работал геодезистом в различных регионах России. В настоящее время живет в Чебоксарах. Работает начальником топографо-геодезической партии экспедиции № 138 Средневолжского аэрогеодезического предприятия.

Автор поэтических сборников «За тех, кто в поле», «Свободное плавание», «От любви до любви», «Там хлебом пахнет дым», «Полет сквозь август», «Точка возврата», книги стихов для детей «Лунная дорога». Публиковался в литературно-художественных журналах «ЛИК» и «Таван Атал» (Чебоксары), «Невский альманах» (Санкт-Петербург), «Дальний Восток» и «Родное Приамурье» (Хабаровск), местной периодической печати.

Растратчик

Я — не нищий, но диск луны
Вечер бросил мне в кружку с водкой,
Я его под разрыв струны
Проглотил ошалевшей глоткой.

Я сажу, а гитарный плач
Рвет мне сердце, коря растратой:
Диск из золота — не калач,
Не сравнить с нулевой зарплатой...

Я пытался опять ловить
Отражение диска в кружку —
Только не было, что налить:
Водка выпита, съели юшку...

В облака уползла луна.
Не в чести, знать, пустая тара...
И кричит на меня жена,
И рыдает моя гитара...

Метель в городе

Из-под прикрытых век нахмуренных небес
На город падал снег и косо, и в отвес...
Слепые фонари расплющено желтели —
Как долго до зари,
Как зябко жить в метели...

Размазанных домов расплывчатые тени —
Декабрьский покров сменял покров осенний.
Убогие дворы по одному и стадно,
Распяливая рты,
Снег поглощали жадно...

Растерянный трамвай искал в снегу дорогу,
На ощупь, не спеша, тащился понемногу...

Скрипели деревья суставами больными,
Ветвями на ветру
Заснеженно-седыми...
Озябшие дома, промокшие в метели,
Оконной желтизной на липкий снег глядели...
Ладонями дверей метель в дома стучалась —
Не впущенная в дом,
На землю опускалась...

Щемящий душу джаз в миноре плел истому,
Дремалось и спалось под стон метели дому...
Мечталось о тепле потерянного лета,
О ласке и любви,
Что задержалась где-то...

г. Чебоксары

Евгений КАРАСЕВ

*Евгений Карасев работает инженером, живет в Омске.
Это тот случай, когда «физики открывают в себе лириков».*

Отец

Я думал об отце — к нему подкралась старость,
И на его лице — морщины и усталость.
Я думал об отце — он молод на портрете,
И мы еще с сестрой не взрослые, а дети.
Я думал об отце, о бравом лейтенанте.
Сказать хотелось мне:
— Года былые, встаньте.
Я думал об отце — строителе, солдате...
Я сам теперь отец, и думы эти кстати.
Я думал — две войны, нелегкие дороги,
Я думал и вбирал в себя отца тревоги.
А жизнь бежит вперед, что делать,
Все проходит,
Но знаю, от отцов в нас что-то переходит.
Вот с внуком он стоит у дома, на крыльце.
Я думал об отце, я думал об отце...

Мама

Наперекор ветрам,
Что прошумят над нами,
Мы весточек от мам
Ждем все сильней с годами.

И где-то за листом
Вдруг оживают зыбко
И маленький твой дом,
И мамина улыбка.

И мамино лицо,
И мамины морщинки.
Скрипучее крыльцо,
Летящие снежинки...

г. Омск

Евгений АГЕЕНКОВ

Евгений Агеенков — уроженец Подмосковья. Окончил МПУ имени Крупской. Работал в сфере образования. Стихи и прозу пишет с детства. Печатался в университетской газете «Народный учитель», в газете «Центр плюс». Автор сборника «Последний шаг из черной бездны».

БРОСАЙ ОРУЖИЕ, СЫНКИ!

Все было предельно ясно и предельно точно, как и должно было быть на самом деле, когда утомленная перестройкой Россия, еще не оправившаяся от громких разборок в высших эшелонах власти, ложилась на рельсы вседозволенности, распущенности и безнаказанности, именуемых началом демократии.

Мы мчались по Каширскому шоссе на почти что новеньком БМВ. Мы направлялись на разборки с соседней группировкой, не желающей уступить нам доходную часть сферы своего влияния, реально проигранную в карты нашему шефу их шефом — мафиози по прозвищу Авантюр. И дело было не в карточном долге, вернуть который считалось честью у нас в России восемнадцатого-девятнадцатого веков для любого, безусловно, уважающего себя человека. Когда безудержная страсть к карточной игре, стирающая социальные и сословные различия, делящая людей на два типа — пассивных рабов обстоятельств и любимцев Фортуны, — на самом деле заключалась в стремлении привнести в скучную, однообразную жизнь элемент случайности и некоторой театральности. Когда жизнь и игра словно поменялись местами, и карточная игра становилась своего рода поединком, порой не уступающим дуэли, с помощью которой сводились счета, проигрывались состояния, жены, ка-

зенные деньги. Однако о некоторых джентльменах удачи — любителей карточного азарта последнего десятилетия века двадцатого — с приходом технического прогресса, как ни странно, можно было бы сказать то же самое лишь с большим натягом. Причем дело было не только в проделках карточных шулеров.

Итак, игра та проходила в сауне, в кругу пышногрудых комсомолок, а точнее, развеселившихся после глотка шампанского провинциальных русоволосых барышень, приехавших завоевывать Москву, но с виду, как мне показалось, ни о чем другом более значимом, чем просто большие деньги, вовсе не думавших. Авантюру явно не везло, и он проговорил как бы в шутку, что следующую партию он обязательно выиграет, а если нет, то на кон последней партии поставит все свои доходные приобретения. Вряд ли к тем словам можно было отнести с достаточной степенью серьезности, чтобы пропустить мимо ушей, особо внимание на том не заостряя. Однако наш шеф слыл дядькой не промах. Мысленно он сразу зацепился за эти оброненные спьяну обещания. Воспринял их сообразно своей натуре, как человек, никогда не упускающий ничьей хотя бы мизерной оплошности, а именно со всей серьезностью профессионала. Профессионала по жизни. Он включил диктофон — вещь в то

время редкую и для обывателя неоправданно дорогостоящую, возобновил спор, пока страсти еще не утихли, и подзадорил изрядно расслабившегося пивом и приятным дамским окружением своего компаньона, игра которого опять начала складываться не в его пользу. Намекнул на то, чем тот в случае последнего проигрыша будет расплачиваться, и получил вторичное, почти равное прежде сказанному обещание: беспощадный диктофон точь-в-точь записал каждое оброненное слово. После чего нашему шефу оставалось только надиктовать дату и время сделанной записи, что он незамедлительно и незаметно для своего собеседника и сделал. Но диктофон еще не выключил. Для задора и пущей убедительности записи наш шеф чувствительно ущипнул сидящую рядом рыжеволосую девицу Маню за ее невзначай подставленный голый зад, и на пленку диктофона дополнительно легли и громкий пронзительный девичий визг, и как будто виноватый смех, и шумный плеск воды от плюхающегося в бассейн роскошного девичьего тела.

В предвкушении новых прибылей, вновь и вновь прокручивая диктофонную запись с дружеской вечеринки в сауне, наш шеф был доволен. Под вечер следующего дня он отправился к своему неудачливому карточному должнику в его

загородный дом, где тот проживал вместе со своей охраной. Предложил сыграть в карты и в игре напомнил о его проигрыше и о том, что тот ставил на последний кон, и в доказательство продемонстрировал диктофонную запись скромному держателю пяти бензоколонок, трех автосервисов, девяти торговых ларьков и трех небольших ночных клубов.

Авантюра с дружеской улыбкой на расплывшейся физиономии поначалу решил, что его разыгрывают, так как пили все и все были пьяны. Однако отказываться от своих слов было более чем бессмысленно и более чем глупо. Карточный долг есть карточный долг. А долг, как известно, платежом красен. Играющий в долг, так же как и скупой, платит дважды, если слова своего не держит и проигрыш, какой бы он ни был, возвращать не желает. Но если же речь идет о чем-то другом, более весомом, более вещественном, жизненно важном, тут уже никакие препирательства не помогут. Сам виноват. Вошел в азарт — умей держать язык за зубами. Не умеешь держать язык за зубами — не пей лишнего. И все же лишаться проигранных трех автосервисов, пяти бензоколонок и девяти торговых ларьков Авантюру не хотелось. И наш шеф был прогнан. И обруган. Самыми последними словами. Ответить на грубость и нечестность предстояло личным телохранителям его, ребятам достаточно крепким, умеющим обращаться с оружием, и мне, бывшему журналисту, отважившемуся подзаработать — профессионально снять на видео всю предстоящую разборку, а в особенности самого Авантюра, возможно, погибшего смертью храбрых, но лучше трясущегося и клянущегося наконец вернуть проигранное нашему шефу. На самом же деле, как мне сказали, наш шеф хотел всего лишь припугнуть Авантюра, в противном случае я бы просто не поехал: как бы трудно ни было в те смутные, совершенно

непредсказуемые времена, а жизнь, какая ни есть, все ж дороже.

Как я уже упомянул, нас было пятеро в БМВ. Еще пятеро, не отставая, ехали за нами в джипе. Стрелка была назначена на три часа дня. Некоторые из нас готовы были вступить в бой за личные интересы любимого шефа не щадя ни своих сил, ни своего здоровья, но большинство разумно думало, что лучше пострелять по мишеням, правильно понимая, что ответного выстрела в том случае, конечно же, не последует. Хорошо еще надеяться на мирный исход дела. Вдруг Авантюра все же удастся припугнуть, и все обойдется без кровопролития? При таком раскладе наш шеф, чтобы не потерять дружбы, готов был вернуть Авантюру половину его проигранных автосервисов, бензоколонок, торговых ларьков и ночных клубов. Правда, как он собирался нечетное количество такого добра разделить поровну, никому из нас в голову не приходило. Но все мы понимали, что наш шеф, относящийся к разряду умудренных жизненным — и не только — опытом людей, зря ничего делать не будет, и если дружба для него важнее, выгоднее, то с минимальными потерями все же пойдет на уступки. Но это, правда, только в том случае, если Авантюра удастся припугнуть. А если не удастся, и он окажет яростное сопротивление? Что тогда? Любого из нас может скосить даже шальная пуля, я уже не говорю о прицельных выстрелах. А тому, кто только с видеокамерой бегаёт, — погибнуть еще проще. И тогда уже придется повоевать. Вспомнить, чему десяток лет назад в Советской армии учили. Только война эта будет не за Родину. И даже не гражданские интересы. Война лицом к лицу с такими же парнями, как и мы, хотя в юности мы запросто могли встречаться или просто видаться где-нибудь в одном из немногочисленных тогда моло-

дежных московских кафе со своей девушкой каждый или в кругу своей компании и не замышлять друг против друга ничего плохого. Однако лишь один из нас особенно своей шкурой не дорожил — это немного неуравновешенный Игнат Жмыхов, самый молодой из нас, по прозвищу Жмых — наркоман во всех проявлениях, еще числившийся среди живых, волочащих свое грешное существование на измученной побоями воинских сражений матушке-Земле. Как бы это удивительно ни было, но ни разу пуля Жмыха не зацепила, даже не поцарапала. И все мы были уверены, что Игнат наш в рубашке родился. И если он и умрет молодым, то только лишь от передозировки. Сам Игнат понимал это и относился к своему везению как к некоторой исключительности своей персоны. Брать с собой в подобные дела такого счастливирика было не то чтобы необходимо, а полезно для нашего же благополучия и удачного исхода всей нашей разборки. Хотя бы для отвлечения внимания, чтобы провести какой-либо хитроумный, скрытый маневр. И это же хорошо понимал и наш шеф, терпимо относясь к скверным слабостям везунчика.

Игнат, то есть Жмых, не сидел спокойно на месте, весь подергивался от нетерпения, стучал ногой и все время бубнил, что опоздаем, что Авантюра, не дождавшись нас, уйдет, а после обвинит нас в трусости. Его терпели. И в перепалку с ним пока не вступали.

Неожиданно идущие впереди машины стали, и Гарик, наш водила, притормозил и остановил машину тоже.

— Ты чего? — встрепенулся Жмых, непонимающе, словно только проснувшись, моргая глазами.

— Пробка. Не видишь, что ли?

— Какая еще пробка?!

— Обыкновенная.

— А если опоздаем?

— Тебе не терпится получить вдруг пулю в лоб? — сказал сидевший

рядом с Гариком Витек, наш старший в деле.

— А ты хочешь бабки за просто так получать? — заартачился Жмых.

— Умереть в бою не страшно, — сказал рассудительный Иван. — Раз — и нету. Ведь нас же не было, например, в прошлом веке, когда не было ни автомобилей таких, ни автомата Калашникова — и ничего!

— Так и самого Калашникова в прошлом веке не было — и тоже ничего, — сказал Жмых.

Не согласиться с этим мы, конечно, не могли. Однако продолжать с Игнатом спор никому не хотелось.

Вдруг сорвется еще, да не тогда, когда нужно будет?! Со Жмыхом лучше соглашаться. Так будет спокойней. И безопасней к тому же.

— Ну что, долго еще стоять будем? — не выдержал затянувшейся паузы Жмых.

— Сколько придется, столько и будем, — сказал Гарик. — Не думаю, что это надолго. Потом поднажмем — наверстаем.

— Чего ты наверстаешь?! — заорал вдруг Жмых. — Я пешком пойду. Пешком быстрее доберусь. Или на попутке. Наверстают он... Как будто один на дороге едет...

— Стой! Сиди! Куда ты? — схватил его за плечо могучий Иван. — На какой еще попутке?! Мужики! Куда он пойдет? Со стволом-то? Его ж менты повяжут! Реально повяжут! За незаконное оружие!

— Повяжут, — сказал Витек.

— Повяжут и дознаваться с пристрастием станут: и где же ты взял автоматикко, сынок? Откуда? — Гарик с улыбкой глянул на Игната. — Что ты им скажешь? Нашел, скажешь, автомат-то? Или, скажешь, незнакомый добрый дядя вместе с патронами его подарил? От нехороших мальчиков отбиваться?

Жмых поерзал немного на месте и притих. Как будто призадумался.

— А в самом деле, долго еще нам торчать на этой дороге? — спросил и я.

Гарик посмотрел на часы.

— Уже десять минут как стоим, а почти не сдвинулись.

— Странно... А ведь никогда здесь такого не бывало... — сказал Витек.

— Да, не бывало. Это верно, — согласился Гарик.

— Может, перестрелять их всех тут на хрен?.. — предложил Жмых.

— Да тихо ты! — одернул его

Иван. — Перестрелять... Стрелок, тоже мне...

— А я плохо стреляю, по-твоему?

Плохо стреляю? Может, проверим?

— Да тихо ты, проверяльщик хренов! — сказал Иван. — Остудись! Для главного дела свой пыл побереги!

— До главного дела еще добраться надо, а мы и до завтрашнего утра не доберемся, если так стоять будем! Я пойду туда, узнаю, в чем дело.

Игнат открыл дверцу и вышел из машины.

— Куда ты? — Иван хотел его остановить.

— Оставь его, — сказал Витек. —

Пусть посмотрит.

— Автомат оставь, чудик! — напомнил, смеясь, Гарик.

— Не учи! — огрызнулся Игнат и спрятал автомат под полу своей длинной куртки. Он двинулся вперед между другими автомашинами, по пути ударяя по колесам тупыми мысками своих крепких высоких ботинок, и вскоре скрылся из виду.

Прошло минут пятнадцать, когда мы его, наконец, увидели возвращающимся. Игнат все так же пробирался между машинами, но глаза его горели. И как-то странно горели. Как будто от бессильного возмущения, но, может быть, и от своевременно принятой дозы.

— Ну и чего там? — спросил Гарик, когда Игнат оказался возле машины.

— Там асфальт вспучился...

— Как это вспучился? — удивился Иван.

— А так! Вспучился — и все! Как живот у твоей Ланки перед родами.

— А Ланка-то моя здесь при чем?

— А при всем... Я бы и о матери твоей так сказал! Хочешь?

— А ну, подойди-ка сюда, ты, крыса обнюхавшаяся! — Иван попытался схватить Жмыха рукой через открытое окошко, но тот умудрился увильнуть в сторону.

— Тихо, мужики, тихо! Ша! Хорошо спорить! Кончай базар! Вам еще поубивать друг друга из-за всякой ерунды не хватало! — прекратил потасовку Витек.

— А что он мою Ланку все время задевает? Она-то здесь при чем? — обиделся Иван.

— Ни при чем, ни при чем, — попытался я его успокоить. — Он это, Иван, для сравнения сказал. Для сравнения, понимаешь?

— Для какого еще сравнения? — накинусь на меня Иван. — С асфальтом? Ты хочешь сказать, что Ланка моя плоская, как этот асфальт? Ты видел мою Ланку? Видел? Видел, какая у нее грудь?

— Да видели мы, видели мы ее грудь, Иван, успокойся, — устало сказал Гарик.

— И не только видели... — ехидно дополнил Игнат.

— Что?! — Иван рассвирепел. Он ринулся из машины, но общими усилиями нам опять удалось удержать его на месте.

— Игнат, садись, — сказал Витек. — И рассказывай все, что там увидел.

— А этот боров лапы уберет?

— Я тебе сейчас покажу, кто боров! — бросил Иван.

— Уберет, не бойся... Иван, пропусти!

— Этого обнюхавшегося недоноска?

— Так надо, — сказал Витек, внимательно посмотрев на Ивана.

Иван нехотя подвинулся.

— Ладно, пусть садится. Но если хоть еще одно слово о моей Ланке...

— Не скажет, Иван, не скажет... — заверил его Витек.

Игнат влез в машину, сел, поставив автомат между ногами.

— Нет, если хоть еще одно слово...

— Вань, да оставь ты его в покое, чего он тебе? Ты что, не видишь,

чего он добивается, или не поймаешь никак? — шепотом попробовал я убедить Ивана. — Прояви мужскую выдержку, не смотри на него. Отнесись к нему, как к пустому месту!

— А он и есть пустое место, — одобрительно согласился Иван.

Он отвернулся от Игната. Встретившись с Витькиными глазами, неожиданно весь подался вперед, ухватив спинки кресел своими ручищами так, что те жалобно заскрипели.

— Мужики! — воскликнул Иван. — А это что еще там за хреновина такая?

Пригнув головы, мы буквально уперлись глазами в лобовое стекло.

— А я что говорил?! — обрадовался Жмых, поигрывая автоматом.

— Но только это уже точно не асфальт, — проговорил Гарик.

Впереди возвышалось нечто похожее на огромный, зеленовато-желтого цвета шар. Точнее, пузырь. Он пульсировал, увеличиваясь в размерах и тесня во все стороны находившиеся перед ним автомобили. Он становился все больше и больше, занимая всю дорогу, и некоторые машины были вынуждены сдавать назад или съезжать на обочину. Гарик тоже стал сдавать назад. Замерев, мы продолжали наблюдать за происходящим.

В стекло постучали. Это был Мишка Упекон — водила из джипа по прозвищу Пекарь.

— Видели? — спросил он.

— Да видим, видим, не слепые... — отозвался Витек.

— Что за яйцо такое?!

— Твое! — сказал Игнат, и мы засмеялись. И даже Иван чуть улыбнулся.

— А ничего смешного в этом, между прочим, нет, — сказал вдруг Гарик.

— Нет. Это верно, — согласился Витек.

— Фолиант! Инопланетный, говорят! Из-под земли вырос! Надо же такое! Во всю ширину дороги! Даже больше! — продолжал тем временем Мишка Пекарь, ни на шутку Игната,

ни на наш веселый смех не обратив внимания.

— Из-под земли, значит, а инопланетный, — угрюмо заключил Иван. — Странно. А вдруг это овощ такой, новый сорт кто-то вывел?

— А я в одной книжке прочитал, что огурцы, оказывается, не земного происхождения, — сказал Гарик. — Семена их нам прислали!

— Это как? По почте, что ли? — спросил Игнат.

— По почте, по почте...

— Ну а это что за гигантское такое? Тыква, что ли? — спросил Мишка.

— Не похоже...

— А может, помидор?

— А может, грейпфрут?

— А может, и еще что... Да кто ж его знает!

— Приживется или нет? Как огурцы? Как думаешь?

— Я думаю, а может, он не вкусный?

— А может...

— Да погоди ты со своими огурцами, селекционер! — прервал его Витек. — Что делать-то будем, мужики? Мы как в ловушке здесь. Хода нет. Ни вперед, ни назад.

— Что делать, что делать?! — Игнат снял автомат с предохранителя и приоткрыл дверцу машины. — Витек, тебя ж тут главным поставили, а ты не знаешь, что делать. Забыл, куда едем? Так я тебе напомним. Шеф разбираться не будет, что тут у нас на дороге объявилось. Ты это знаешь. Поэтому стрелять в него надо, вот что делать, Витек. Стрелять! Это не тыква! И не огурец! Раскрой глаза шире! Разве овощи такими бывают? Тварь это инопланетная, вот что это такое! Поналетели тут со всех концов галактики, понимаешь! Тарелки всякие! Дерьмо свое нам на головы сбрасывают, а мы рты раскрыли от удивления! Чего раскрывать-то? Чего удивляться? Нас они к столу не приглашали! Тварь это инопланетная, вот что это такое! Вроде Чужого! Или Хищника! Только по-другому выглядит! А может, и круче

того будет! Просекаешь? С тарелки десантировалась и под асфальтом зарылась, ждала, когда подъедем. Всю дорогу теперь загородила и уходить не собирается! Нам что его теперь — просить, что ли? На каком языке? На инопланетном? У нас своих дел хватает! И языков тоже! Стрелять в него надо, Витек! Стрелять! Может, тогда он уйдет?!

Жмых вскинул автомат и, не дожидаясь решения старшего, выпустил длинную очередь поверх крыш плотно стоявших перед нами автомашин. Зеленовато-желтый пузырь не лопнул, как того, наверное, хотел стрелявший в него Жмых, но издал громкий, похожий на жалобный, удивленный писк, на какое-то мгновение сжался, а потом опять принял свои прежние размеры и форму.

Жмых довольно заржал и принялся палить одиночными выстрелами, целясь в разные места огромного пульсирующего пузыря.

Пузырь уже не сжимался, но стал вздрагивать, смешно и громко издавая икающие и ойкающие звуки. Мы, совсем не ожидая этого, переглянулись с удивлением и тоже дружно засмеялись. Вышли из машины. Передернув предохранители, Витька, Иван и Гарик подняли автоматы и тоже начали палить в пузырь. Вскоре к ним присоединились и другие, у кого было хоть какое-то оружие. От джипа тоже потянулись длинные автоматные очереди, кто-то даже трассирующими патронами зарядился, и их было хорошо видно в обступающей дорогу осенней предвечерней мгле. Не решаясь их остановить, я подробно снимал все происходящее на видео. Для отчетности перед шефом.

Внезапно раздувшийся до размеров чуть ли не пятиэтажного дома пузырь подпрыгнул на месте, и у него вдруг обнаружили четыре ноги, больше похожие на куриные лапы. Пузырь с ножками развернулся, как бы ища место для отхода, и, присев, метнулся в сторону и стремительно поскакал прочь, прини-

мая на себя весь наш оставшийся боезапас.

— Ух! Здорово! Как в тире! Даже лучше! — переводя дух, воскликнул Иван. — Лишний раз потренироваться — никогда не помешает. Почаще бы так!

— Да, славно постреляли, — согласился Гарик. — А лихо он упрыгал! А? Инопланетный этот...

— Дурни! — спохватился вдруг Витек. — Какие же мы дурни! Мы же без патронов теперь остались! Все расстреляли! С чем же к Авантюру-то теперь поедем?

— А они? — мотнул головой в сторону джипа Иван.

— И мы тоже! — отозвались от джипа. — У нас ни одного патрона не осталось. Зато этот вон как рванул!

— Рванул... А где Жмых? — спохватился Витек. — Жмых, ты где?

— Да вот он лежит! На капоте! — сказал Гарик. — Отдыхает...

— Жмых! — окликнул Витек. — Жмых! Игнат!

Жмых не шевелился.

Витек подошел к машине и наклонился над Игнатом. Тот лежал на груди, а руки распластал по ее отполированной поверхности. Сзади на куртке виднелось багровое пятно.

— Убит? — как бы самому себе не веря, произнес Витек потерянным голосом и оглянулся на нас. — В спину.

— Кто ж его? — спросил Иван.

— Кто стрелял? — закричал Витек.

— Да все стреляли, Витек...

Из джипа подбежали все, кто в нем ехал.

— Кто стрелял? — уже тише повторил вопрос Витек.

— Да все стреляли, все, Витек, ты же знаешь! — сказал Мишка Упеков.

— Я спрашиваю! В Игната кто стрелял? Кто убил Жмыха? Кто?

— Да никто! Зачем нам в своего-то палить, а тем более в Жмыха? — сказал Мишка. — Мы что же, не знаем, что он у шефа на особом счету? Хотя и наркоман...

— Случайная пуля, наверное, — предположил Иван.

— Случайная? — Витек с подозрением посмотрел на Ивана. — Как мы теперь без него поедем? Куда?

— А куда нам ехать-то, Витек, без патронов? — рассудительно ответил Иван вопросом на его вопрос. — Патроны-то все кончились. А гранаты мы не брали.

— Бросай оружие, сынки! — вдруг донесся из темноты властный,

требовательный голос. — Война закончилась, все окружены, рейхстаг разбит и захвачен, а германское правительство подписало акт о безоговорочной капитуляции!

Загремело, зазвякало оружие, брошенное на асфальт.

— Вот так-то оно лучше будет! — произнес тот же голос.

Нас забрали. Всех взяли без сопротивления и без единого выстрела.

Ребятам дали срок за незаконное хранение оружия, а меня отпустили — я ведь только снимал!

Да, я оказался единственным, кто снимал на видео это странное чудо на ножках.

Я написал занимательную статью о происшедшем, и мне предложили место в одном из ведущих журналов. Правда, временно. В связи с уходом одной сотрудницы редакции в декретный отпуск. А инопланетянин, вскоре появившийся на шоссе в другом районе Москвы, опять спровоцировал то же самое и, пусть и заново обстрелянный, также благополучно исчез.

Куда?

Надолго ли?

И инопланетянин ли он был на самом деле?

Московская обл.

РИЖСКИЙ НОКТЮРН МЕЧТЫ

ПОВЕСТЬ

Признания

До этого мгновения я сдерживал пульсирующую боль в руке, помогало нервное напряжение. Теперь же она, резко усилившись, вырвалась из поврежденного локтя, разлилась горячей волной по телу, ударила в голову. Обещанный доктором Долгополовым рецидив. Как потом выяснилось — последний.

Теперь же я отключился. Потом почувствовал холод, боль отступила.

Открыл глаза, вижу над собой два лица — одно Аниты, она изможденная, но и счастливая. Второе лицо мне знакомо. Его обладатель в полицейской форме. Смотрит на меня с сочувствием, но вместе с тем и сердито, а на Аниту косится вообще с яростью. Сержант Айварс Екабсонс! Везет мне на него. Они помогают мне подняться. Боль потихоньку проходит. Все бы хорошо, если бы не его ворчание.

— Опять вы попали в историю! — Он с негодованием глядит на Аниту. — Как вы могли отвести рано утром в старый город вашего мужа с его-то болезнью, здесь же безлюдно, кто ему поможет! — Переводит взгляд на меня: — Приходите в себя, только не выкиньте что-нибудь еще. Скоро на площади появятся туристы. Что будет, если

вы снова драку затеете? В таком-то месте — рядом с собором, неподалеку сейм, министерство финансов. Что туристы подумают о Латвии?

Брюзжит, как заведенный, а сам, бережно поддерживая меня, уводит с Домской площади. Направляемся к круглосуточно работающему кабачку.

— Вот посидите здесь, отдохните. Я побуду с вами, проконтролирую обстановку.

Анита держится чуть сзади него. Подмигивает мне. Она похожа на хитрую, обалденно красивую кошку. Взгляд ее меняется. Она пристально смотрит в затылок сержанта.

Он слегка вздрагивает. Выпрямляется.

— Впрочем, мне уже нужно идти. Мое присутствие необходимо на бульваре Аспазии. Надеюсь, вам лучше?

Не дожидаясь ответа, Екабсонс поворачивается и идет в направлении Рижского русского театра. Двигается чуть ли не строевым шагом. Это подозрительно.

— Что ты с ним сделала? — спрашиваю я Аниту.

— Слегка запрограммировала, ты ведь помнишь, я умею внушать мысли, — пожимает плечами она. — Он

уверен, что премьер-министр скоро там проедет. Стремится выглядеть наилучшим образом.

Добросовестный латвийский сержант невольно отвлек нас от того, что произошло на площади...

— Теперь я могу быть с тобой, и обязательно буду, — говорит Анита. Она кладет мне руки на плечи. — Епископ Альберт ни с кем так долго не разговаривал, как с тобой. Ты самый лучший. — Она с любовью смотрит на меня.

Бедная, сколько же она вынесла... Она думает, что все препятствия на нашем общем пути устранены. Если бы это было так...

Теперь дело во мне. Я ей скажу то, что наверняка оттолкнет ее от меня. Не стану ничего скрывать.

Я смотрю ей прямо в глаза, хотя очень тяжело, рассматриваю каждую ее черточку. Может, больше и не увижу. И говорю то, что должен был сказать еще тогда, когда мы в первый раз были на набережной Даугавы.

— Анита, я был дважды женат. Оба брака были бездетными. После разводов обе мои бывшие жены родили от других. Дело во мне...

Трудно, нет, вообще не могу смотреть на нее, слишком сильный

нанес ей удар теперь, когда она чувствует себя счастливой.

Отворачиваюсь, долго рассматриваю стоящие рядом с собором и такие радостные в своей красоте домики.

Набираюсь сил, продолжаю:

— Я обследовался, врачи говорят, сделать ничего нельзя. Если ты останешься со мной, у нас не будет детей. Не обрекай себя на бездетность, ты намного моложе, и, как знать, может, у тебя все еще будет хорошо.

Я достаю пачку сигарет, мысленно проклиная себя за то, что не прекратил общение в самом начале...

Она подошла близко-близко ко мне. Вырвала сигареты, бросила их на мостовую. А затем взяла мои руки в свои и крепко прижала к груди.

— Ты встретишь кого-нибудь, вы вместе придете сюда, — продолжаю я.

Выражение ее лица меняется стремительно, как рижская погода в сентябре.

Она смотрит на меня сердито, словно вот-вот ударит.

— И ударю, — она будто читает мои мысли, — если еще раз скажешь о ком-нибудь. Заикнись только. — И снова в глаза ее возвращается ласка, а вместе с ней — признание: — Я догадывалась о том, что детей у нас не будет. Поняла уже в первые ночи.

Я вспоминаю о ее способности читать мысли. Наверное, этот вопрос написан у меня на лице.

— Нет, просто чувствовала, многие женщины это чувствуют. — Анита наклоняет голову к моим рукам, целует их. Затем смотрит на меня. — Ты никуда никогда от меня не уйдешь, — то ли умоляет, то ли приказывает она, а губы слегка дрожат: — Не отпускаю, никогда не думай об этом.

Я прижимаю ее к себе. Чувствую, как дорога она мне.

— Я не собираюсь уходить. Вот только скажи, а меня ты не запрограммировала? — полусутоливо спрашиваю, вспоминая о сержанте.

— Это ты меня запрограммировал. Навсегда. А вместе со мной и себя. Мысли твои я никогда читать не буду, и так все знаю...

Она улыбается, ее балтийские глаза почти на одном уровне с моими, она высокая... И губы наши почти на одном уровне.

Мы целовались еще дольше, чем в первый день, когда открыли друг друга. А потом она повела меня к себе домой. Когда шли по улице Мейстару, я посмотрел вверх. Черный Кот на своем месте. Мне показалось, что он игриво подмигнул нам. Больше того, в этот момент он как-то особенно жизнерадостно мяукнул, будто давая понять, что прекрасно знает, чем мы собираемся заняться.

«Интересно, как воспринял бы этот жест строгий епископ», — мелькнула мысль. Я поделился ею с Анитой.

— Безобразник, надо всем шутить, — строго сказала она. Но глаза Аниты смеялись. — И не такой он и строгий. Не строже тебя. Целый допрос ему устроил. Как следователь. Правда, ты все-таки был добрым следователем. Я это оценила.

В знак этого она целует меня в щеку.

Я издаю звук, похожий на мурлыканье, давая понять, как мне приятно.

— Котик ты мой хороший. — За словами следует еще один поцелуй.

Мы оба проникались тем, что теперь ничто нашей любви не препятствует, ощущали, как давящее все это время напряжение постепенно оставляло нас. Может, оттого и шутили.

— Кстати, фамильную реликвию из-за котика могла бы и не продавать, — шутливо напоминаю я.

— Не один ты такой настойчивый, — уже серьезно парирует Анита. — Что поделаешь, если у меня нет счета в банке.

Настойчивость... Эту черту Аниты я хорошо знаю. Она — не только от ее собственного характера, это

зложено генетикой Benedictus, привыкших плыть против течения.

Да, она творческая натура, пишет стихи, очень эмоциональна, ее чувства тонки, она с вызовом одевается, у нее нет никаких табу в сексе, и ночных рубашек она не признает. Но в основе ее — сплав настойчивости, собственной сильной воли и опыта, накопленного поколениями предков. И дух этой древней волшебной земли — та сущность, которая была здесь всегда. Вот такая ее душа, которая нашла мою душу. Возможно, было наоборот, но это неважно. Я люблю все в ней.

День постепенно вступал в свои права, оттесняя полутемное утро поздней осени. Снег сменился дождем, потом прекратился и он.

Казалось, мы шли сквозь время. Покинули средневековый центр, прошли мимо зданий проспекта начала двадцатого века и скоро очутились в уже относительно новом районе города, где стояли дома, построенные в разные советские десятилетия.

Семья Аниты жила на одной из тихих улиц Видземского предместья. Ее дом из темного камня был сложен в 40-е годы. Со всех деревьев возле него уже облетели листья. Они оставались лишь на одном клене возле подъезда, к которому мы шли. На мокрые после дождя листья падал свет уличного фонаря, и они оттого казались особенно яркими. Будто кто-то расположил возле подъезда Аниты светильник, маяк для нас...

Анита открыла дверь и впустила меня к себе. Мы одни. Родители ее уехали в государственный реабилитационный центр в Вайвари. Там каждый год лечится папа Аниты.

И была наша первая общая ночь в ее доме. Мы были близки и до этого, но сегодня все по-другому. Мне хочется назвать ее женой... Помоему, я и произношу это слово, когда мы занимаемся любовью. Взгляд, все ее тело откликаются на него.

Она проснулась первой. Не будит меня, но я чувствую ее взгляд.

— Я люблю быть одна. Но часто очень тоскую, когда родители уезжают. Теперь, когда ты есть, я по-прежнему думаю о них, но все теперь по-другому...

Я понимаю ее. Сам очень люблю своих родителей. Она не отгеснила их. Просто любовь к ней дала новое начало в моей жизни.

— Мы обвенчаемся? — еле слышно говорит она.

— Да.

Я целую ее. Всю — губы, груди, руки, едва заметные шрамы на запястьях, пальчики ног. Смотрю на нее. У нее слезы на глазах...

— Я пойду умоюсь, — произносит она все так же тихо. Ей сейчас не хочется говорить лишних слов.

Анита ушла в ванную, а я — раньше было не до этого — рассмотрел комнату: салатные обои, мебели очень немного. Книг изобилие — и на полках, и стопками на полу, преобладает поэзия. На полу — коврик странной расцветки. Потом узнаю от Аниты — он для йоги. На столе рядом с компьютером большой альбом для фотографий. Когда она возвращается, я прошу показать мне их. Анита охотно соглашается, мы садимся на кровать, она открывает альбом.

Очень много старых карточек, сразу видно — семья с прошлым. На одной — молодой парень с жизнерадостными глазами, открытой улыбкой. Он в офицерской латвийской форме тридцатых годов.

— Это брат дедушки, Юрис, — поясняет Анита. Она побывала не только в ванной, но и на кухне, принесла мне большую чашку чая и как есть, почти topless из-за непослушно распахнувшегося халатика, рассказывает мне о фотографиях.

— А вот он же, — Анита переворачивает несколько страниц альбома.

Здесь этот человек намного старше, у него грустные, без искры, глаза, губы плотно сжаты, выглядит каким-то обескровленным. Одет в костюм с сужающимися книзу брюками, так было модно в пятидесятых годах.

— Дядя Юрис долго был в лагере. Потом работал бухгалтером, — рассказывает Анита.

Лагерь выпил из его глаз всю жизнь. Vietas Gars остается только позавидовать хорошей работе!

Анита переворачивает страницы. Как много дореволюционных фотографий! На одной несколько почтенных мужчин. Они собрались на пляже Юрмалы, сзади санаторий «Мариенбад» с его характерной круглой башенкой. Все с тросточками, в котелках. Машут нам руками.

— Второй справа — прадедушка Петр по маминной линии, — говорит Анита. — Пикник дворянского собрания. Прадедушка был финансистом, его знали на всех биржах Европы. А вот о том, что он был одним из старейшин общины, знали лишь ее члены и... Vietas Gars. — Анита разводит руками. — Прадед чуть не разорился, хорошо еще, вовремя понял, что дух подчинил себе волю его давнего партнера, заставляя его осуществлять заведомо проигрышные вложения средств. А эта женщина, — она показывает еще на одну фотографию, — моя прабабушка.

На снимке — несколько девочек в гимназической форме. Прабабушка я узнаю сразу — она высокая, как и моя Анита, и взгляд у них очень похожий. Удивительно красивые девочки, смеются, в них легкость детства, они сфотографировались возле Домского собора. Только площади здесь еще нет — вокруг храма симпатичные домишки, их снесли в тридцатых годах.

— Сестру прабабушки Vietas Gars сильно напугал, когда она носила третьего ребенка. Она родила преждевременно, и мальчик был очень слабый. На всю жизнь таким и остался. Глядишь, был бы посильнее — и на войне бы выжил. Погиб в Польше в 1915 году.

А вот совсем старая карточка. Господи, да ней же я и Анита! Во всяком случае, молодая высокая женщина в длинном платье и кокетливой шляпке похожа на нее, как

сестра-близнец. И это Эльза. А мужчина... Этот человек в дореволюционной форме морского офицера — я, только переодевшийся...

Лишь теперь я понимаю, почему Анита так боялась за меня. Мало сказать, что мы просто похожи. Наверное, нас могли бы отличить друг от друга лишь матери. И жены...

Анита садится рядышком на кровать, обнимает меня:

— Да, это самый человек, которого она любила даже после того, как он уехал из города.

— Вы выбрали почти одинаковых внешне мужчин.

— Может, потому, что я похожа на нее. — Анита ласково гладит меня по волосам, затем взор ее становится грустным. — Именно его она так и не смогла забыть.

Она внимательно смотрит на меня. В глазах — не только любовь, но и забота, нежность.

— Несколько раз Эльза приходила ко мне во сне. Она ласково разговаривала со мной, как с дочерью, помогала советами. Она очень хотела иметь детей здесь, на земле, и это желание сохранилось у нее и там, куда она ушла. Когда появилась я, столь похожая на нее, она полюбила меня, решила не оставлять своей заботой.

— Эльза и сегодня пришла к тебе, предстала перед нами сегодня, как живая, — говорю я.

— Она Benedictus, у многих из нас необыкновенные свойства. Последний раз я видела ее во сне незадолго до нашей с тобой встречи. Было раннее утро. Мы с Эльзой в белых платьях шли по пляжу. Она обняла меня за плечи. — Анита обхватила руками колени, глядит вдаль. — Она попросила меня обязательно быть на мостике в парке возле Бастионной горки, назвав тот самый день, в который потом мы встретились. «Ты увидишь там своего мужчину. Постарайся разглядеть, увидеть именно его, почувствовать и понять. Он будет очень усталый в этот день, но это не самое главное. У вас с ним все

будет хорошо», — сказала она мне. Затем поцеловала в губы, погладила волосы и пошла в сторону маяка. Я оставалась на месте, а она отдалялась и отдалялась от меня. Я сначала не поверила ей и, конечно, весь день возле Бастионной горки не гуляла, просто вечером сделала круг на пути домой, пошла к мостику. — Анита вытягивается на кровати, она слегка напряжена. Закрывает глаза, молчит, затем признается: — Я не очень хотела идти туда.

Я молчу. Жду.

— У меня тогда был любовник, мальчик младше на несколько лет. Мне было хорошо с ним в постели. А большего, как казалось, и не хотелось. С того вечера, когда встретила тебя, больше этого мальчика не видела. Зачем?

— И верно. Зачем?

Каждый из нас сейчас думает о своем. Я — о любовнице, с которой не поехал в Ригу на те три дня, в самый первый из которых нашел Аниту...

Я ложусь рядом с ней, и мы молчим вместе. Вдвоем. Интересно, предвидела ли Эльза, как все сложится.

— Где Эльза сейчас, как ты думаешь, Анита?

— Может, она там, где и епископ Альберт. Он взял ее с собой. Душа ее успокоилась.

Тут я вспоминаю, как Анита оставилась вчера у статуи Эльзы.

— О чем ты думала, когда гладила руку статуи?

— О своем, о девичьем, — отшучивается она, произнося слова с нарочито усиленным латышским акцентом. — Вам, мужчинам, этого не понять. — Потом становится серьезной. — Знаешь, я поблагодарила ее за то, что встретила тебя. Пусть на короткое время, пусть ненадолго, как я думала тогда, но ты уже был со мной... Я не видела ее во сне с тех пор, как она сказала мне ждать свое счастье на мостике возле Бастионной горки.

Я хотел было сказать, что Эльза смогла замкнуть несчастливо на-

чатый ею самой круг, но Анита уже не склонна философствовать. Она просто целует меня в губы. Поцелуй длится недолго. Она деловито собирает волосы в хвост. Единственная прическа, которую признает.

— Мы еще не завтракали, я на кухню, жду через десять минут, — целует в нос и устремляется из комнаты, в дверях оборачивается. Хитро подмигивает.

Когда я собираюсь идти за ней, то никак не могу найти тапки папы Аниты, которые надел накануне. Куда только не заглянул. Я быстро понимаю, в чем дело. Приучает ходить босиком. Приходится подчиняться.

В кухне меня ждут крепко заваренный чай, зернистый творог, кисло-сладкий хлеб и сыр с тмином. Анита переделась. В ярко-сиреневой маечке без плеч, желтых шортах и, разумеется, босиком, разливает чай, раскладывает еду по тарелкам. У нее довольный вид. Ей нравится роль хозяйки, она наслаждается ею.

Она остается на кухне мыть посуду, я возвращаюсь в ее комнатку. Смотрю корешки книг. Многие знаю. Некоторые открою потом. Каждая из них — вселенная, и история их в этом доме — вселенная. Центр которой — Анита. Мне кажется, я знаю ее много лет. Но все равно каждый день открываю что-то новое в ней, будто новую страницу книги. Меня радует это. Не хочу знать сразу все. Впереди жизнь.

От полок с книгами возвращаюсь к альбому. Долго гляжу на Эльзу и ее любимого. Если бы не она, мы бы не встретились. «Как же они все-таки похожи, они, Анита и Эльза», — думаю я, рассматривая фотографию.

— Верно, она же моя двоюродная прабабка. — Анита тихо подошла сзади, обняла, целует шею.

— Опять ты мысли читаешь, — ворчливо говорю я. Оборачиваюсь, нарочито сердито смотрю на нее.

— Обязательно, — строит мне глазки Анита. Она делает шаг назад. —

Только не все, а лишь самые сильные. Вот сейчас я, например, знаю, что, а точнее, кого ты хочешь.

Я делаю два шага вперед, прижимаю к себе, чувствую ее. Она права, но лишь наполовину. Хочу не только я...

В этот день мы так и не собрались в старый город. Выбрались в него лишь через трое суток. Бродили по улочкам, площадям, подошли к Domus Dei. Затем пообедили в «Лидо». Старая рижская мужская шутка — «поведу тебя в “Лидо”, только после, а не до» — к нашей паре не относится.

Сплетение

Гуляя через несколько дней по городу, мы случайно встретили того пожилого человека с длинными усами, который сбил меня своим Volvo. Сразу узнав нас, он на все том же плохом русском снова стал извиняться, спрашивать, как мое здоровье. Чувствовалось, что тот эпизод, едва не обернувшийся трагедией, не давал ему покоя.

Кстати, неловко чувствовал себя и я. Немало бывал в Риге и прежде, а теперь, если решим жить в ней, а не в Москве, а так, скорее всего и будет, и вовсе в ней поселюсь. Пора бы латышский подучить. Надо уважать людей, среди которых живешь.

Усач между тем сетовал на человека, продавшего ему подержанные зимние шины, которые и подвели его любимый Volvo на перекрестке.

— Вроде приличный, солидный человек, сказал, что искусствовед, уверял, что шины новые, — возмущался наш собеседник. — Я покупал вечером, доверился ему, толком не посмотрел их, да и торопился утром в Лиепаю ехать, там у старой тещи еще один инфаркт случился. Жена переживает, я сам не свой был. Только после того, как вас чуть не убил, внимательно посмотрел протекторы. Один посередине почти полностью стерт. Такое бывает, сразу и не заметишь.

Мы с Анитой смотрим друг на друга.

— Скажите, Карлис, — спрашиваю я у усача (мы представились друг другу только теперь, в тот раз было не до этого), — а как выглядел ваш искусствовед?

Карлис с готовностью описывает продавца. Аполлон Яковлевич. Или его брат-близнец, что крайне маловероятно. Двух таких одинаковых персонажей даже Рига со всем ее волшебством не выдержит.

Кажется, Карлис не против продолжить общение с нами. Мы разговариваем, вдруг он оборачивается на чей-то голос.

— Папа, я тебя ищу и ищу, — подходит к нам высокая девочка, ей лет пятнадцать. — Ты полчаса тому назад должен быть у выхода из торгового центра. Мы же договаривались.

Она очень недовольна,

— В школе учится, а уже косметику смотрит, — пожимает плечами Карлис.

Он обращается и к нам, и к ней. Делает вид, что сердит, а сам с обожанием смотрит на нее. Поздний ребенок. У меня не будет такого.

Мы торопливо прощаемся с Карлисом, просим его забыть о случившемся, ведь все, слава богу, обошлось.

Я очень раздражен. Анита чувствует мое настроение. Она ничего не говорит, просто берет за руку. Будто теплая волна проходит по телу. Я почти успокаиваюсь. Это происходит непривычно для меня быстро. Обычно я если выйду из себя, то надолго. Еще одна ее способность? А может, просто прикосновение любимой?

Мы возвращаемся к прогулке, я все еще не в духе. Чуть-чуть, но, наверное, заметно. Анита неожиданно делает мне подарок. На одном из сувенирных лотков покупает маленькую глиняную копию Черного Кота. Лукаво улыбаясь, вручает мне:

— Что бы помнил, кому ты так обязан. А еще многие верят, что черные коты счастье приносят.

— В России вообще-то считают наоборот.

— Ты сейчас не в России, а в Риге, со мной. — Она обнимает меня за талию.

Своим подарком она напоминает мне нашу историю. И еще успокаивает. Как ребенка. У нее получается.

Любовь духа

Через несколько дней, впервые после встречи с епископом, мы шли по улице, где находится статуя Эльзы. Я очень хотел снова посмотреть на нее. Но статуя исчезла. Будто ее никогда не было. Куда она могла деться?

— Похитил кто-нибудь?

Я сам понимаю нелепость этого предположения — сколько лет статуя стояла здесь, и ее никто не трогал — и оттого смущенно смотрю на Аниту.

— Просто Эльза сама не захотела оставлять ее. — Анита взглянула на меня так, как порой старшие люди смотрят на людей младше и неопытнее их. — Она теперь счастлива, оттого что мы вместе. Это для нее самое важное. Оно заслонило в душе Эльзы ее собственную несчастливую жизнь. Прежде она жила грустными воспоминаниями о себе, статуя олицетворяла их. Потом появилась я, она переживала за мою судьбу. Теперь, когда у меня все хорошо, Эльза успокоилась, воспоминания отошли на второй план, и олицетворявший их памятник стал ненужным для нее.

— Конечно, ты лучше Эльзу знаешь и понимаешь, а потом, я все-таки не Benedictus. — Я слегка обижаюсь на снисходительно-добрый взгляд. — Я хоть и видел и епископа Альберта, и этого вашего, не к ночи будь сказано, Vietas Gars, но для меня все-таки еще не очень привычно, когда вчера статуя стояла здесь, а сегодня ее уже нет на месте, потому что так решила хозяйка, жившая в позапрошлом веке.

— Ты лучше и умнее всех Benedictus, вместе взятых. — Анита показывает мне язык, смеется.

Я уже не сержусь, мы проходим мимо памятного места, гуляем на Раушной площади. Возвращаемся тем же маршрутом.

На месте, где недавно была статуя, кто-то положил большой букет желтых цветов.

— Может быть, это сделала женщина из музея? — предположил я.

— Не думаю, — ответила Анита.

Я пытаюсь продолжить разговор на эту тему, но она, кажется, не склонна к нему.

Мы нередко и после проходили мимо этого места, вспоминая Эльзу, сыгравшую немалую роль в наших судьбах. Всякий раз здесь оказывались цветы.

Новая загадка этого города. Возможно, связанная с нами. Анита и Эльза... Даты их рождения отстоят очень далеко друг от друга. Но внешне они как сестры и судьбы их мистически переплетены.

Однажды зимним солнечным утром мы шли к Аните домой через старый город, возвращались с центрального рынка. В удивительно ярком для начала января солнце снег искрился на крышах домов, их краски казались особенно жизне-радостными. В январских лучах город легкомысленно растерял свою строгость, заложенную епископом Альбертом и возглавляемыми им рыцарями, его переулки стали веселыми, сказочно-игрушечными. Подаренное солнцем Риге настроение передавалось нам.

На месте, где стояла статуя, снова были цветы. Схваченные морозом, они казались стеклянными. Мы миновали это место и уже подошли к Шведским воротам, когда я вдруг увидел знакомую фигуру в их проеме. Vietas Gars!

Наше праздничное настроение, рожденное короткой яркостью зимнего солнца, исчезло. Мы сосредотачиваемся, готовясь к схватке с этим созданием. Инстинктивно прикрыв собой Аниту, я весь внутренне напрягся, собирая воедино свою волю и силу. Анита тоже увидела

Vietas Gars, она не выглядела испуганной, в глазах ее твердость.

Gars Vietas, казалось, не заметил нас. Он шел так, будто вообще никого вокруг не видит. Он не в одеждах воина-балта. Навстречу нам идет одетый по-современному искусствовед Аполлон Яковлевич. Внешне он изменился. Прежде у него всегда был вид модного, следящего за своей внешностью человека, неважно, был ли он в современном костюме или в одежде прошлой эпохи. Все ладно сидело на нем, гармонировало с ним. Теперь же создавалось впечатление, что Аполлон Яковлевич сам по себе, а его вещи — тоже сами по себе, они не органично, как раньше, выглядят вместе. Было прохладно, но даже свой красивый длинный шарф он не завязал искусственным образом вокруг шеи, как наверняка сделал бы раньше, когда в облике искусствоведа знакомился со мной, а просто намотал на нее.

В руке у него букет желтых цветов.

Он так и прошел мимо нас со своим букетом.

— Я знала, что это он приносит цветы. — Анита взяла меня за руку.

— Что может быть общего у него с Эльзой? — Я никак не ожидал услышать такое.

— Мы много общались с ней в моих снах. Vietas Gars фигурировал в наших беседах. — Анита останавливается прямо на улице. — Эльза говорила мне, что в отличие от других Benedictus никогда не видела зла от Vietas Gars. Когда ее офицер уехал из Риги, дух, приняв вид элегантного горожанина, начал ухаживать за ней. Раз за разом, будто нечаянно встречая ее на улице, раскланивался, пытался завести разговор. Присылал ей корзины с цветами. Кстати, тоже желтыми. Но она — Benedictus, и само приближение к ней существа, принесшего столько зла людям из общины, в том числе и ее родственникам, внушало ей отвращение. Естественно, что на знаки внимания Vietas Gars она не ответила.

— Сдается мне, офицер, любивший Эльзу, уехал из города не без участия своего соперника.

— Верно, я тоже думала об этом. Может, он усилил его отчаяние от неудачных походов к собору, убедил его, что епископ Альберт не выйдет к ним. А может, внушил ему страсть к другой женщине, — говорит Анита задумчиво. — Потом, когда страсть прошла, у него не хватило мужества вернуться, и он выбрал более легкий путь — застрелился. — Вдруг с восхищением смотрит на меня: — Офицер оказался менее сильным, чем ты! Вспомни, ведь ты хоть и не сразу, но сам смог сбросить с себя наваждение этого создания, когда он привел тебя к этой, как ее... Не помню ее имя, — Анита слегка покраснела, сердито покосилась на меня. Пережив, видимо, про себя снова этот эпизод, она продолжила: — А про Петуха ты вспомнил, потому что мне, пусть не умом, но сердцем поверил. Ты смог поверить, потому что сильный, и любовь твоя сильная. — Ее мысли снова возвращаются к так похожему на меня офицеру. — Возможно, в том случае все обошлось без участия Vietas Gars. Просто офицер отчаялся ходить с Эльзой к собору, счел это занятие бесполезным, уехал. А тоска привела его к смерти. В любом случае, — заключает она, — силы и веры ему не хватило, чтобы преодолеть препятствия.

У меня тем временем возникает еще один вопрос к Аните. Она ведь так похожа на Эльзу...

— Скажи, а Gars Vietas за тобой, часом, не пытался ухаживать?

— Он не любил меня так, как Эльзу. Воспринял лишь как живое напоминание о ней. Тем не менее пытался увлечь собой. Но я, в отличие от тебя, Benedictus, знаю его в лицо, знаю, на что он способен. И он знает это. Тем не менее отважился подойти ко мне. На улице Алская это было — там Vietas Gars чувствует себя наиболее уверенно и комфортно — он, весь такой элегантный франт, остановился

рядом со мной. Стал говорить о том, что Benedictus заблуждаются, что настоящий хранитель Риги он, а не епископ Альберт, и я, как он выразился, самая одухотворенная из общины, должна это понять, по-больше пообщавшись с ним. — Анита презрительно улыбнулась. — Я не стала его долго слушать. Он не догадывался, что даром внушения обладает не только он, но и я. Ну я и вложила ему в башку кое-что такое, что он с тех пор приблизиться ко мне не смеет. Хотя несколько раз ловила на себе его взгляды. Издалека пялился. Хотя и убедился, что меня ему не видать, но... — Анита погладила мою руку. — ...но тебя мечтал отвести от меня. Очень не хотел, чтобы я с тобой была, безумно ревновал. Он ведь честолюбивый, его когда-то отторгла Эльза, а теперь еще и я, похожая, как две капли воды, на нее, обрету счастье с другим. Когда Vietas Gars убедился, что разрушить твои чувства наваждением невозможно, он возненавидел тебя. Пытался убить. Хотел, чтобы я, как и Эльза, не досталась никому...

Она выглядела бледной. Рука ее, спрятавшаяся от холода в моей, была холодна. Чтобы отвлечь Аниту, да и просто согреть, я отвел ее во французское кафе возле Шведских ворот. В этом заведении всегда свежая выпечка, крепкий кофе. В его стеклянных стенах видна красота двора старого города. Здесь мы согрелись и успокоились.

Уже вечером, когда я брился на ночь, в голове снова всплыл Аполлон Яковлевич.

— Знаешь, мне почему-то жаль его, — говорю я неожиданно сам для себя и вполне искренне.

Не могу не сочувствовать тому, чья любовь безответна. Даже если это Gars Vietas.

Анита занималась йогой на коврике посередине комнаты. На ней лишь обтягивающие спортивные капри. Она застыла в очень необычной, сложной и, по моему мнению, эротичной позе.

Услышав мои слова, встала на колени. Долго молчала. Я тем временем ругал себя, что нарушил ее покой очередным упоминанием об этом существе, принесшем ее семье столько зла.

Однако когда она посмотрела на меня, я вижу понимание, а не обиду или злость в ее морского цвета глазах.

— Мне тоже жаль его, хотя он — злой гений Benedictus, — признается Анита. — Мне жаль, что он изначально отторгнул истину, принесенную на этот берег епископом Альбертом, и стал таким, каков есть. Любовь к Эльзе не побудила его задуматься о себе самом. Он не попытался изменить себя. Остался таким же. Любовался ее статуей, заглядывался на меня. Теперь, когда статуи ее в городе не стало, а мы с тобой вместе, он несчастлив более, чем когда-либо. — Анита села рядом со мной на кровать. — Мне кажется, горе, которое Vietas Gars переживает сейчас, не изменит его. Скорее всего, он будет ждать долго, если потребуются, несколько столетий, пока в Риге не родится девочка, которая, когда вырастет, будет так же похожа на Эльзу, как я.

Мне становится очень грустно.

— Возможно, он расположит ее к себе, заставит полюбить себя. Если она, конечно, не будет Benedictus, — размышляет Анита.

Мне не хочется думать о такой перспективе. Я перевожу разговор в настоящее.

— Он, думаю, больше не появится в нашей жизни. Сейчас он хочет забыть про нас не меньше, чем мы про него.

— Для него невыносимо видеть меня рядом с тобой, будет за версту обходить, — соглашается Анита. — Он не решится снова предпринять что-нибудь. Уже потерпел одно поражение. Benedictus знают, что Vietas Gars подступает к человеку лишь раз в жизни. Если терпит поражение в схватке, то человек

становится сильнее. Поэтому вторую попытку дух не предпринимает...

Кажется, она хочет снова заняться йогой. Я не даю ей сделать это своим вопросом:

— Интересно, а знал ли епископ Альберт о чувстве Vietas Gars к Эльзе?

— Очень сомневаюсь, — она смеется. — Сам посуди, удобно ли бы ей было признаться епископу в том, что у нее такой поклонник завелся. — Неожиданно она улыбается: — Довольно уже нам рассуждать о твоём Аполлоне Яковлевиче!

— Вообще-то он ваш, рижский, — парирую я. Делаю паузу. Затем прошу ее: — Знаешь, вот только хочу узнать твое мнение по одному очень серьезному вопросу. Оно, правда, снова Vietas Gars касается. Можно?

— Конечно. — Анита становится сосредоточенной, готовится слушать.

Тема действительно исчерпана. Но мне хочется поиграть с ней.

— Как ты думаешь, когда он теперь стоит в виде статуи философа в подвале Дома Черноголовых, у него есть перо для письма в руке или нет? Помнишь, я говорил, оно осталось лежать на улице.

Я очень стараюсь говорить серьезным голосом.

Анита с возмущением смотрит на меня, отворачивается. Молчит. Сидит, правда, по-прежнему рядом. Отодвинуться она, похоже, и не помышляет. Но и общаться не склонна.

Я глажу ее спину. Никакого внимания. Целую плечо. Тот же результат.

Снова пробую наладить отношения, провожу рукой по ее хвосту — перед тем как заняться йогой, она собрала волосы.

— Твой хвостик самый длинный и красивый во всей Риге, — говорю я чистую правду.

Действует. Она наконец поворачивается ко мне. Смеется.

— Ты вредный, и за что только я тебя люблю? — Затем стремительно встает с кровати. — Пойдем на коврик, займемся йогой. Не только мне надо быть в форме. Ты, кста-

ти, одет как раз для спорта — у тебя изумительные штанишки!

Тянет меня за руку. Я делаю вид, что сопротивляюсь. Продолжаю делать это и на коврике, когда она пытается заставить меня принять какую-то неестественную для нормального человека позу. Анита настаивает на своем, пытается применить силу. В этой своеобразной борьбе не оказывается победителя и побежденного — она быстро переходит во все более и более страстные ласки. Затем мы отдыхаем. Все там же, на коврике.

Взгляд ее становится мечтательным:

— Иногда я полностью раздеваюсь на пляже, в Юрмале, плаваю, затем сижу или гуляю вдоль берега. Каждая точка тела чувствует солнце и ветер. Жаль, редко удается. На пляже почти всегда люди. Я всегда плаваю и загораю так только одна. — Ее рука ласкает мои волосы. — Через несколько месяцев будет уже тепло. Теперь мне есть с кем пойти туда.

— Да.

Я знаю, что буду ждать этого не меньше, чем она. Я уже жду...

— Одна только просьба, — с таинственным видом шепчет она. — Ни слова там про Gars Vietas. Иначе мне будет казаться, что мы там втроем.

Она нарочито сердито фыркает. Изображает сердитую кошку.

Теперь я глажу ее волосы. Успокаиваю. Мы перебираемся на кровать, молчим и просто кайфуем в тишине.

— Пляж в Юрмале — это через несколько месяцев, — говорит Анита, — А на завтра у меня другое желание. Давай поедem в Юрмалу, но не на пляж, а в реабилитационный центр, где папа и мама. Хочу, чтобы вы встретились.

Она знает, что и это желание исполнится.

Мы лежим рядом, так и не замечаем, как в Ригу приходит ночь.

...Мы верим, что Аполлон Яковлевич, как я иногда по привычке называю Vietas Gars, уже не встретится на нашем пути. Сам этого не захочет.

Если же у него все-таки возникнет желание причинить нам зло, что ж... Мы хорошо знаем его, мы не слабые. К тому же в случае встречи с ним мы вспомним епископа Альберта и Петухов дивных рижских кирх.

Гнев губернатора

В отличие от Vietas Gars, с другим таинственным обитателем Риги мы вновь увиделись. Это произошло вскоре после того, как епископ благословил нас с Анитой.

Поздно вечером мы возвращались из нового развлекательного центра в Московском форштадте — ходили на дискотеку. Анита натацевалась вдоволь.

Трамваи уже не ходили, такси мы ловить не стали. К центру пошли пешком — Рига очень спокойный город. Взавшись за руки, как подростки, идем, весело болтаем. Мы чувствовали себя новобранцами в эти дни.

Ночь светлая — на улицах январский снег. Вдруг видим — несколько молодых людей в темных куртках разрисовывают граффити фасад небольшого запущенного каменного дома. Я быстро понимаю, почему выбрали такое время для своего занятия — их граффити с сатанинской символикой. И парням нравится то, что они делают. Я ощущаю их злую радость. Вот оно — то чувство, о котором говорил нам епископ. Его все больше в мире, оно усиливает мощь Vietas Gars. И не только его одного.

Как сейчас вижу эту картину: белый снег и темный дом в кровавых надписях. Я должен их одернуть. Останавливаюсь в порыве гнева. Анита не отпускает мою руку. Тянет вперед:

— Пойдем дальше, прошу, не вмешивайся. Они убьют тебя, и я не смогу помешать. Я бессильна. Им невозможно что-то внушить, слишком агрессивны, — испуганно шепчет она.

Анита чувствует их лучше, чем я. Я слушаюсь ее. Силы действительно неравные. Это не интеллигентные юноши, с которыми я сцепился на улице Альберта.

Парни, в свою очередь, заметили нас. Один кричит что-то на латышском. Анита плотно сжимает губы, ее глаза становятся злыми. Я не знаю латышского языка, но понимаю, что его слова относятся к нам и они оскорбительны. Анита делает вид, что не слышит их, как прежде идет вперед. Посматривает на меня с тревогой, боится, что сорвусь. Тему, начатую одним, подхватывают другие молодые люди. Они метрах в двадцати от нас. Я слышу уже не только латышские, но и русские реплики. Они грубо отзываются о нас, заодно решают, стоит ли заняться нами или продолжать наносить на дом свою символику.

— Только не оглядывайся, — просит меня Анита.

Судя по доносящимся словам, мы не заслуживаем их внимания. Символы на доме важнее. Я испытываю облегчение. Но как же я зол от своего бессилия! Она гладит мою руку, мы идем дальше...

Эти парни сделали темным вечер, только что бывший таким светлым для нас. Нам очень неприятно, будто соприкоснулись с чем-то гадким, донельзя холодным. Сам город, кажется, выглядит темнее. Неожиданно какой-то далекий светлый силуэт возникает на нашем пути. Всадник! Призрак губернатора фон Эссена мчится прямо на нас, как и в тот раз, на Даугаве, — на меня. Я помню слова епископа о том, что его бояться не следует, тем не менее инстинктивно закрываю Аниту собой. Напрасно, как выясняется. Магнус Густав фон Эссен стрелой пролетел мимо нас. Я вижу не только горе, но и гнев в его глазах. Он скачет в сторону парней в темных куртках. Они видят его, в панике разбегаются. Создается впечатление, что они хорошо знают, с кем имеют дело. Всадник не преследовал их. Он долго смотрел на граффити, потом поскакал назад, в нашу сторону. Остановил коня рядом с нами. Вид теперь уже снова выражает лишь горе, как и в первую мою встре-

чу с ним. Только оно больше, чем тогда.

Призрак посмотрел на Аниту, кажется, она произвела впечатление. Фон Эссен выпрямляется в седле, он элегантно склоняет голову. Анита выглядела слегка комично, когда попыталась изобразить в ответ подобие реверанса.

Губернатор перевел взгляд на меня. В его глазах мелькнула искорка узнавания. Я почти слово в слово повторяю слова епископа Альберта о том, что фон Эссена ждет партнер по шахматам. И про белые фигуры не забываю упомянуть. Может, я ошибаюсь, но глаза губернатора Риги становятся менее печальными. Он благодарно смотрит на меня. Ни слова не говоря, всадник скачет дальше. Он направляет коня в сторону старого города.

Наш настрой меняется. Тяжелые чувства, вызванные встречей с сатанистами, отступают. Наступает разрядка — даже шутить хочется.

— Совсем грустный стал. Еще бы. Они изуродовали дом в его любимом предместье, — говорю я Аните.

— Хорошо, что ты порадовал его предстоящей шахматной партией, — отвечает Анита.

Она еле сдерживается от того, чтобы не рассмеяться, ей не удается долго сдерживаться. Смеюсь и я. Наши шутки и смех — нервные. Но понемногу успокаиваемся и продолжаем путь домой.

Может, это иллюзия, может, дело лишь в расступившихся перед луной облаках, но ночь становится более светлой. Решаем идти к Аните через центр. Остались сзади Московский форштадт, ангары центрального рынка, новый торговый центр.

Мы медленно шли по переулку старого города. Шпиль церкви Святого Петра становился все ближе и ближе. Я подумал о том, что сейчас в каком-нибудь уголке галереи бывшего монастыря в самом разгаре шахматная партия, представил себе двух игроков.

Губернатор и правда страдает из-за зла, которое причинил Риге. Но не только этому посвящены его помыслы. Да, кажется, епископ Альберт немного лукавил, когда сказал, что призрак губернатора фон Эссена занят лишь своими переживаниями. Правда, при этом он добавил слово «почти»... А значит, не сказал ни слова неправды. И как знать, случайна ли была моя первая встреча с призраком? Может, сам епископ, доверяя ему, попросил губернатора поглядеть на меня, чтобы лучше узнать, что происходит со мной, в каком состоянии я нахожусь.

После того, как старый город остался за нашими плечами, я несколько раз оглядывался. Шпиль храма Святого Петра становился все меньше, но все равно был виден. Будто провожал нас. До дома, до самой постели, в которой мы спим, обнимая друг друга.

Венчание

В Риге много наших, православных, церквей. Они отличны от московских своим убранством, оно с голубиной, морского оттенка. В одном из этих храмов мы обвенчались. Перед этим на пару дней съездили в Москву. Когда я первый раз привел ее к родителям, моя мама, отстранив меня, долго смотрела на Аниту. Они глядели друг на друга, и я видел, как теплели их взгляды, они обе почувствовали свое общее — меня.

Но им обеим было и грустно. Маме оттого, что теперь я не буду так часто рядом, как прежде. Анита... Она, кажется, просто подумала о том, что у нее не будет ни сына, ни дочери, которые когда-нибудь приведут к ней свою половинку...

Анита очень ждала дня венчания — еще одно таинство нашего объединения. Она нервничала, боялась, что что-нибудь сорвется. Оттого плохо спала в поезде, когда возвращались из Москвы, — на следующий день нам предстояло идти в храм.

Мои родители не смогли приехать — возраст. Пришли, конечно, папа и мама Аниты. Были в церкви несколько человек из Риги — две подружки Аниты, Долгополов со своей Вельтой, оправившийся после гриппа профессор Бауманис. Из Москвы приехали несколько моих родственников, Роман с женой.

Пока были в церкви, я несколько раз оглядывался. Наивно, конечно, но я ждал того, кто благословил нас — епископа Альберта. Мне важно было видеть его сегодня. Но, видимо, епископ, единожды изменив своим правилам в ту ночь, когда направил меня к Аните, на будущее решил придерживаться их более строго.

Но все-таки добрые таинственные силы Риги не оставили нас своим вниманием в этот день. Когда мы вышли из храма, я сразу увидел его. Кота такой расцветки просто невозможно не заметить на белом январском, послерождественском снегу.

Черному Коту с крыши дома на улице Мейстару в связи с появлением на публике пришлось изменить внешность, сегодня он очень похож на своего обычного, слегка ободранного уличного собрата. Но глаза его ни с чьими другими не спутаешь.

«Поздравляю вас от всех нас», — звучит у меня в голове его характерный голос. Оглядываюсь на Аниту — она улыбается, ласково смотрит на него, значит, как и я, слышит его.

Но Черный Кот здесь только для нас двоих. Родители Аниты, все остальные ведут себя по-прежнему, не слышат его.

«Я очень рад тебя видеть, спасибо за все и тебе, и Псу, и Петухам», — мысленно, но от этого не менее искренне благодарю я. Мне, кстати, очень жаль, что их нет.

«Пес не смог прийти. Сторожит, ревностно относится к своим обязанностям. И Петухи не покидают шпиль кирх в эти дни, — отвечает Черный Кот на мою мысль. Затем поясняет: — После Рождества всегда трудно, нечисть хочет испортить эти дни. Один я, разгильдяй, — он хитро

подмигивает, — отлучился на несколько минут вас повидать».

Я догадываюсь, что не только поздравить пришел он, но и присмотреть за нами. Не один Vietas Gars представляет опасность в этом городе.

«Я очень люблю вас всех, — слышу обращенную к Коту мысль Аниты, — особенно тебя, черненький, такой красивый».

Я крепко держу ее за руку. Вдруг расцелует его при всех. Черный Кот отвечает громким мурлыканьем. Затем его мордочка становится веселой. Кажется, у него в голове роится много шуток, которые приняты на свадьбах и которые так не любят новобрачные. Но он делает над собой усилие, и мысль его вполне серьезна: «Епископ молится за вас, он просил вручить вам это...»

Я вдруг чувствую что-то тяжелое в кармане пиджака. Украдкой для гостей заглядываю туда. Кожаный мешочек. Уже второй от епископа Альберта. Первый был для Аниты и ее мамы. Это — уже для нас. Поднимаю глаза. Кота уже нет. Перед церковью лишь мы и наши гости.

Анита и я не хотели второпях рассматривать дар епископа. Развязали мешочек лишь вечером, когда остались вдвоем. В нем — старинный серебряный мужской перстень и ожерелье из гранатов, украшенных золотом. Тоже древнее. На перстне — надпись. Буквы славянские, но выведены столь причудливо, что я не могу ничего прочесть.

Потом, в Москве, я консультировался с историками. Они сказали мне, что такой стиль письма был некогда принят в Полоцком княжестве, на перстне написана молитва. О его происхождении смог что-то сказать мне только один из них. Он высказал предположение, что перстень принадлежал князю Вячко, происшедшему из Полоцкого дома. Сославшись на не очень достоверный список летописи, он рассказал, что князь подарил этот перстень рижскому

епископу Альберту в знак одного из заключенных ими перемирий.

Видимо, епископ решил отдать перстень, подаренный некогда одним русским, другому русскому. Кому и когда передам его я?

Ожерелье и перстень мы храним вместе с другим перстнем. Тем, который вернул епископ Аните. Вскоре после нашего венчания ее мама передала реликвию дочери.

Перстень берегу, он на моей руке, когда иду в церковь или еду к родителям. И, конечно, когда мы с Анитой отмечаем наши общие праздники.

Анита долго думала, как ей надевать ожерелье. Оно не вписывается в ее современный стиль. Впрочем, моя жена умна, и нашла выход. Нечасто, но я вижу ожерелье на ее шее.

В свете фонаря кружатся попарно листья сентября...

Корабль привез нас к мечте. Мы, я и Анита, вместе. Я продал доставшуюся по наследству от двоюродной тети недвижимость в Подмосковье и купил крошечную квартиру в Риге — две комнаты. В одной у нас кухня, в другой — спальня. Большого и не нужно.

Зарабатываю на жизнь тем, что пишу, печатаюсь больше в Москве, но и рижские газеты заказывают статьи. Пишу повести. Анита снова водит экскурсии по старому городу. Русские и немецкие. Она знает язык Артура Цандера. Продолжает писать стихи. В Москве вышел первый сборник ее стихов на русском. На латышском ее вещи печатались и раньше. Моя жена — двуязычная поэтесса. Медицину она оставила, чем очень расстроила профессора Бауманиса.

Анита не изменила своему стилю одежды. Новым для нее стали лишь вечерние платья. Раньше, признается, она никогда их не носила. Теперь надевает. Редко и только со своим гранатовым ожерельем. Для него эти платья и существуют. Она в них, когда мы вдвоем в осо-

бенные для нас дни или когда идем в театр.

А так, если прохладно, ее гардероб по-прежнему мало отличается от гардероба других молодых элегантных женщин. Единственное исключение — шарфики ярких расцветок, она их часто меняет.

Но когда становится тепло, моя жена снова в открытой яркой майке с авангардным рисунком, рваных джинсах и неизменных шлепках. Как в первый день знакомства!

Я консервативен в одежде, но мне нравится, как она смотрится. Сначала, правда, нервничал, думал, что из-за ее молодежного стиля наша разница в возрасте будет более заметна. Однако, удивительное дело, после того, как мы стали жить вместе, люди, давно знающие меня, начали как один говорить, что я стал выглядеть более молодо.

Надо сказать, что и в нашем общении я не ощущаю того, что старше ее. Анита тоже этого не чувствует. Правда, убеждена почему-то, что я умнее. Я, напротив, считаю, что во многих отношениях она мудрее меня. Может, оттого, что Benedictus? Или просто такая от природы?

Наша квартира находится в конце одного из проспектов, ведущих к старому городу. В доме семь этажей — мы живем в мансардном. Здесь хорошо слышен дождь. Когда выходим из дома, вдалеке видна башня построенного епископом Альбертом Domkirche.

В черед зданий нашего проспекта, как и на других артериях Риги, сошлись разные стили. Здесь и мрачное торжество готики, и великолепие, изысканность модерна. Парадоксально, но вся эта пестрота создает ауру, которая чем-то напоминает атмосферу старого города. Может, дело в здешнем преломлении архитектурных стилей, может, в самом воздухе Балтики. Во всяком случае, все эти проспекты, в том числе и наш, ведут к «старушке». Они напоминают мне лепестки диковинного цветка,

сердцевина которого — старый город. И чайки сюда нередко залетают.

Это наш с Анитой мир. Город, каждый его уголок для меня теперь связан с ней. Даже если я прихожу куда-то один, непременно вспоминаю, как мы были здесь вдвоем.

Живем мы все-таки на два города. Нередко я езжу в Москву, к родителям, они старенькие, и я им нужен. Анита никогда не отпускает меня одного, хотя Москва ей совершенно не нравится. За исключением того, что ей приятно общаться с моими родителями, и в московские книжные магазины она любит ходить — выбор больше, чем в Риге. Она много читает.

Мне каждый раз жаль уезжать от родителей, но и по Риге скучаю. Мы очень любим вместе возвращаться сюда. Сходим с поезда и уже через несколько минут оказываемся на вокзальной площади. Отсюда виден увенчанный шпиль церкви Святого Петра. Мы приветствуем его, как доброго друга, и едем домой.

С родителями Аниты я дружу. Ее мама, невысокая полная женщина, внешне совсем не похожа на дочь. Она очень любит своего мужа. У отца Аниты нет одной ноги, он отлично играет на аккордеоне и хорошо поет латышские песни.

Перед тем как он уехал в Афганистан, мать Аниты, как и ее дочь тридцать пять лет спустя, привела своего любимого человека к Domus Dei, епископ Альберт благословил их.

Анита не читает мои мысли. За исключением случаев, когда я хочу выкурить лишнюю сигарету. Не позволяет. Это моя мама ее научила.

Анита ходит на молитву в свою общину. Я был несколько раз с ней. Не знаю, пойду снова или нет. Я не могу молиться с ними, здесь только Benedictus.

У Аниты есть одна мысль. Я знаю — она думает о том, чтобы нам взять ребенка из детского дома. Но пока она не вполне готова к этому. Как, впрочем, и я.

Мы долго шли друг к другу. Пока нам больше хочется быть вдвоем. Но рано или поздно Анита заведет разговор о приемном ребенке, и я, скорее всего, соглашусь. Это будет непростое решение. Раньше я никогда не думал о приемном ребенке. Всегда хотел передать свою кровь родному ребенку, потом свылся с тем, что никогда не будет. А теперь... Возможно, что мы сможем стать хорошими приемными родителями. Он станет нашим продолжением, будет и православным, и лютеранином, и, разумеется, *Benedictus*. Его голос волеется в хор тех, кто поет особые молитвы этой общины. Он станет одним из хранителей Риги. Одним из избранных епископа Альберта.

Плавали, как я и обещал в первый день знакомства, на пароме в Стокгольм. Когда отчаливали, Анита сразу пошла по магазинам, расположенным на этажах огромного парома, а я смотрел на отдаляющийся город. Возле одного из похожих на дворец домов улицы Елизабетес стоял кто-то в черной монашеской рясе. Лица этого

человека издали я не разглядел. Но я чувствую, всем сердцем чувствую, что это епископ Альберт фон Буксгевенд.

У епископа много забот в этом городе. Он показал нам лишь ту грань кристалла, которую было нужно открыть. Тем не менее нашел время снова посмотреть на нас, проводить нас в короткое путешествие в сторону Севера, откуда более восьмисот лет тому назад он сам прибыл сюда. Почему же он снова позволил мне увидеть его? Сентиментальность, о которой он говорил? Не думаю.

Мы отплывали: в каждое плавание людей провожают самые близкие, а заканчивается оно встречей. Только никто не знает, когда она произойдет.

* * *

Начавшаяся на мостике в парке история завершилась, стала незримым кирпичиком великого повествования этого города.

Сейчас я работаю за своим стареньким компьютером, суверен, не могу с ним расстаться. Только что

звонил родителям. Дела их неплохи. Насколько это может быть при таком возрасте и болезнях. Анита возится на кухне, напевает что-то по-латышски. Скоро, как обычно, босиком, придет ко мне звать ужинать. Я с каждым днем все больше люблю ее босые ножки, как и ее всю. Потом мы вместе помоем посуду и либо выйдем прогуляться, а может, просто посидим у окна мансарды, посмотрим на крыши Риги. Мне хочется, чтобы так было всегда.

Я никогда не думал, что буду так счастлив. Только иногда я ловлю себя на том, что хочу снова увидеть епископа Альберта. Возможно, тогда пойму Ригу хоть на десятую, хоть на сотую часть так же сильно, как он, создавший ее и таинственным образом до сих пор живущий в ней. Этот великий капитан великого, дарящего людям мечту корабля.

Хочу понять епископа и, как знать, может, смогу помочь ему. Если не я сделаю это, то мой приемный сын или дочь. Ему нужна помощь.

г. Москва

Похождения «Подмигивающего призрака»

Повесть

Глава X. Предчувствие будущего, или Продолжение следует

Григорий не мог совладать с раздражением и вел машину рывками, матеря неумелых водителей, тормозящих его движение. «До чего же некстати бабуля задумала умирать. У меня часа через три деловое свидание. Для успеха заключения сделки уже растоплена баня и завезены проверенные девчонки. И тут все срывается. Надо было отключить мобилу. А теперь приходится тащиться на другой конец города. И чего меня вызвали к умирающей? Ведь я не доктор. Человеку уже за восемьдесят. Пожила достаточно на этом свете. Конечно, жаль старуху. Она мне всегда напоминала о детстве. Ее руки накануне Нового года вкусно пахли ванилью и сырым тестом. Да и привечала она меня больше других внуков. Пожалуй, в этой жизни меня никто и не любил так сильно, как она. Ладно, отдам последний долг. Может быть, и успею еще попасть в баню».

Припарковав машину во дворе, Григорий поднялся в квартиру.

Остро пахло лекарствами. В передней толпилось множество людей. Некоторых из них Григорий видел впервые. Его ждали и сразу пропустили, пригласив в дальнюю комнату. При его появлении лежащая неподвижно старая женщина оживилась:

— Приехал, Гриша, не опоздал. Отхожу я к Богу. Вроде бы все земные дела решила, кроме одного. Выйдите все, оставьте меня с внуком наедине. Прикрой дверь, внучок. Наш разговор другим без надобности.

Убедившись, что их никто не слышит, старушка, тяжело переводя дыхание, начала говорить краткими фразами:

— Твой дед был замминистра. Возможности разбогатеть у него и при прежней власти имелись. Он был не дурак. Брал лишь за разрешение в краткие сроки законных дел: кому в первую очередь лес поставить, кому новые станки выделить. Каждая республика свой интерес имела.

— Зачем, бабуля, ты мне о дед-покойнике гадости рассказываешь? Я же не поп в церкви, чтоб грехи отпускать.

— Знаю, что ты не в деда пошел. Тот деловой был, а ты растяпа. Любое дело загубишь. Я всех внуков в завещании упомянула. Но одну вещицу решила утаить для тебя. Чую, тебе она принесет больше пользы, чем другим. Они и сами сумеют выплыть без посторонней помощи.

— О чем речь, бабуля?

— Сними со шкафа лампу с зеленым фарфоровым абажуром и вскрой основание. Отвертка рядом с ней лежит.

Григорий поспешно выполнил указание. Отвинтив шурупы, отделил основание и увидел спрятанный от чужих глаз бриллиант. Старушка облегченно перевела дух:

— Возьми дорогую побрякушку. Никому о ней не говори. Пусть тебе одному достанется. Откуда она у деда — не знаю. Но перед смертью он наказал держать ее подальше

от чужих глаз. Темное у этого камня прошлое. Воспользуйся им только в самом крайнем случае. Иначе опасно. Цена у него высокая. Смотри не продешеви. С тебя, дурака, станется. Теперь иди и держи язык за зубами.

Пересилив брезгливость, Григорий наклонился, поцеловал старушку во влажную щеку и услышал:

— Любила я тебя больше всех. Не забывай меня.

Выполнив последнее земное дело, старушка бессильно откинулась на подушке, умиротворенно закрыв глаза. Григорий вернул лампу на место и не оглядываясь вышел из комнаты. Толпившимся в соседней комнате людям кратко объяснил:

— Сказала, что в завещании все справедливо поделила. А меня просто перед кончиной хотела повидать.

Нанятая родственниками медсестра вошла в комнату больной и тут же вышла, объявив:

— Все, отмучилась. Можете заходить.

Воспользовавшись переключением внимания, Григорий покинул квартиру и спустился вниз. Уже сидя в машине, отстраненно подумал: «Все-таки бабка молодец, не подвела. Вовремя отошла. Я еще успею к началу переговоров и в баню с девочками. Только надо будет заехать домой и спрятать дорогой камушек. Лучше всего подойдет старый полупустой пенал, сентиментально хранимый как память о беззаботных школьных годах. И чего мне делать с этим бриллиантом? Жене ничего не скажу. Она будет настаивать оставить его для совершеннoletия сына. А это еще ждать десять лет. Нет, пусть уж лучше в моем распоряжении останется». До своего дома Григорий добрался довольно быстро: вопреки обыкновению пробок на пути не встретилось. Григорий довольно подумал: «Сегодня явно удачный день. Жаль, конечно, бабулю, хотя она и считала меня всю жизнь никчемным оболтусом. А ведь права старушка: не нравится мне

заниматься бизнесом. Деньги я, конечно, люблю: привык к роскоши, живя в семье высокопоставленного деда. Но после его смерти пришлось продавать бытовую технику. А я бы предпочел ездить по миру и профессионально снимать жизнь на фотопленку. Вот и сейчас в предстоящей сделке меня больше застолье в бане с игривыми стройными телками интересует, чем планируемая выгода. Но подаренный бабулей бриллиант не будет лишним. Хорошо бы только, момент крайней необходимости его продажи никогда не настал».

Спрятав старый школьный пенал с бриллиантом среди инструментов и гвоздей, Григорий поехал на встречу с деловыми партнерами в загородную баню.

На следующее утро его разбудил звонок в дверь. Он с трудом поднялся с постели. Жена уже была на работе, а сын в школе. Нехотя подойдя к двери, он заглянул в «глазок» и увидел брата отца Василия Степановича.

«Зачем его принесло в такую рань? Если обсудить похороны, то мог позвонить по мобиле. А дядюшка за явился собственной персоной. С ним надо держаться настороже: ушлый и скользкий тип».

Василий Степанович, не здороваясь, прошелся по комнатам и, убедившись, что Гришка в квартире один, по-хозяйски уселся в кресло.

— Ну что, племян, головка болит после вчерашнего? Знаю, навел справки о твоих банных подвигах. Оторвался ты вчера по полной. Хорошо хоть договор почетные гости успели подписать. И то благодаря мне: я за неделю до вашего гулянья позаботился о подкреплении сделки дорогими подношениями нужным людям. Тебе не надоело, что фактически я фирмой руковожу, а ты лишь высокую зарплату получаешь?

— А чего ты, дядя Вася, вдруг подумал сегодня меня куском хлеба прекать и мораль читать? Мне и без того тошно.

— Надо было меньше пить и продажных баб с неистойвой страстью пользоваться. Хорошо еще, жена твоя Маришка не знает о твоих сексуальных подвигах. Хотя наверняка догадывается, но молчит, поскольку ты незаслуженно большие бабки домой приносишь. Есть у меня догадка, что без денег ты ей станешь не нужным. Один останешься и сопьешься.

— Да что с тобой сегодня, дядя Вася? Вместо того, чтобы пугать, говори прямо, что надо!

— Подожди, до дела еще дойдем. Хочу напомнить о долгах твоих многочисленных. Ты помнишь наш разговор после кончины твоего отца? Я сказал, что ты теперь должен свою семью сам обеспечивать, и помог тебе открыть свое дело. Дал, между прочим, денег на закупку товара. Но это не главное: вспомни, сколько раз я спасал тебя от бандитских наездов и нападков конкурентов.

— Тебе, отставному генералу КГБ, это было нетрудно.

— Много ты, дурак, понимаешь! Да если бы я не имел своего крупного бизнеса и авторитета среди деловых людей, меня бы никто и слушать не стал. Свои прежние служебные связи с коллегами я и использовал всего-то пару раз, и то в более серьезных делах, чем твоя жалкая фирма. Но хочу спросить: почему я спасал тебя десятки раз, а ты платишь мне черной неблагодарностью?

— Дядя Вася, мне сегодня не до загадок. Хватит меня мучить. Считай, что уже запугал меня до смерти, и скажи, чего добиваешься.

Василий Степанович неторопливо закурил, выпустил вверх замысловатое облако дыма и вкрадчиво спросил:

— Не хочешь по-родственному поведать, о чем со старушкой наедине шептался?

— Да я же вчера объяснил: попрощалась она со мною.

— Это ты другим лохам лапшу на уши вешай! Со мной этот номер не пройдет. Как-то раз по боль-

шой пьяни твой отец проговорился о крупном бриллианте, приобретенном в давние советские времена. После его преждевременной кончины я у твоей бабки пытался эту вещицу заполучить. Большие деньги предлагал. Но уперлась старуха: «Все внукам пусть достанется». Не сомневаюсь я, что именно об этом камушке между вами накануне прощальная беседа и велась. Я ведь не задаром его у тебя прошу: большое бабло тебе за него дам. Никто кроме нас двоих знать не будет. Захочешь, на твой зарубежный счет переведу. Я уже по ноздри в этой наличке. Куда девать, не знаю. Хочу вложить в дорогостоящую вещь. Ну, что скажешь?

— Впервые слышу о каком-то брюлике. Может, и был у бабки в значке камушек. Да только она ничего сказать не успела, отойдя в мир иной.

— Ну ладно, Григорий, как говорится, хозяин барин. Только учти, твой отказ тебе дорого обойдется. Я не угрожаю, а предупреждаю: больше от меня помощи не жди. А твой бизнес без моей подмоги и полгода не продержится на плаву. Все равно ко мне прибежишь. Только за брюлик в лучшем случае полцены выручишь, и то по моей душевной доброте и жалости к обнищавшему родственнику. Даю сутки на размышление. Время пошло.

Выйдя от племянника, Василий Степанович сел в иномарку и позвонил своему юристу:

— Семен Федорович, ты мне срочно нужен, через час будь в моем центральном офисе.

Этого человека Василий Степанович знал более тридцати лет. Когда-то вел его оперативную разработку, и стараниями Василия Степановича юрист отсидел пять лет в далекой Мордовии. Но потом времена изменились. Пришла перестройка. И отставной генерал КГБ, сам занявшийся бизнесом, оказался по одну сторону баррикад со своим бывшим противником. У отставного генерала были связи с чиновника-

ми и возможность участия в разделе недвижимости, а у Семена Федоровича — огромные деньги. И они объединили свои усилия к обоюдной выгоде.

За десятилетия совместного бизнеса Василий Степанович убедился в надежности партнера и потому сразу перешел к делу:

— Мне надо обанкротить небольшую фирму, связанную с продажей бытовой техники. Разорить ее и провести рейдерский захват. При чем в кратчайшее время.

— Нет проблем. Не впервой. Сделаем на этот раз через ребят с западной границы. Тормознут на таможенном посту пару фур с товаром фирмы, а затем последует решение суда, скажем, в Тамбове, о банкротстве фирмы из-за неоплаченных долгов. А с официальным решением суда на руках подключим местных московских ментов для захвата здания и наложения ареста на их активы. Ну, в общем, все как обычно.

— Ты все правильно мыслишь. Но есть одна закавыка: фирма принадлежит моему племяннику Гришке. И потому никто из родни и знакомых не должен даже догадаться о том, кому отойдет имущество. Не удивляйся: мне эта мелочь и задаром не нужна. Главное, чтобы родная кровинушка на мели осталась и ко мне на коленях приполза.

— Я все понял. Есть у меня на примете один человечек — друг детства, в одном дворе жили. Когда-то надежды подавал, но семья у него развалилась: жена ушла к другому. Выпивать стал часто. Но пока еще окончательно не опустился. И по внешности не скажешь, что запойный. Просил его трудоустроить. Вот и предложу выступить в качестве подставного лица. Пусть по документации вступит во владение фирмой со своим чистеньким паспортом.

— Хорошо, делай, как знаешь. Ученого учить — только портить. Когда ждать результат?

— Да за месяц управимся. И не беспокойтесь. О вас в этом мутном деле даже упоминания не будет.

— Хорошо, Семен. Денег не жалей. Я все оплачу, и вознаграждение щедрое будет. Держи меня в курсе дела.

Семен слово сдержал. Очень вскоре Григорий ощутил сильное давление на свой бизнес. Вопреки обыкновению не удалось урегулировать отношения с таможенниками. Они уперлись в своем нежелании пропустить задержанные под надуманным предлогом фуры с товаром. Банк нехотел потребовать возвращения взятых в кредит денег и тут же переуступил долг своему филиалу в Тамбове. Местный суд принял решение о банкротстве фирмы Григория. Новый владелец явился в офис в сопровождении ОМОНа и сыщиков, опечатавших все компьютеры. И Гришка понял, что не только разорен, но еще и должен крупную сумму. К нему вскоре явились так называемые коллекторы и потребовали возврата долгов, поставив на счетчик.

И Григорий, осознав опасность, бросился к Василию Степановичу. Тот притворно удивился:

— Ты чего так поздно спохватился? Прибежал, когда уже нет обратного хода. Как говорится, поезд ушел и рельсы разобрали. Говоришь, в счет долга квартиру требуют? Плохо дело. Надеюсь, ты не думаешь, что я к этому твоему банкротству причастен?

— Нет, теперь хозяином фирмы стал какой-то Хромов. К вам он отношения не имеет.

— Ну вот и хорошо. А то подумаешь, что родной дядя тебя допекает. Попробую в очередной раз помочь, хотя и обижен я на тебя. Постараюсь узнать, кто за всем этим стоит, и попробую договориться.

После ухода племянника Василий Степанович довольно потер руки: «Вот ловушка и захлопнулась. Не буду торопить события. Бриллиант скоро приплывет ко мне».

Через три дня он сообщил племяннику:

— Плохо дело, Григорий. За этим Хромовым стоят крутые хлопцы. Схватка с ними мне не по силам. Придется тебе платить долг. Ну что молчишь?

— Василий Степанович, помните наш разговор после смерти бабушки? Так вот, я согласен пойти на сделку. Она завещала прибегнуть к продаже дорого камушка лишь в крайнем случае. Похоже, такой момент настал.

— У меня уже нет острой нужды в твоём брюлике. Но ради родного племянника, так и быть, пойду навстречу. Вези прямо сейчас ко мне в офис твоё сокровище.

Рассмотрев привезенный племянником бриллиант, Василий Степанович небрежно смахнул драгоценный камень в ящик стола:

— Ну вот что, Григорий, все урегулирование с твоими долгами я возьму на себя. Мой юрист Семен Федорович — человек ловкий: постарается сумму долга скостить и срочную уплату произвести. Короче, считай, ты уже никому не должен. Все хлопоты я беру на себя. Но я не зверь и не хапуга. В тебе тоже течет моя кровь. И ради памяти родного брата, помогавшего мне по жизни, я на твой счет положу пятьдесят тысяч зеленых. Но упаси тебя бог вновь заняться бизнесом. Не твоего убого ума это дело. Доллары тебе даю на черный день. Ты их не трогай. А жить будешь на высокую зарплату: я договорился, и тебя возьмут в одну из моих фирм помощником руководителя по общим вопросам. Должность формальная, ты ни во что не вмешивайся. В основном приемы устраивай для зарубежных партнеров. Тут ты мастак. Оклад будет тебе позволять жить в нормальном среднем достатке, обычном для офисного планктона. Но о посещении казино и снятии стриптизерш для развлечений забудь. Да к тому же трудовой стаж будет идти. Для тебя большего и отец родной сделать бы

не смог. Все, иди! И в будущем меня не беспокой по пустякам.

Произнося многословные слова благодарности, Григорий покинул кабинет щедрого родственника. В этот момент он думал только о том, что опасность окончательного разорения его миновала, и мысленно благословлял своего спасителя-дядюшку. В течение следующих нескольких месяцев он с удовольствием выполнял несложные обязанности официального представителя фирмы: застолья, банкеты и развлечения со смазливymi девчонками были его привычной стихией. И Григория несколько не беспокоило, что он получает дармовые деньги за то, что другие считают отдыхом.

Но через полгода произошло событие, заставившее его возненавидеть своего «щедрого» дядюшку. Он вопреки советам Василия Степановича иногда забегал пообедать в дорогой ресторан. В очередное посещение Григорий заметил среди сидящих в зале посетителей двух человек, одним из которых был ненавистный Хромов, нагло завладевший его бизнесом. Второго со спины он сразу не узнал. Но было в его скособоченных плечах и обширной проплешине нечто знакомое. Не отрывая взгляда от собеседника Хромова, Григорий дождался, когда тот повернется, прожоя глазами дебелую официантку, и охнул от неожиданности: «Это же дядюшкин юрист Семен Федорович! Вот так штука! Теперь все ясно: меня сам Василий Степанович под банкротство подставил. А этот Хромов лишь прикрытие. Ловко дядя бриллиантом завладел. Хорошо хоть нищенствовать не заставил. Отделался высоким окладом и непьющей работенкой. Сам стал хозяином миллионной ценности, а мне жалкие несколько десятков тысяч баксов на бедность кинул. Ну, сволочь, подожди. Я тебе отплачу сполна!»

Оставшись незамеченным сообщниками, Гришка в ярости покинул ресторан.

С этого момента мысль о мести не оставляла Григория. Но он совершенно не представлял, как доставить неприятности могущественному и опасному отставному генералу, занятому в крупном бизнесе. Но потом вспомнил о своем школьном закадычном приятеле Кирилле Одинцове. Тот умудрился, учась на первом курсе института, угодить в колонию за кражу. Не успев освободиться, вновь попал за решетку, но уже за крупное мошенничество. Освободился в этот раз не скоро. Год назад Гришка столкнулся с бывшим приятелем, и тот пригласил его в ресторан. Повспоминали беззаботные детские годы, а когда расставались, Кирилл хвастливо предложил:

— Если будут проблемы с криминалом, не стесняйся, звони. Попробую разрулить. Я теперь после двух отсидок в авторитете. Мое слово имеет вес среди братвы.

И Одинцов вручил приятелю визитку, возвещавшую о ее принадлежности директору солидного общественного фонда. Тогда Гришка не придавал особого значения словам друга детства, но теперь, горя жаждой мести, отыскал визитку в шкафу и позвонил Одинцову. Тот без промедления назначил встречу. Выслушав приятеля, задумчиво произнес:

— Бодаться с твоим дядей напрямую никто не возьмется. Но есть у меня на примете один человек. На зоне с ним познакомился. Этот старый еврей ради красивого спектакля что-нибудь придумает. Поехали к нему, откладывать не будем.

Выслушав рассказ Григория, старик неторопливо срезал кончик сигары и насмешливо обратился к посетителю:

— Вот так всю мою многострадальную жизнь: добропорядочные люди меня, рецидивиста, избегают, а как только жареный петух клюнет, прибегают к дяде Симе и просят помочь. А что я могу? Только выслушать и посочувствовать. В бизнесе,

Гриша, клыки и когти нужны, а не высшее гуманитарное образование. Вот и наколол тебя собственный родственник.

— Что теперь горевать? Помогите восстановить справедливость!

— Я, по-твоему, должен найти киллеров, чтобы замочить кинувшего тебя человека? Так я не по этой части: в зону на копчик всегда приземлялся за мошенничество, а не за душегубство. И был там, кстати, в авторитете за ум, талант, а не грубую силу. И свою масть на мокрую разминивать не собираюсь.

— Так что же делать?

— Ну ладно, не горюй! Дядя Сима имеет свой план. Расскажи подробнее о своем обидчике: кто он, какие связи, увлечения, в чем уязвим?

— Не за что уцепиться. В деловых кругах крутится еще со времен начала перестройки. Очень богат и осторожен. Безумно любит свою молодую жену Марину и на стороне интрижки не заводит.

— Стоп! С этого момента поподробнее. Что представляет собой эта дамочка?

— Ничего особенного: фигура бесподобная, а в голове ветер. Не работает. Целыми днями шляется по магазинам и презентациям. Помешана на дорогих шмотках и цацках. Василий Степанович ей ни в чем не отказывает.

— Ну, вот все и срослось. Сейчас я позволю кое-кому из своих бывших учеников. А ты сегодня же скрытно издала покажешь мне эту фифочку. А дальше уже мои заботы: накажу обидчика — и получишь определенную компенсацию на бюджетке.

Не очень-то веря в успех, Григорий покинул квартиру опытного мошенника.

...Солнце пекло немилосердно, и Марина уже собиралась нырнуть в прохладу очередного бутика, как кто-то сзади опустил ладонь на ее плечо: «Наконец-то я тебя нашел!»

Оглянувшись, Марина увидела перед собой высокого, стройного

брюнета лет тридцати. «Какой красивый породистый мужик. Костюм на нем от Кардена и часы “Ролекс” на руке. Интересный тип, но я готова поклясться, что никогда его раньше не видела».

И, словно откликаясь на ее мысли, незнакомец в смущении отступил: «Простите, вы так похожи на мою любимую девушку. Та же красота, точеный греческий профиль и царственная манера держаться. Немудрено спутать. Тем более что мне, разлученному с невестой, везде чудится милый образ. Прошлым летом на Канарах познакомился с Людмилой. Целый год метался сюда из Новосибирска, где у меня фирма. На конец лета назначили свадьбу. А тут всего на пару месяцев улетел по коммерческим делам в южную Африку, вернулся, а ее и след простыл. Оказывается, объявился бывший однокурсник Людмилы — ее первая любовь, и она забыла обо всем на свете. И сейчас скрывается от меня на съемной квартире, словно я способен убить ее из ревности. Извините, что морочу вам голову, но здесь, в незнакомом городе, мне не с кем поделиться своей бедой. Если бы вы знали, как болит душа!»

Заметив навернувшиеся на глаза несчастного слезы, Марина сочувственно поспешила его успокоить:

— Да не переживайте так! Вы молоды, встретите другую девушку, вновь влюбитесь и с усмешкой будете вспоминать, как мотались по Москве в поисках убежавшей невесты.

— Вы так говорите, словно сами испытали нечто подобное!

— И не раз, поверьте мне!

Все в этом мире проходит, и любовь, к сожалению, тоже.

— Может быть, вы и правы. Но одного я не пойму: как она, такая умная и рассудительная, могла выбрать себе в мужья бедняка — доктора, когда я мог ее озолотить? Вот посмотрите, какой неопикуемой красоты колечко с алмазом стоимостью пятьдесят тысяч зеленых я привез ей из последней поездки.

И брошенный жених достал из борсетки аккуратно завернутую в шелковую тряпочку драгоценность. Затаив дыхание, Марина несколько мгновений разглядывала ярко посверкивающее в солнечных лучах кольцо.

В этот момент к ним шагнул рассматривающий расположенную рядом витрину мужчина в светлом костюме и бейсболке:

— Молодой человек, я случайно подслушал вашу жалостливую историю. Продайте мне кольцо. Все дело в том, что дорогие цацки — мой бизнес. Мне как раз заказали на днях подобную вещь.

— Но я не собираюсь ее продавать!

— Да рассудите вы здраво! Вам кольцо теперь ни к чему, раз невеста ушла к другому. А продав его, вы вернете свои деньги, да еще с наваром останетесь: приплачу я вам тысячу пять баксов.

— А не мало ли? Я рисковал, перевозя через границу тайком это дорогое кольцо. Меньше чем за шестьдесят я его не отдам.

— Вы не дадите бедняку заработать даже на хлеб с маслом, не говоря уже о паюсной икре, вкус которой я успел забыть. Ну ладно, надеюсь, я внакладе не останусь. Только мне надо убедиться, что имею дело с подлинной ценностью, а не фальшивкой. Здесь рядом, на соседней улице, живет известный в Москве ювелир Гольдман. Зайдем к нему, он меня знает и назовет реальную цену. Если камушек в кольце настоящий, то шестьдесят тысяч баксов я доставлю вам в руки в течение не более сорока минут.

Владелец драгоценности с сомнением взглянул на Марину:

— Прямо не знаю, как быть. И деньги наличные нужны для расширения дела, и с подобным украшением расставаться не хочется. Хотя мы ничего не теряем, если опытный ювелир оценит мое приобретение.

И заинтригованная необычной развлекающей ее историей, вле-

комая любопытством Марина направилась вслед за владельцем кольца и подвернувшись так удачно маклером. Уже через пять минут они вошли в подъезд старого московского дома. Не успели подняться на второй этаж, как услышали тяжелую поступь спускающегося вниз человека. Перед ними предстал пожилой грузный мужчина лет семидесяти, одетый в черный костюм и белую рубашку с галстуком-бабочкой. Из-под фетровой шляпы поблескивали линзы очков, многократно усиливающие строго смотрящие на мир глаза. Маклер бросился вперед:

— Давид Моисеевич, дорогой профессор, а мы идем к вам. Надо оценить безделицу.

— К сожалению, не могу. Очень спешу. Одному очень известному политическому деятелю принесли золотой браслет с бриллиантами работы XVIII века. Попросили оценить. А люди из Кремля, как вы знаете, ждать не любят.

— Но профессор, дорогой... У нас всего минутное дело. Дайте хотя бы примерную оценку. Человек в Москве проездом. Я же вас никогда не обижал. Заплачу за срочность.

Немного поколебавшись, ювелир раскрыл небольшой чемоданчик, достал лупу и снисходительно кивнул:

— Показывайте, что там у вас.

Но уже через мгновение при виде кольца с крупным алмазом преобразился и стал напоминать приготовившегося к прыжку на добычу хищного зверя. Отступив к окну, ближе к свету, еще раз посмотрел и поманил к себе маклера. Марина невольно сделала шаг в их сторону, желая услышать главное. Свистящим шепотом ювелир спросил:

— Сколько он просит? — Услышав ответ, еле слышно произнес: — Бери, эта вещь стоит вдвое больше. — И уже громко, рассчитывая на стоящего в отдалении у перил ничего не подозревающего владельца камня, сказал: — Это не фальшивка.

Правда, цена несколько завышена. Но если у вас есть выгодный заказ на подобное украшение, то можете заключать сделку. Ну а я побежал. Кстати, Мирон Петрович, не забудьте мне уплатить не позже следующей недели пять процентов от суммы сделки.

Маклер горячо заверил:

— Как можно, Давид Моисеевич. Не последний день общими делами связаны.

Ювелир зашагал вниз, а Марина, почувствовав близость получения крупной выгоды, старалась ничем не выдать своего волнения. В ее прелестной головке уже созрел план. А маклер с удвоенной энергией принялся убеждать:

— Я вас прошу, никуда не уходите. Ждите меня здесь, в подъезде. Так вернее. Максимум минут через сорок я принесу в клюве шестьдесят тысяч баксов. Так вы согласны?

Владелец камня нехотя кивнул:

— Ладно, но не более сорока минут.

И маклер, демонстрируя свою готовность успеть вовремя, кинулся опретью вниз по лестнице. Как только внизу хлопнула дверь, Марина схватила своего нового знакомого за рукав:

— Зачем вам ждать этого скользкого неприятного типа? Я сама куплю у вас ценность: давно мечтала о чем-нибудь подобном.

— И у вас есть такая сумма?

— Часть я сниму со своего личного счета, а недостающую сумму отдам вам у себя дома. Муж сейчас в командировке, вернется лишь через два дня. Но я знаю, где муж прячет деньги на черный день. Только пойдем отсюда быстрее.

— Нет, я так не могу. Дела надо вести честно. Раз я обещал ждать покупателя сорок минут, то от слова не отступлю. Если же в назначенный срок он не появится, то я уступлю кольцо вам.

— Вы что, с ума сошли, так рисковать? Если этот тип зайвится сюда не с деньгами, а с вооруженными громилами?

Последний аргумент окончательно убедил хозяина драгоценности, и он согласился:

— Хорошо, только пойдем за условленной суммой прямо сейчас. Мне до вылета осталось несколько часов, а еще надо собрать вещи.

И Марина, боясь, что владелец кольца передумает, повела его сначала в сбербанк, а потом к себе домой. Войдя в квартиру, взяла кольцо и вышла в соседнюю комнату, плотно притворив дверь. Выдвинув съемную панель снизу подоконника, она достала из тайника недостающую сумму. Вместо нее положила кольцо и вернулась к терпеливо ожидающему продавцу. Она не подозревала, что хозяин кольца, внимательно прислушиваясь к постукиванию каблучков, пересчитал количество сделанных ею шагов и попытался определить расстояние от двери до места нахождения тайника. При появлении хозяйки продавец, не пересчитывая, взял деньги и, отказавшись от предложенного кофе, поспешил покинуть квартиру.

После его ухода Марина не терпеливо бросилась доставать свое приобретение. Любуясь переливающимся в солнечном свете вправленным в золото алмазом, она предвкушала, как поразит вечно недовольного ее расходами мужа столь прибыльной покупкой. Ей и в голову не приходило, что она своими руками отдала шестьдесят тысяч долларов за копеечную красиво обработанную стекляшку.

А мошенник, выйдя на улицу, свернул за угол и сел в машину, где его ожидали «оборотистый маклер» и «маститый ювелир». Передавая деньги Симону Лионовичу, «покинутый жених» с почтением сказал:

— Здесь шестьдесят тысяч баксов. Можете не пересчитывать. Вы нас обучили когда-то мастерству фармазона. И потому мы заранее с напарником договорились не брать с вас за работу ни цента. Выполняя ваше

поручение, на мой музыкальный слух я определил: тайник находится в семи метрах от двери в дальней комнате. Судя по скрипу, она двигала какую-то доску или панель. Муж пока в отъезде. У вас в распоряжении не более суток. Что-нибудь еще?

— Нет, ребятки, спасибо, что не забыли заслуженного старого фармазона в отставке. Сегодня же исчезнете из города и полгода погастролируйте на юге.

— А может быть, и вы с нами? Вспомните славное прошлое.

— Ну уж нет. Стар я стал для таких дел. Нервы подводят. Даже новости по телевизору не смотрю. Только ради красивого дела вылез из своей норы, тряхнул стариной. Хотя не скрою, получил удовольствие от хорошо разыгранного спектакля. А теперь отвезите меня домой. С такой огромной суммой мне, старику, в общественном транспорте не с руки мотаться. Времена нынче беспокойные: того и гляди, облапошат какие-нибудь ловкачи-обманщики.

И старый мошенник рассмеялся собственной шутке.

Приехав домой, Симон Лионович отделил половину для передачи Григорию. «Этой суммы лохарику вполне хватит. Пусть чувствует себя хоть слегка отомщенным. А я его в долю взял за щедрую “наколку” на тайник в богатом доме. Но мне теперь надо поспешить организовать изъятие ценностей из схрона в течение суток до возвращения мужа из командировки. До чего же удачно все складывается».

Уже через полчаса у него дома появился пожилой субъект невзрачной внешности в темно-синем костюме и белоснежной рубашке с галстуком. При взгляде на этого человека никто и предположить не мог, что перед ним один из известных в прошлом квартирных воров. Хотя у него было множество кличек, Симон Лионович предпочитал называть собеседника Сверлом. В давние семидесятые годы они вместе отбыва-

ли срок в Магадане. Пожилые, много повидавшие сидельцы предпочитали деловой разговор. А потому, прибыв по вызову, Сверло спросил напрямую:

— Где?

— Вот адресок и план квартиры. Крестиком отмечена комната, где тайник. Мой человек слышал, как хозяйка, цокая каблучками, сделала пятнадцать шагов. Росточка дамочка среднего. Значит, метров семь-восемь от дверей. Судя по звукам, какую-то крышку или панель выдвигала. Найдешь?

— Легко. Мне, чтобы простукать мебель и стены в поисках пустот, пары минут достаточно.

— А почему про замки не спрашиваете?

— Ни к чему. Я подобно знаменитому чародею Гудини могу молниеносно освободиться от любых пут и запоров на глазах у изумленной публики. Хочешь, замажемся на пару тысяч зеленых, что со времени моего захода в подъезд до выхода с содержимым тайника пройдет не более пятнадцати минут?

— Зачем я буду бросать на ветер баксы? Заранее знаю, кто выиграет. Ты у нас непревзойденный мастер. Потому к тебе и обратился. Есть еще одна важная деталь: ты должен там, в квартире, демонстративно оставить следы разгрома и беспорядочных поисков ценностей. Прихвати кроме украшений еще пару ценных вещей, стоящих на видном месте в комнате, и один из замков в дверях напоказ выведи из строя. Хозяева должны поверить, что к ним залезли наугад и тайник обнаружили случайно. Все изъятое в квартире принесешь мне сюда, и учти, я хорошо знаю содержимое тайника.

— Уж не подозреваешь ли ты меня в крысятничестве? Как говорят нынешние братаны, за базар ответку, Сима, держать надо!

— Ну что ты, Сверло, вскинулся?! Просто мне из этого тайника нужна всего пара вещиц. Остальное меня

не интересует. Я только хочу вернуть цацки, принадлежащие мне по праву. Вот потому и заговорил о налички в тайнике конкретных побрякушек, за которыми идет охота.

— Так бы сразу и сказал. Принесу все, кроме денег. Наличку сразу по праву заберу себе. Если цацки стоят дороже, считаешься со мною дополнительно после их реализации. Ты же знаешь, я по части сбыта не мастак: всегда горел при реализации товара. Этим сам займешься. Я тебе полностью доверяю. Другой вопрос: когда?

— У нас всего один завтрашний день: наступает срок возвращения мужа из командировки. Его баба за шмотками по магазинам шляться любительница. Вот и действуй.

— Хорошо, с раннего утра за квартирой установлю наблюдение. Есть у меня верный друган. Он хоззяйку и попасет. В случае ее внезапного возвращения в квартиру успеет предупредить по мобиле. Жди меня завтра с товаром.

— Прокола не будет?

— Не должно. Сплюнь три раза через левое плечо. Ну все, Сима, до встречи.

Сверло не подвел. Симон Лионович взял в руки доставленную деревянную шкатулку и высыпал содержимое на стол. Ничем не выдал своего волнения: «Крупный бриллиант, похожий по форме на школьный мелок, на месте. Не зря я рисковал. Остальное тоже стоит недешево. Но Сверло об этом знать не должен. Для начала надо уничтожить опасную улику».

Симон Лионович извлек из общей кучки драгоценностей проданное накануне Марине фальшивое кольцо и, взяв в руки молоток, с силой разбил стекло, сплющив медную витиеватую оправу.

— Это копеечная фальшивка. Да и остальное не блеск. Я ожидал большего.

— Не парься, Сима, и не разыгрывай передо мной сцену из «Пиковой дамы». Я ни на что не претендую.

Денег я там взял предостаточно. Мне за мою работу вполне хватит. А побрякушки мне ни к чему. Это уж по твоей части. Если все, то разбегаемся. Когда понадобится, знаешь, как найти.

Сверло поднялся и, не прощаясь, направился к двери.

После его ухода Симон Лионович суетливо заметался по квартире: «Скоро придет Поинка убирать квартиру. Надо до ее появления спрятать привалившее богатство подалее. Домработница, правда, в нечестности замечена не была. Но и соблазн великий. Все цацки, пожалуй, пока спрячу среди старой обуви, а о бриллианте как особой ценности надо позаботиться особо».

Пометавшись по квартире, он затолкал шкатулку в старый изношенный зимний сапог, а с бриллиантом направился на кухню. Склонившись к шкафчику, достал несколько банок с вареньем. Открывая их по очереди, обнаружил заквасившуюся сливовую «пятиминутку». Бросив бриллиант в банку, Симон Лионович дождался, когда камень окончательно погрузится во вспененную кисло пахнущую жижу. Затем поставил все банки на место. «Первое время пусть полежит там. Но с таким привалившим богатством надо самому подумать о сооружении тайника. Правильно говорят, что богатые тоже плачут. Вот и у меня теперь забот прибавилось».

Раздался звонок в дверь. Взглянув в глазок, Симон Лионович убедился, что Полина пришла одна, и открыл дверь. С этой женщиной у него сложились особые отношения. Она появилась в его доме по объявлению о найме приходящей домработницы. В этот момент Полина, попавшая под кризисное сокращение, лишилась работы и испытывала острые материальные затруднения. Часто выпивающий муж приносил домой в день зарплаты жалкие крохи, не способные прокормить их семью. К тому же дочка училась в выпускном классе, и тре-

бовались дополнительные расходы. Услышав, что в дом одинокого хозяина надо будет приходиться лишь дважды в неделю по понедельникам и пятницам — убираться и готовить обед за десять тысяч рублей, — Полина тут же охотно согласилась. Это было хорошим подспорьем в ее бедственном положении.

В первые месяцы Симон Лионович вел себя безукоризненно. Был вежлив и предупредителен, послушно в момент уборки по ее просьбе переходил в кухню и обратно. Аккуратный и соблюдающий порядок мужчина особенно не сорил. Деньги в конце месяца платил исправно.

Иногда, правда, Полина замечала, как Симон Лионович с неприкрытым мужским интересом скользит масляным взглядом по ее все еще довольно стройной фигуре. «Надо же, в столь преклонных годах, а к женщинам еще проявляет внимание. Неужели и впрямь, как пионер, готов к труду и обороне? Хотя все может быть. Мужчина он представительный, не похоже, что физически измотан. Следит за собой тщательно. Всегда пахнет приятным одеколоном. В общем, не противен. Интересно, когда он перейдет к делу, я его оттолкну или все же уступлю? Конечно, легкого заработка лишаться не хочется, да и Митьке моему, вдрызг спившемуся, я давно уже не в радость. А с другой стороны, мои женские услуги в условия контракта не входят. Ну что же, будем посмотреть, как часто говорит сам Симон Лионович».

А хозяин, присмотревшись и изучив домработницу, окончательно решил. «Эта женщина мне подходит. Аккуратная и готовит вкусно, характер у нее спокойный, по пустякам не раздражается. К тому же замужем. А это большой плюс: претензий предъявлять не будет. Денег я за свою жизнь собрал с лотов достаточно, хотя и отсидел за это десяток лет. Да еще государство пенсию мне регулярно выплачивает наравне с теми, кто всю жизнь на

стройках народного хозяйства светлое будущее строил. Да я до конца дней своих накопленные богатства не потрачу. Надо успеть пожить вволю для себя. А без близости с женщиной — тоска. Не снимать же мне сексуальное напряжение с помощью продажных путан с Ленинградской трассы. А тут все под рукой. Но с Полиной надо действовать наверняка — сделать предложение, от которого ей невозможно будет отказаться».

И полгода назад Симон Лионович, когда домработница, завершив уборку, зашла попрощаться, попросил ее присесть в кресло:

— Послушайте, Полина, у меня к вам серьезное деловое предложение. Мы с вами взрослые люди и потому я задаю прямой вопрос: вы хотите ежемесячно получать в три раза больше?

Наступила неловкая пауза, и Симон Лионович поспешил довести до сознания сомневающейся женщины значительность предлагаемой суммы:

— Несмотря на колебания курса, вы будете получать около тысячи долларов всего за два свидания в неделю. Надеюсь, дополнительные услуги будут вам не в тягость?

Давно морально готовая к подобному предложению, Полина, решив, что дальнейшее промедление может уязвить мужское самолюбие хозяйки, кивнула:

— Хорошо, я согласна.

— Тогда не будем откладывать, начнем прямо сейчас.

— Хорошо, только после уборки мне надо привести себя в порядок и принять душ.

— Это резонно. Я жду вас в спальне.

Симон Лионович разделся, лег в постель и начал прислушиваться к льющейся в душе воде. Он чувствовал спокойную уверенность человека, хорошо знающего силу влияния денег на людей, особенно остро испытывающих материальные лишения.

Уходя в тот вечер от щедрого хозяйки, Полина ошущала определенную

неловкость. «Все бы ничего. И в постели мужик оказался вполне в силе. Но он мне в отцы годится. Чуть ли не старше вдвое. Да и перед Митькой как бы стыдно. Хотя он и знать-то ничего не будет! Для него как все было прежде, так и останется. Зато теперь не нужно заботиться, где взять деньги на платье дочери для выпускного вечера».

Когда она пришла домой, муж, как обычно, был вдребезги пьян. Он громко храпел, распластавшись в одежде поверх одеяла. Его отвратительный вид окончательно успокоил женщину. «Так этому алкашу и надо. Нечего мне себя совестить из-за этого придурка. Был бы нормальным мужиком и семью обеспечивал, то и со мной бы такого не случилось».

С тех пор Полина дважды в неделю помимо уборки и готовки обеда ложилась в постель с щедрым хозяином. И постепенно стала ловить себя на мысли, что уже не только привыкла к своему новому положению, но и испытывает физическое влечение к этому моложавому пожилому человеку, неизменно внимательно и ласково обращающемуся с ней в моменты физической близости.

В этот день, едва войдя в дом, она заметила, что хозяин необычно взволнован. Встретив ее в дверях, он сразу, вопреки заведенному им самим порядку, сразу увлек ее в постель. «Сегодня я сорвал потрясающий куш и заслужил право на призовой отдых. Оторвусь по полной».

После необычно бурных ласк хозяин устало откинулся на подушках: — Молодец, Полина! В последнее время мне везет. Но самая главная моя удача, поверь, — это ты. С тобой мне хорошо и спокойно. Скоро у тебя день рождения. Я решил тебя премировать: в конце месяца выдам тебе двойную плату. Сама купишь подарок на свой вкус.

— Спасибо, Симон Лионович, я и так всем довольна.

— Значит, мы оба рады нашей чудесной встрече. Можешь считать, что я поверил. Даже если преувеличиваешь, то мне все равно приятно. И вообще, давай перейдем на «ты». Называй меня с сегодняшнего дня запросто без отчества, только по имени. А то когда ты в постели обращаешься ко мне «Симон Лионович», мне кажется, ты просто выполняешь трудную и нудную работу.

— Нет, зря так думаете. Вы очень приятный и представительный мужчина. И женщину в постели очень хорошо понимаете.

— Давно не слышал лучшей похвалы, девочка. Сегодня поистине удачный день. Тебе готовить ничего не надо. Я покушаю в ресторане. У меня есть повод. Уберись немного — и свободна. А я пока посплю... Ты расстаралась, и я слегка подустал. Надо восстановить силы для будущих наших с тобой подвигов.

Полина поднялась и, накинув халат прямо на голое тело, пошла на кухню. Положив закупленные продукты в холодильник, перемыла посуду, протерла газовую плиту и подоконник. Затем наклонилась и открыла дверцу шкафчика. «Сколько здесь баракла накопилось. Из початых банок варенья часть затвердела, как леденцы, а в двух одна забродившая кислятина. Давно собиралась их выкинуть. Сегодня я не перетрудилась. Соберу все и отнесу на помойку. Лучше на их место муку и крупы сложу, а то постоянно пакеты под руку попадают». Полина собрала стеклянные банки с недоеденным вареньем в пакет. «Может быть, все-таки спросить у хозяина? Нет, не буду его беспокоить из-за пришедших в негодность заплесневевших продуктов. Пусть отдыхает. Сегодня любовничек особенно расстарался. Похоже, провернул выгодное дельце, раз тринадцатую зарплату решил выдать. Сам после бурных ласк обещание дал, никто его за язык не тянул. Мне в очередной раз повезло. Тьфу-тьфу, чтобы не сглазить».

И Полина, стараясь не разбудить сладко спящего хозяина, покинула его квартиру. Выйдя во двор, подошла к наполненному контейнеру и положила на верхушку мусора пакет с банками испортившегося варенья. Ей и в голову не могло прийти, что она в этот момент невольно лишает своего благодетеля целого состояния.

Симон Лионович проснулся, когда уже стало темнеть. Первым делом направился к ящику со старой обувью. Вынул шкатулку и полюбовался на богатую добычу. Затем прошел на кухню и, открыв шкафчик, не поверил своим глазам: полка зияла пустотой. Страшная догадка заставила броситься к телефону. Услышав голос Полины, еле сдерживая волнение, спросил:

— Где банки с вареньем?

— Я их выбросила на помойку.

Давно уже собиралась: содержимое есть было невозможно. Хотела вас спросить, да вы так сладко спали. Что-нибудь не так?

— Нет, я только спросил. В следующий раз, когда захочешь выбросить что-нибудь ненужное, все-таки посоветуйся со мной.

Отключившись, Симон Лионович дал волю своей ярости, с силой ударив кулаком по столу. Скривившись от боли, опомнился и начал быстро одеваться. Выскочив во двор, подбежал к мусорному контейнеру и брезгливо стал разгребать насыпанный доверху мусор. Сидящая невдалеке на скамейке пожилая женщина сочувственно спросила:

— Потеряли что-нибудь?

— Да случайно квитанцию об оплате ремонта телевизора со старыми журналами выбросил.

— Журналов не видела, а полиэтиленовый пакет с банками полчаса назад забрали.

— Местные бродяги? Вы их раньше видели?

— Нет, не наши бомжи. Два пожилых мужика и с ними девка лет тридцати в серой кофте и черной юбке. Она банки и взяла. Прошла

мимо меня, стеклянной посудой повзвывая.

— Куда они направились?

— Да в сторону лесопарка. Небось пошли пустые бутылки и банки собирать.

Симон Лионович поспешил в сторону зеленеющих невдалеке сосен и березок. Бесплезно обегав лесопарк, через час вернулся домой. Привыкший за долгую жизнь к резким переменам судьбы и крупным потерям, поспешил себя утешить: «Ладно, лезть в петлю по такому поводу не стану. Как в наших кругах говорят, легко пришли шальные деньги, так легко и ушли. Я за этот брюлик не горбатился на алмазных копиях и по копейке из зарплаты не откладывал. Еще не знаешь, как судьба нами распорядится: может быть, пропажа драгоценности мне не во вред, а на пользу. Вполне за такое сокровище горло могли перерезать. Так что горевать долго не буду. Тем более солидная пригоршня других дорогостоящих цацек мне все же досталась».

Симон Лионович подошел к столу и начал ласково перебирать золотые украшения, поочередно поднося их к свету и рассматривая. Это занятие несколько примирило его с утратой крупного бриллианта. Но в ресторан он в этот вечер все же не пошел, решив немедленно заняться устройством тайника. Денег у него было достаточно, и рисковать свободой, приступив к сбыту похищенного, ему не было резона. Уже поздно вечером, укладываясь спать, он подумал о дальнейшей судьбе навсегда потерянного бриллианта. «Интересно, продолжит камушек свой наполненный криминальными приключениями путь или сгинет, выброшенный бомжами на ненужность?»

Но это были уже не его заботы, и старый мошенник волевым усилием окончательно отбросил от себя бесполезные сожаления.

...Взяв из контейнера пакет с банками, Юлька решительно отправилась к виднеющемуся в отдалении

лесопарку, растянувшемуся на многие километры вдоль Москвы-реки. Идущие следом мужики надоедливо ворчали, упрекая ее в никчемности. Юлька злобно огрызнулась:

— Чего вы, гаврики, выступаете? Я эти банки сейчас в реке отмою и сдам. Хоть на бутылку пива нам будет. А вы вообще пустые: всего-то одну жестянку из-под колы на двоих еле в урне на остановке нашли. Так что вам лучше помолчать.

Пристыженные неудачной охотой мужики примолкли. Пройдя сквозь частокол деревьев, бомжи спустились к реке. Юлька сбросила туфли и вошла в воду. Засохшее варенье не хотело выливаться, и она передала банки мужикам.

— Не стойте как истуканы, возьмите нож и выковыривайте леденцы из банок. А я займусь прокисшей жижей.

Юлька наклонила банку с содержимым, в которой плавали сливы, и брезгливо наблюдала, как испортившийся продукт легко стекает в воду и уносится вдаль, подхваченный речным течением. Внезапно среди темно-синей массы мелькнуло инородное прозрачное тело. Юлька ловко выловила попавший в банку посторонний предмет и злобно выругалась: «Вот сволочи: стекла в продукт бросают. Небось на консервном заводе недосмотрели. А люди удивляются, почему продукт долго не хранится. Хорошо хоть стекло крупное, заметить можно. А то проглотит человек и помрет». Юлька прополоскала найденный предмет и оценила красоту его граней. «О, да это не простое стекло. Выпала безделушка из какого-то украшения. Не поостереглась дурная хозяйка. Стегляшка похожа на горный хрусталь. У моей подружки был похожий кулончик. Эту безделушку вполне можно загнать за бутылку».

Ей, приехавшей из деревни в Москву два года назад, не нашедшей работы и постепенно спивавшейся, даже в голову не могло прийти, что

она нашла и держит в руке подлинный бриллиант, способный обеспечить ей безбедную жизнь на многие десятилетия. Она засунула «горный хрусталь» в карман кофты и, домыв банки, в сопровождении мужиков поспешила к ближайшему магазину. Компанию бомжей обогнал молодой мужчина в ладно сидящем сером костюме, направляющийся к крайнему подъезду ближайшего недавно построенного дома. Жаждающая поскорее получить новую порцию спиртного Юлька решительно подскочила к незнакомцу:

— Молодой человек, можно вас на минуточку. Купите у меня занятный камушек. Это горный хрусталь. Он, конечно, без оправы. Но вы можете его вставить в какой-нибудь предмет и будете им любоваться. Посмотрите, как он искрится и переливается.

Николай Спасов досадливо отмахнулся:

— Не нужна мне эта дешевая бижутерия.

— Ну дай тогда просто десятку на хлебушек. У меня с утра даже макового зернышка во рту не было. Аж в животе урчит.

«И милость к падшим призывал», — некстати всплыли пушкинские строки в голове начинающего школьного учителя и он, невольно поддавшись сочувствию, сунул руку карман и наугад из имеющихся у него трех купюр достал сторублевку. Хотел было спрятать ее назад и вытащить взамен мелкую десятку, но застеснялся и, злясь на самого себя за интеллигентскую мягкотелость, смущенно протянул крупную купюру попрошайке. Жадно схватив деньги, благодарная бродяжка поспешно сунула в щедрую руку благодетеля прозрачный камень. Спасов хотел вернуть ей «горный хрусталь», но заметив, что прозрачный камень напоминает школьный мелок, решил: «Пожалуй, все-таки возьму: пусть лежит на письменном столе и служит символом моей профессии. Хотя при

современных технологиях пользоваться мелом почти не приходится. Разве только при написании темы очередного урока истории. Кстати, завтра с утра заставлю учеников раскрыть душу нараспашку, задав им свободную внеклассную тему «Современный этап развития России и мое место в ее истории». Интересно, что они напишут. В зависимости от результата обеспечу индивидуальный воспитательный подход».

Оторвавшись от школьных забот, Спасов посмотрел вслед бомзам, спешащим в ближайший продуктовый магазин. «Вот и тройка этих бродяг когда-то ходила в школу и строила радужные надежды на будущее. Жаль их и других бедолаг. А рядом блаженствуют благополучные богачи. И эти два параллельных мира никогда не соприкасаются. Неужели на свете никогда не было и не может быть справедливости?»

С трудом отрешившись от тяжелых философских раздумий, молодой преподаватель положил случайно доставшийся прозрачный камень в карман и вошел в подъезд. Сегодня у него был трудный день, и ему хотелось поскорее очутиться в умиротворяющем уюте, заботливо создаваемом гордящейся сыном-учителем матерью.

Оказавшись в квартире, Спасов достал из кармана ромбовидный камень с правильными гранями, положил его на тумбочку и, сняв пиджак, пошел в ванную умываться. Из кухни вкусно пахло ужином.

Когда Николай вышел из ванной, то столкнулся с ожидающей его на пороге матерью. В руке она держала принесенный им камень.

— Это у тебя откуда?

— Бомжиха у магазина отдала в благодарность за пожалованную мною сторублевую купюру.

— Ты хоть понимаешь, что это за вещь?

— Да, безделушка из горного хрусталя, изъятая из какого-то дешевого украшения.

— Если бы! Это чистейший крупный бриллиант. Мои дедушка и бабушка происходили из известного купеческого рода, и кое-какие ценности после революции удалось сохранить. В войну пришлось со многими расстаться. Но я видела настоящие драгоценности, изготовленные мастерами еще в девятнадцатом веке.

— А бомжиха сказала, что это горный хрусталь.

— Она, по-твоему, в драгоценностях разбирается больше меня? Нашла или украла где-то камень, не зная цены, и передала тебе на радостях в предвкушении близкой выпивки. Я, конечно, тоже могу ошибаться. Завтра после уроков поедешь к моей стародавней приятельнице. Ее отец был ювелиром и передал ей опыт. Ксения уже точно определит его стоимость. А пока давай от греха подальше положим камень в мой старый маленький кошелечек.

Утром, собирая сына на работу, мать строго напомнила:

— Куда ты направился? Так и знала, что обо всем забудешь. Кошелек-то с камнем не забудь. Положи подальше во внутренний карман пиджака. Да не потеряй. Ксения будет ждать тебя после обеда, я уже с ней договорилась. Она обзвонилась, узнав о появлении у нас в доме крупного камня. Я тоже всю ночь не спала. Мечтала, на что мы потратим свалившееся на нас богатство. А ты уже подумал об этом, сынок?

— Ну что ты, мама! У меня из головы не выходит намеченное на сегодня в школе свободное сочинение. Понимаешь, я никак не могу найти общий язык с моими шестиклассниками. Они не хуже и не лучше нас. Они просто другие: рассудочно мыслящие. О романтике и высоких отношениях слышать не хотят.

— И чем тебе поможет школьное сочинение на довольно странную тему о судьбах России и их личных мечтах?

— Я хоть пойму, что они хотят, к чему стремятся. А о твоём

предполагаемом бриллианте мне и думать не хочется.

— Какой же ты у меня все-таки наивный! В твоём возрасте надо думать о реальном мире, найти хорошую девушку, завести семью, родить мне внуков. А тебе самому еще надо указывать, как жить.

— Ладно, мама, не беспокойся. Умом я все хорошо понимаю. А значит, и дальше пойду по правильному пути.

— Ну вот и поговорили. Еще раз напоминаю: следи, чтобы кошелечек не пропал. Пиджак, несмотря на жару, не снимай и в классе на спинку стула не вешай.

— Все, я пробежал, а то на урок опоздаю.

Дверь закрылась, мягко щелкнув замком. Вера Дмитриевна тяжело опустилась на кресло. «Мой Николай и впрямь не от мира сего. А ведь виновата я сама: с детства внушала святыне истины, заставляла читать Толстого, Достоевского, Тургенева, учить наизусть Пушкина с Лермонтовым. Вот он, простодушный детина, и поверил, в торжество и неминуемую победу благородства и добра. Как теперь сынок выживет в этом страшном, наполненном злом мире?» Вера Дмитриевна подошла к иконе и, истово крестясь, взмолилась:

— Пресвятая Богородица, перед иконой Твоей Владимирской молю: прости и помилуй, спаси и сохрани и избавь от всяческих напастей сына моего Николая. Я сама слабая и беззащитная и не могу его укрыть от бед. Вся надежда на тебя, Милосердная заступница наша.

...Люди никогда не знают, как отзываются высшие силы на их просьбы. Мы мечтаем об одном, а наши небесные заступники откликаются на искренние молитвы совсем по-иному, да так, что и узнать об исполнении своих желаний человек сразу не может. Лишь по прошествии длительного времени начинают понимать, какую пользу принес очередной поворот в их судьбе. Так и в это утро Николай Спасов даже не

заметил, как в переполненном автобусе, везущем его в школу, опытный вор-карманник по кличке Лимон резким взмахом подбил лежащий во внутреннем кармане пиджака кошелек и ловко на лету подхватил выпавшую добычу. Затем вор пробрался к выходу и сошел на ближайшей остановке. Обнаружив в старом потертом кошельке необычной формы камень, Лимон предположил: «Неужели подфартило?! Не стал бы лох дешевую побрякушку отдельно в кошельке прятать. Отвезу камушек Циркулю. Он у меня краденые паспорта для фиктивных фирм приобретает и среди богатеньких клиентов крутится. Поможет драгоценность за солидный процент сбыть».

А Спасов, даже не заметив, как его обокрали, приехал в школу и, объявив тему сочинения, начал наблюдать, как дети без особых раздумий начали прилежно излагать на бумаге свои надежды и сокровенные жела-

ния. Изучив позже в учительской заветные мечты своих учеников, молодой преподаватель впал в унылое состояние. «У них мечты написаны словно под копирку: стать крупным чиновником, депутатом, известным спортсменом или раскрученным участником шоу-бизнеса, а в конце у всех одно: достичь богатства и славы. Для них критерии успеха лишь одни: бабло, бабло, много бабла. Даже мальчик, изъявивший желание стать врачом, написал: "...чтобы ко мне как модному целителю выстраивались очереди из преуспевающих, имеющих деньги людей". Если бы я в порыве откровенности сказал им, что всегда хотел быть школьным учителем и сеять разумное, доброе, вечное, они бы не поверили и рассмеялись столь неудачной шутке. И все же не буду отчаиваться. У меня еще два года общения с ними. А вдруг хоть у кого-то из них мне удастся изменить столь приземленное мироощущение?

Эта мысль немного приободрила молодого учителя. Вспомнив о поручении матери, он полез в карман и обнаружил пропажу кошелька. И особенно не расстроился. «Пропал камень, подозрительно похожий на бриллиант, и ладно. Особенно горевать не буду. Еще неизвестно, куда могло привести меня неожиданное богатство. Возможно, мне бы стало совсем не до воспитания чужих детей. Правильно говорят: что ни делается, все к лучшему». И Николай окончательно отбросил мысли об украденном дорогом бриллианте.

А в этот момент Лимон показывал опасному бандиту свою добычу, не догадываясь, что у того уже созрел коварный план ликвидации удачливого карманника.

Бриллиант «Подмигивающий призрак» продолжал свои наполненные криминалом приключения.

Вместо эпилога (от автора)

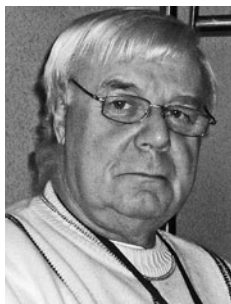
2012 год объявлен всевозможными пророками концом света. Ровно двести лет назад французский солдат вывез на родину крупный бриллиант. Через сто лет, в 1912 году, драгоценность вернулась в Россию и начала кровавый путь на протяжении

XX века. Попадая к хорошим людям, бриллиант не приносил им вреда и надолго у них не задерживался, спеша поскорее перейти к тем, кто ради несправедного богатства готов идти на любое кошмарное преступление. Значит, все-таки дело совсем

не в дорогостоящем камне, а в самих людях, им владеющих? Воистину правильно мудрое изречение: «Вольному воля, а спасенному рай». Каждый человек свободен в своем выборе.

...2012 год уже наступил.

Феликс КИРЕЕВ

Феликс Киреев окончил геологический факультет Саратовского госуниверситета им. Н. Г. Чернышевского. Кандидат геолого-минералогических наук. Автор более ста научных статей и пяти коллективных монографий. Места работы: Саратовский госуниверситет, Институт геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии РАН, РГУ нефти и газа им. И. М. Губкина, СП «Вьетсовпетро» (Вьетнам).

МОЯ ПРЕКРАСНАЯ ВЕДЬМА

Есть еще ведьмочки в русских селеньях

Однажды, когда мы с моим соседом Витькой сидели у меня дома за «рюмкой чая», он рассказал мне об одной необыкновенной жительнице небольшой казачьей станицы на юге Краснодарского края. Витька был фээсбэшник, служил в ГУПСе (Главном управлении правительственной связи) и, соответственно, был хранителем кучи различных интересных сведений. Вот и в тот раз он под «страшным секретом» поведал мне невероятную историю о летающей на метле девушке. Меня это настолько захватило, что я решил непременно побывать в той станице. Тем более что тем летом я собирался навестить в Краснодаре своего друга Серегу Рязанцева. Он давно звал меня в гости, и я подумал, почему бы не совместить, как говорится, приятное с полезным.

Прибыв в Краснодар, я, конечно, в первую очередь стал расспрашивать его об их краснодарском чуде. Он мне ответил, что самолично ту девицу на метле не видал, но много слышал о ней. Что звать ее Маша, что живет она недалеко от Краснодара в станице Раздольной и время от времени прилетает в Краснодар за покупками. А повидать эту Машу Сереге не пришлось по той причине, что сам он находился в это время в заграникомандировке в Северном Йемене. Надо сказать, что Серега хорошо знал арабский и пребывал там в качестве переводчика при нашем консульстве. Погостив в Краснодаре, я отправился в ту самую станицу Раздольная, благо находилась она всего в сотне километров от столицы этого благодатного края. Вернее, отправились мы с Серегой вдвоем. Он тоже загорелся поездкой, а поскольку у него был старенький «фольксваген»,

то мы, недолго думая, отправились в путешествие. Как у нас водится, через двенадцать километров от Краснодара асфальт закончился, и мы затряслись по нашему родному грейдеру. Но погода была прекрасная, настроение тоже, и мы за каких-то пару часов без особых приключений добрались до станицы. Станица была настоящая казачья, с широченными улицами, с ровными рядами добротных домов, крытых, как правило, оцинкованным железом. Первая же попавшаяся казачка в цветастом полушалке на плечах с готовностью показала нам дорогу до Машиного дома, оказавшегося на противоположной окраине станицы. К нашему удивлению, в отличие от остальных Машино жилище представляло собой небольшой побеленный саманный домик с маленькими подслеповатыми окнами, и, слава богу, крытый не соломой, а шифером. Неподалеку пылила гонявшая мяч ребятня. На наши расспросы о Маше они дружно показали большой палец, она для них была крутой девчонкой и вообще супер. Проходившие мимо два казака с казачкой рассказали, что девка она была ладная, приветливая, и ежели с кем из стариков случалось чего, она могла без лишних разговоров смотаться на своей метле в Краснодар и привезти необходимое. Мы выяснили также, что раньше за Машей ничего такого не замечалось. Но после того, как однажды она притащила в дом метлу, которую нашла у винного ларька, отправляясь утром на работу, она вот и стала такой наездницей. Все пришли к выводу, что метлу эту, скорее всего, забыла какая-нибудь подвыпившая ведьма. Бабка Авдотья рассказала, что она сама видела, как накануне

вечером около ларька ошивалась божжатского вида старуха. В руках у нее была початая бутылка вина. Старуха, пошатываясь, подошла к какому-то бочонку, лихо запрыгнула в него и с гиканьем унеслась ввысь, забыв про метлу. Допрошенная с пристрастием продавщица ларька Нинка клялась и божилась, что никакой старухи в глаза не видала, а вино у нее действительно брала в долг соседка Клава, якобы для кума Дениса, который помог ей вскопать огород. Правда, взгляд у Клавки был какой-то необычный, а глаза светлые, будто без зрачков. Она даже перепугалась, уж не заболела ли та чем. Но спрашивать не стала. С того времени у них в станице и начались эти чудеса. Поначалу Маша летала на метле только ночью, видимо, тренировалась, а может, стеснялась. А затем и днем повадилась летать. Даже на работу, бывало. Но с метлой никогда не расставалась. Маша работала медсестрой в местном медпункте. Так вот, и здесь, зайдя в свой кабинет, она в первую очередь запирала метлу в шкафчик, а уж потом вела прием. На наш вопрос, что же это у Маши такой неказистый дом, пожилой казак в лампадах сказал, что теперь это мемориальный музейный экспонат, и указал на прикрепленную к стене дома табличку под стеклом. На ней мы прочли: «В этом доме жила выдающаяся жительница и гордость станицы Раздольная Герой России Маша Прончева». Ну дела! Удостоилась же Маша такой чести от земляков не только за свои необыкновенные способности. Оказывается, вместе со своей метелкой она однажды выполнила важное государственное задание и даже получила золотую звезду Героя России. Церемония вручения награды транслировалась по всем центральным каналам телевидения. Правда, формулировка награждения выглядела несколько туманно — за особые заслуги! То-то я пропустил мимо ушей это награждение. Ну, наградили и наградили какую-то девчонку. Как говорится, честь ей и хвала. А что касается жилья, то станичники решили поставить Маше хороший дом. В настоящее же время Маши в станице нет, так как, по слухам, она снова призвана Генштабом для выполнения очередного задания.

Откуда метелки? Из леса, вестимо

После того, как я побывал на родине Маши-наездницы, меня постоянно донимала мысль поглубже разузнать про этот сказочный, колдовской и в то же время, как выясняется, вполне реальный, потусторонний, параллельно существующий в каком-то неведомом нам измерении мир. Я познакомился с уфологами — специалистами по НЛО, контактам с инопланетянами и различным аномальным явлениям. Мне даже удалось как-то поговорить с самым

известным уфологом России Владимиром Ажажей и побывать на его знаменитой лекции в Комитете стандартов. И потом у меня был вездесущий сосед фээсбэшник Витька, который за той же «рюмкой чая» охотно выкладывал все, что знал по интересующему меня вопросу. По его полунамекам я понял, что при ФСБ даже существует сверхсекретная лаборатория по связям с потусторонним миром и вообще со всяческой бесовщиной. А поскольку я жил в доме, построенном когда-то для сотрудников так называемой «девятки» (охрана высших должностных лиц государства), то с информацией у меня проблем не было. Собираясь у своих гаражей, мы о чем только ни болтали. В то время модной темой между нами была как раз эта девчонка с метлой, так как ей уже всерьез заинтересовались и спецслужбы, и «девятка» в том числе, уж не говоря о Генштабе. Таким образом, мне удалось поподробнее разузнать и о бесовщине, и о летающей Маше в том числе.

Что касается ведьминых метелок, то, оказывается, они пошли с Лысой горы. Эта гора, сложенная меловыми известняками и опоками, возвышается сразу за Саратовом на правом берегу Волги, огибая город полудугой и смыкаясь с Соколовой горой. Саратов оказался как бы в котловине, зажатый между этими горами и Волгой. Даже существует поговорка про Саратов: «Вокруг горы, а посередине воры». Но вы не верьте, все это наговоры завистников. Город этот вполне добропорядочный, издавна славился своими купеческими традициями, а также рыбным и зерновым изобилием. Не зря на его гербе изображены три стерлядки. Лысая гора, о которой идет речь, названа так потому, что на ней посередине когда-то покрытой редким леском вершины выделялась большая проплешина желтовато-серого цвета. Здесь ведьмы издревле ежегодно устраивали свой всероссийский слет-шабаш, на котором не только делились сомнительным опытом, но и отрывались по полной, предаваясь необузданным оргиям. Старожилы еще помнят, что в такие периоды над горой стояло голубоватое свечение, в котором мелькали, соединяясь, растворяясь и вновь появляясь, страшные неземные тени. А наломать прутьев для метелок можно было здесь же, в кустарнике, который в простонародье известен как волчья ягода. Но это могли делать только ведьмы. Во-первых, обстоятельным и прагматичным саратовцам и в голову не приходило переться на гору, да еще с такой репутацией, чтобы набрать прутьев на дворницкую метлу, — такого добра и без горы хватало. А во-вторых, как-то приказчик купчихи Собакиной послал дворника Герасима «для интересу» на Лысую гору наломать прутьев на голики. Так Герасим вернулся оттуда слегка очумевшим и лишенным дара речи. Он с выпученными гла-

зами отчаянно размахивал руками, пытаясь что-то сказать, но слышалось только нечленораздельное мычание. Так что гору оставили в покое. Теперь же Лысая гора стала уже по-настоящему лысой. Во время войны жители почти весь лес извели на дрова. Но по-прежнему с опаской поглядывают на ту поляну, хотя ведьмы, по-видимому, перестали здесь появляться, так как с тех самых военных лет свечения на горе замечено не было.

Чья метелка лучше?

Трудно сказать, по какой причине, скорее всего, из-за того, что Лысая гора, простите за тавтологию, за время войны облысела, но ведьмы перекочевали с Лысой горы на Валдай, поближе к Валдайскому озеру. Тянет их все-таки к большой воде — то на Лысой горе у Волги, то теперь вот на Валдайских горах у знаменитого озера. Как бы там ни было, но приходится констатировать, что центр ведьминых тусовок переместился на Валдай. При этом в стане ведьм произошел раскол, и значительная часть оппозиционно настроенной и своенравной молодежи, недовольной авторитарным режимом престарелых ведьм, переметнулась на Жигулевские горы, обосновавшись у знаменитой излучины Волги под Самарой. Опять же, заметьте, у воды. Здесь они основали свободную экономическую зону и даже наладили производство доступных по цене метелок. Метелки с брендом «Жигули» пользовались устойчивым спросом, особенно у ведьм из ближнего зарубежья. Хотя по сравнению со старыми саратовскими метлами с Лысой горы качество «Жигулей» оставляло желать лучшего. Скорость их была невысокой, дальность полетов ограничена, а прутья часто ломались. Правда, запасные прутья можно было приобрести на Лысой горе у Саратова, где еще сохранились отдельные кусты волчьей ягоды. Но «старые ведьмы» с Валдая, быстренько смекнув, что к чему, соорудили там мощный энергетический барьер, который круглосуточно охраняли неподкупные вурдалаки и упыри. И теперь саратовские прутья можно было приобрести вполне легально, прямо здесь же, но по заоблачной цене. Жигулевские умельцы никак не могли взять в толк (или не хотели?), в чем дело. Почему их метлы так безнадежно отстают от западных образцов? Записные эксперты, подкармливаемые руководством концерна ЗАО «Метлопром», объясняли существующее положение вещей наличием в районе «жигулевской излучины» геопатогенной зоны, связанной с крупным тектоническим разломом. Поэтому все финансовые вливания для поддержки «Метлопрома», которые производит Выс-

ший совет бесов (ВСБ), уходят в этот разлом, как в черную дыру.

Постепенно отечественные пользователи стали все больше западать на западные метелки. Особенно им приглянулись летательные аппараты известной германской компании «Мерсебес». Здесь все ласкало глаз. И подобранные по размеру вересковые прутья, и изящно изогнутая полированная палка из молодого ясеня, покрытая нестираемым гидрофобным материалом, и — предел мечтаний — автоматическая система передач. Особенно это было важно для молодых неопытных ведьм, не умевших посылать мысленные приказы нашим норовистым и ненадежным метлам. Бесэнергетической заправки на МЗС (метлозаправочных станциях) «мерсебескам» хватало на многотысячекилометровое (!) путешествие. А скорость! Скорость достигала первой космической и могла по баллистической траектории свободно обеспечить трансатлантический перелет. А у нас? У нас даже не было точных данных о дальности полетов на отечественных ведьминых метлах. Правда, кузнец Вакула летал со своего хутора Диканьки в Питер, но и то он летал на чёрте, а не на метле. Российские же ведьмы тусовались, как правило, неподалеку от своих насиженных мест, избегая дальних перелетов. Кроме того, большую роль играла сохранившаяся с заповедных времен бесоудельная замкнутость. Скажем, валаамские и соловецкие ведьмы общались в основном с питерскими, архангельскими и вологодскими, новгородские — с псковскими, московские — со смоленскими, брянскими и тульскими и т. д.

Таким образом, получалось, что российские метлы использовались на ограниченном пространстве, что, кстати, тоже могло служить тормозом в совершенствовании эксплуатационных характеристик отечественных ведьмометл. Стала совершенно очевидной нетерпимость такого положения. Ведь с развитием всеобщей глобализации все острее ощущалась необходимость всемирного бесовского общения. А значит, нужны были и соответствующие метлы. Поэтому ВСБ принял решение о создании центров сборки метловых иномарок. После этого, как и следовало ожидать, зарубежные метелки отечественной сборки, особенно мерсебесовские, стали расходиться по бесовским уделам, как горячие пирожки.

Метелка, Маша и Генштаб

Как только до Москвы дошли слухи о необыкновенной девице, летающей на метле, первым наострил уши Генштаб. Какие поистине безграничные возможности открывались перед мечтательными взо-

рами военных! Проблема бесшумного проникновения под покровом ночи в стан противника, считай, решена. Всякие дельтапланы и реактивные рюкзаки отдыхают. Никакого обременяющего снаряжения. Только метла, и все! Господи, Маша, где ты была раньше? Немедленно вызвать ее в Москву, в Генштаб! Но! Прежде чем в далекую казацкую станицу полетела срочная правительственная телеграмма, в ФСБ прошерстили всю подноготную Маши вплоть до пятого колена. И где родилась, и кто по матери и отцу, есть ли родственники за границей, был ли кто из близких в плену... Биография ее оказалась чиста, как слеза младенца. Правда, дотошные чекисты отыскивали все-таки микроскопическое пятнышко. Как-то раз налила она деду Митяю сто граммов спирта-ректификата из медицинского шкафчика. Но, во-первых, дед Митяй был ночным сторожем их медпункта и небольшого (всего на четыре койки) стационара, а во-вторых, он забрел к ней в кабинет после ночного дежурства весь продрогший и несчастный. Ну как было не пожалеть старика? Так что на этот «проступок» решили внимания не обращать.

Получив вызов из самой Москвы, Маша, не мешкая, как того требовала телеграмма, отправилась в долгий путь. Приласкав метелку и шепнув ей что-то, она со словами «ну, родная, не подкачай!» трижды перекрестилась и накрепко вцепилась в палку, настроившись на длительный перелет. Каково же было ее изумление, когда не прошло и получаса, как они уже подлетали к столице. Ну и ну! А метелка-то, видимо, не из простых. Явно чувствовалась школа. Если бы Маша знала, насколько была близка к истине ее догадка! Как потом выяснилось, метла летела по всем законам баллистики, а при подлете к Москве перешла на бредущий, «оставив с носом» ПВО. Мало того, метла не только безошибочно определила здание Генштаба на Арбате, но и то ли из озорства, то ли из намерения угодить хозяйке, то ли из тщеславного желания показать себя влетела прямо в открытое окно кабинета обалдевшего от неожиданности начгенштаба. Малость оклемавшись, генерал поведал Маше причину ее вызова. Причина оказалась серьезной и затрагивала государственные интересы России. По данным ГРУ (Главного разведывательного управления), в Киргизии на американской военной базе «Манас» был замечен знаменитый американский суперсамолет-невидимка «Стелс». Требовалось любой ценой завладеть этим самолетом и доставить его на подмосковный военный аэродром. Несколько попыток уже провалились из-за невозможности незамеченными проникнуть на эту тщательно охраняемую базу. И тут как нельзя кстати подвернулась Маша

со своей метлой. Разумеется, наши спецслужбы были неплохо осведомлены о бесовской «жизни» России. Еще во времена великого экстрасенса Вольфа Мессинга при КГБ был создан сверхсекретный подотдел по связям с бесовским миром, всяческой чертовщиной и вообще с потусторонними силами. В каждом из бесовских округов-уделов были свои агенты, которые осуществляли связь с внешним миром через специально обученных кагэбэшных экстрасенсов. Поэтому военные в целом имели представление о бесовских средствах передвижения. Но это были виртуальные образцы, на которые можно было лишь смотреть. А тут такой подарок судьбы! Остается загадкой, каким образом ведьмина метла материализовалась, далась в руки человеку? Возможно, произошел какой-то сбой, и в энергетическом заборе между потусторонним и реальным миром образовалась брешь, в которую выпала метла. Возможно, подвыпившая старуха-ведьма обнаружила, что метла потеряла способность становиться невидимой, и просто бросила ее. Но факт остается фактом — в руках Генштаба, как сразу определили эксперты, оказался прекрасный образчик ведьминой метлы производства всемирно известного германского бесовского метлоконцерна «Мерсебес». Об этом можно было только мечтать. Нужно было немедленно приступить к разработке операции по угону американского суперсамолета с базы «Манас», но уже с участием Маши и ее метлы. За дело взялся лучший специалист Генштаба майор Чулпан. По его плану Машу с метлой предполагалось забросить на сверхзвуковом истребителе на российскую авиабазу «Кант» неподалеку от Бишкека. Дальше до «Манаса» было рукой подать. Затем Маше следовало, дождавшись ночи, под покровом темноты уже на метле, которую все, не стовариваясь, окрестили «мерсебеской», долететь до американской базы. Лететь надо было в обход Бишкека, так безопаснее, сама же база находилась поблизости от гражданского аэропорта «Манас», отчего и получила свое название. Затем Маше надо будет проникнуть в ангар, где находился предмет вожделения Генштаба. Небольшая боковая дверь в ангар будет заранее приоткрыта подкупленным вольнонаемным водителем бензовоза киргизом Асаном. Для этого он специально выйдет на работу в ночную смену. Останется только незаметно проникнуть через эту дверь и по приставной лесенке забраться в кабину самолета. Там спрятаться и, как только утром пилот все запустит для полета, выбраться из своего укрытия и упереть ему в спину пистолет. При этом не забыть произнести слова: «Гоу хоум ту Москоу». Пользоваться пистолетом Машу научат. Надо сказать, когда Маша слушала

свое задание, ни один мускул не дрогнул на ее лице. Спортсменка, патриотка, красавица! Начгенштаба и майор Чулпан смотрели на Машу влюбленными глазами. Они ни на секунду не сомневались в успехе. Да с такими девушками! Так оно и вышло. Все прошло по намеченному плану. Преподнесла, как говорится, на блюдечке. На подмосковном аэродроме Машу встречали как героя. Или героиню? Золотую звезду «Герой России» ей торжественно вручили уже в Кремле. А еще ей подарили настоящий «Мерседес»! И про «мерсебеску» не забыли. Там же, в Кремле, ей преподнесли от Генштаба хрустальный футляр, отделанный серебром и балтийским янтарем. На дверце же футляра был прикреплен заветный знак «Заслуженная метла». После торжественного приема малость захмелевший начгенштаба по-отечески приобнял Машу и сказал: «Ну, Ма-

шенька, с почином. Рад тебе сообщить, что теперь ты кадровый офицер российских вооруженных сил. Приказом министра обороны тебе присвоено звание лейтенанта». «А радоваться ли мне?» — подумала Маша. Между тем начгенштаба продолжал: «Мы тут прикинули, а не создать ли разведывательно-диверсионную группу летающих ведьм-девчат? Ты была бы у них инструктором. Как ты на это смотришь?» Маша промолчала. А что она могла ответить? Да и могла ли она вообще даже представить себе, что в России когда-то действительно будет создана разведывательно-диверсионная группа молодых ведьм под названием «Нас не догонишь», а также учебный Центр нечистой силы (ЦНС)? Что она будет делегатом от России на Всемирном конгрессе ведьм и потусторонних сил в Перу? То ли еще будет! Так что мама не горюй!

Галка ГАЛКИНА

В 1989 году в Ялте я присутствовал на лекции ученого-уфолога А. С. Кузовкина. В течение полутора часов он аргументированно рассказывал об НЛО как об объективной реальности, сопровождая свои лекции записями. В конце лекции Александр Сергеевич резюмировал: «Факт существования внеземных цивилизаций доказан с большой степенью вероятности».

...Какие еще нужны доказательства?

И Библия — это шифровка инопланетян человечеству на 2000 лет вперед...

...Сейчас стоит вопрос о принятии меня в члены Союза писателей РФ. Вы мне можете в этом здорово помочь...

*Александр Лежкин, контактер с НЛО,
Ульяновская область,
г. Димитровград, улица Королева*

Галка ГАЛКИНА:

Эх, Александр Сергеевич, какие, действительно, доказательства? Все ведь ясно как белый день. Воодушевленные Вашим письмом и приведенными в нем доказательствами, мы провели слушания на тему «НЛО, Кузовкин А. С., Библия, контактеры, шифровка, тарелки, прочая паранормаловка и т. п.».

В результате большая часть редакции решила записаться в контактеры, другая, меньшая, часть — сомневающиеся — еще колеблется. Но это, Александр Сергеевич, не от большого ума. Нам бы Кузовкина А. С. на полтора часа со схемами и записями, тогда бы и вся редакции «Юности» в полном составе начала бы отслеживать аномальные явления, которые с более чем очевидной регулярностью происходят в нашей отдельно взятой жизни и вообще.

Вот, Александр Сергеевич, как по-вашему, выборы — это происки НЛО или все же масоны?

Я большей частью держусь линии, что все же космос тут подкузьмил. Будущий президент — явно

контактер. Потому что ежели это не так, тогда все чаяния наши напрасны.

Но внеземные цивилизации и жизнь там в совсем иных условиях не за горами. Как только представишь себе, сколько ведь мучились, и вот скоро уже этим мукам придет конец, хочется петь от радости и злости. Дураки! Сколько копий было сломлено, а ведь если бы раньше поняли, что НЛО — это не сказки, то уже были бы в счастливом будущем, а не в позавчера.

Александр Сергеевич, в счастливом инопланетном завтра все будут счастливы. Поэтому писателей там не будет вовсе. Писатель — он ведь что такое? Он будит общественное сознание на борьбу с недостатками. А какие недостатки, когда всем хорошо? Раз так, то и рекомендовать Вас в Союз писателей не имеет смысла.

Крепитесь, ждать осталось недолго!
Да здравствует Кузовкин!

**МОРОЗНАЯ ФАЗА МЕСЯЦА:
Человек из Словакии
выбрал Корроколпаккию!**

О старых путях и новых дорогах

- ☺ *Определись, кто ты!*
- ☺ *Начни с нуля, опять, как в начале, займи три рубля!*
- ☺ *Желаю всех благ танцорам диско!*
- ☺ *Морской приборой всегда с тобой!*
- ☺ *Девушка с черной косой тоже всегда с тобой!*
- ☺ *Айлу-лы — вот и все «Битлы»!*
- ☺ *На станции «Отдых» жил колокольчик Симон!*
- ☺ *Признайся себе: ненавязчиво, но твердо!*
- ☺ *А Вероника-то старше Олечки, боже же ты мой!*
- ☺ *Я с тобой, а ты?*

**Недры и негры
(стенгазета, выпуск № 1)**

- ☼ *Афророссияне, вы — не недрынегры!*
- ☼ *Сформулируй, соберись, не гони, не бузуй!*
- ☼ *Пророю арык в сауне!*
- ☼ *Опять про невольничий рынок в Кузьминках!*
- ☼ *Невольничий радиорынок в Кузьминках забит негодниками!*
- ☼ *Начало продаж откладывается!*
- ☼ *Невольники томятся!*
- ☼ *В ожидании продаж!*
- ☼ *У вдовы Куропаткиной случился казус: пропала куропатка!*
- ☼ *Сторож Петров употребил Гутенберга!*

© Фото Игоря МИХАЙЛОВА

**SMS'ка, посланная
в Корроколпаккию из Словакии:
А оттуда мы сюда!**

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Журнал «ЮНОСТЬ» для жителей РФ, дальнего и ближнего зарубежья распространяется только по подписке!

Наши подписные индексы: **71120** (карточная), **83124** (адресная), **42835** (годовая), **42886** (для пенсионеров и библиотек) — в каталоге «Пресса России» (зеленый); **10152** (карточная) — в каталоге «МАП»; **83802** (карточная), **83801** (адресная) — в каталоге «Роспечать».

Также вы сможете подписаться на журнал «ЮНОСТЬ» через редакцию. Нужно только заполнить и оплатить квитанцию, а ее копию передать нам любым из этих способов:

- по электронной почте: **unost-reklama@mail.ru**
- по факсу: 8 (499) 250-40-60/74
- продиктовать по телефону! 8 (499) 250-83-98

Квитанции можно вырезать из журнала или скачать на нашем сайте: **<http://unost.org>**

Москвичи могут приобрести журнал:

- в киоске «Экспресс-хроника» по адресу: г. Москва, Страстной бульвар, д. 4
- в редакции журнала «ЮНОСТЬ» по адресу: г. Москва, ул. 1-я Тверская-Ямская, д. 8, стр. 1
- в редакции журнала «Знамя» по адресу: г. Москва, ул. Большая Садовая, д. 2/46

ВЫБОР ЕСТЬ!

ВАША «ЮНОСТЬ» ВСЕГДА С ВАМИ!

Годовая подписка на литературный журнал «ЮНОСТЬ» через редакцию возможна с любого месяца. Нужно только оплатить квитанцию и отправить копию нам! Будем рады встрече с новыми читателями!

Подписка на год

Извещение	Получатель платежа: НП «Редакция журнала «Юность» Московский банк Сбербанка России ОАО г. Москва ИНН: 7710047052 КПП: 771001001		
	Расчетный счет № 40703810138040100906		
	ОАО «Сбербанк России» г. Москва, БИК 044525225		
	Корр. Счёт: 30101810400000000225		
	Ф.И.О.: _____ Адрес: _____ _____		
	Телефон: _____ E-mail: _____		
	Вид платежа:	Дата	Сумма
	Годовая подписка на журнал «Юность» с _____ месяца 2012 г.		2220,00
	Платательщик: _____		

Подписка на полгода

Извещение	Получатель платежа: НП «Редакция журнала «Юность» Московский банк Сбербанка России ОАО г. Москва ИНН: 7710047052 КПП: 771001001		
	Расчетный счет № 40703810138040100906		
	ОАО «Сбербанк России» г. Москва, БИК 044525225		
	Корр. Счёт: 30101810400000000225		
	Ф.И.О.: _____ Адрес: _____ _____		
	Телефон: _____ E-mail: _____		
	Вид платежа:	Дата	Сумма
	Полугодовая подписка на журнал «Юность» с _____ месяца 2012 г.		1200,00
	Платательщик: _____		

Копию оплаченной квитанции можно отправить в редакцию журнала «ЮНОСТЬ» по факсу: 8(499) 250-40-60, 8(499) 250-40-74, по электронной почте: unost-reklama@mail.ru.
Телефон для справок: 8(499) 250-40-72/74.